

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 3(12) – 2025

7

К вопросу о функциях
социального
конфликта
(старый спор
на новом витке
истории)

54

Юридическое
понятие творчества:
проблемы научного
конструирования
и практического
применения

123

Обзор
Всероссийского
научно-практического
круглого стола,
посвященного
95-летию профессора
И. А. Галагана

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
(12+) Praesens rege Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание

Основан в 2022 году

Выходит 4 раза в год

№ 3(12) – 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 28.11.2025

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
© Воронежский государственный университет, 2025

Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 28.11.2025

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International
© Voronezh State University, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, профессор, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Zavyalova I. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive secretary – **Shelestov D. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, The North-West Institute of Management of the RANEPA (Russia, Saint-Petersburg); **Arkhipov V. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg); **Baev M. O.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Baulin O. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Birukov P. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Vasiliev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul); **Vlasenko N. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow); **Gambaryan A. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan); **Demichev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod); **Dorskaya A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg); **Zrazhevskaya T. D.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Lomakina I. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Malko A. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov); **Mikhailov A. M.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow); **Nosyreva E. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Pavlov V. I.**, Candidate of Legal Sciences, Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk); **Panko K. K.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Sazonnikova E. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Razzokov B. H.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe); **Romanovskaya V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod); **Sorokina Yu. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Starilov Yu. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Chestnov I. L.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Shemeneva O. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh).

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Глухова А. В., Пельтихина Е. А.</i> К вопросу о функциях социального конфликта (старый спор на новом витке истории)	7
<i>Калинина Е. Ю.</i> Аффективно-ценностные факторы конфликта и возможности медиации в их трансформации как инструмент работы с ними	21

ПРАВОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ

<i>Борисов А. М.</i> Юридическая конструкция искусственного субъекта права – юридического лица	32
<i>Михайлов А. М.</i> Понятие интуитивного права класса в учении М. А. Рейснера: критическое осмысление	39
<i>Шатковская Т. В.</i> Юридическое понятие творчества: проблемы научного конструирования и практического применения	54
<i>Юртаева Е. А.</i> Юридическая наука и концептуальное обоснование законодательной деятельности	65

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Ахмедов У. Н., Савченко К. И.</i> Детерминанты мусульманского права в различных правовых системах	77
<i>Безносова Я. В.</i> Юридическая конструкция как инструмент систематизации правового материала в древнеиндийских дхармашастрах	84

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Кравчик Д. Э.</i> Советское общенародное государство: политико-правовая или пропагандистская конструкция?	93
<i>Стешенко А. А.</i> Концепция народного правосудия в советской юридической доктрине	101

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Завьялова И. С.</i> Обзор Четвертой международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира – 2025» (Воронеж, 28 февраля 2025 г.)	110
---	-----

<i>Малиновская Н. В.</i> Обзор Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного 95-летию профессора И. А. Галагана (Воронеж, 28 марта 2025 г.)	123
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	132
-------------------------------------	-----

CONTENTS

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Glukhova A. V., Peltikhina Ye. A.</i> On the issue of the functions of social conflict (an old dispute at a new turn of history).....	7
<i>Kalinina E. Yu.</i> Affective-value conflict factors and mediation opportunities in their transformation as a tool for dealing with them.....	21

LEGAL FRAMING

<i>Borisov A. M.</i> Legal construction of an artificial subject of law – a legal entity.....	32
<i>Mikhailov A. M.</i> The concept of intuitive class law in the doctrine of M. A. Reisner: critical evaluation.....	39
<i>Shatkovskaya T. V.</i> Legal concept of creativity: problems of scientific design and practical application.....	54
<i>Yurtaeva E. A.</i> Legal doctrine and conceptual validity of legislative activity.....	65

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Akhmedov U. N., Savchenko K. I.</i> Determinants of Muslim law in various legal systems.....	77
<i>Beznosova Ya. V.</i> Legal construction as a tool for systematization of legal material in Ancient Indian dharmashastras.....	84

YOUNG SCIENTISTS' PAGE

<i>Kravchik D. E.</i> Soviet all-peoples' state: political and legal or propagandistic structure?.....	93
<i>Steshenko A. A.</i> The concept of folk justice in the Soviet legal doctrine.....	101

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Zavyalova I. S.</i> Review of the 4 th International Scientific and Practical Conference “Legal Conflicts of the Modern World – 2025” (Voronezh, February 28 th , 2025).....	110
<i>Malinovskaya N. V.</i> Review of All-Russian Scientific and Practical Round Table Dedicated to the 95 th Anniversary of Professor I. A. Galagan (Voronezh, March 28 th , 2025).....	123

INFORMATION FOR AUTHORS	132
--------------------------------------	-----

УДК 316.485

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА (старый спор на новом витке истории)

А. В. Глухова, Е. А. Пельтихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2025 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию теоретико-методологических предпосылок к появлению самостоятельной теории социального конфликта, главный теоретик которой – Р. Дарендорф. Основной линией дискуссий вокруг проблем социального конфликта была и остается его функциональная роль в общественных системах. Авторы статьи предупреждают от попыток вновь табуировать конфликт, стигматизируя его как исключительно деструктивное и нежелательное явление, особенно в ситуации серьезных вызовов внутринациональной и международной стабильности. Напротив, конфликт лишь сигнализирует о том, что возникающие противоречия нужно разрешать своевременно, открывая дорогу социальному развитию и общественному прогрессу.

Ключевые слова: социальный конфликт, структурализм, функционализм, функция, дисфункция, теория конфликта.

ON THE ISSUE OF THE FUNCTIONS OF SOCIAL CONFLICT (an old dispute at a new turn of history)

A. V. Glukhova, Ye. A. Peltikhina

Voronezh State University

Abstract: the article is devoted to the study of theoretical and methodological prerequisites for the emergence of an independent theory of social conflict, the main merit in the research of which belongs to Ralf Dahrendorf. The main line of discussions around the problems of social conflict has always been and still remains its functional role in social systems. The authors of the article caution against attempts of tabooing the conflict again, stigmatizing it as an exclusively destructive and undesirable phenomenon, especially in a situation

of serious challenges to national and international stability. On the contrary, the conflict only signals that emerging contradictions must be resolved in a timely manner, opening the way for social development and public progress.

Key words: social conflict, structuralism, functionalism, function, dysfunction, theory of conflict.

Проблема конфликта всегда принадлежала к числу наиболее фундаментальных и сложных вопросов как социальных наук в целом, так и политической социологии в частности. Реальность никогда не разочаровывала исследователей отсутствием соответствующих объектов для изучения: один только XX век отмечен масштабными макроконфликтами, включая две мировые войны, многочисленными революциями, восстаниями, политическими переворотами и т.д. Хотя история мировой социальной и политической мысли богата многочисленными наблюдениями, суждениями и размышлениями о природе и происхождении разнообразных социальных столкновений, первые конфликтные теории возникают только в конце XIX века и существенно расходятся в своих теоретико-методологических основаниях¹. Показательно, что основной линией раскола между структуралистским подходом к конфликту, делающим главный акцент на объективно возникающих структурных противоречиях как источнике и основаниях конфликта, и структурно-функциональным подходом, трактующим конфликт как патологию и нарушение социального равновесия, становится проблема функций конфликта.

Социальный конфликт: функция или дисфункция?

Функционализм в истории социологии представлен рядом известных имен: В. Парето, Э. Дюркгейм и другие, но главным теоретиком по праву считается Т. Парсонс, создавший самую авторитетную социологическую теорию в знаменитой работе «Структура социального действия». Функционалистская школа социологической мысли отмечена тем, что рассматривает любую социальную проблему в контексте бесперебойного функционирования подсистем, регулирующих равновесное состояние общественной системы в целом. Так, деятельность воспитательных учреждений, обеспечивающих процесс социализации человека, служит наглядным примером поддержания равновесия в обществе благодаря формированию соответствующих установок на систему. Другой пример – деятельность образовательных учреждений, которые служат усвоению норм и ценностей политической системы и конвенциональному поведению ее

¹ См.: *Beyme Klaus von*. Die politischen Theorien der Gegenwart. Eine Einführung. 8, neubearbeitete und erweiterte Auflage. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag GmbH, 2000.

членов и т.д. Такая парадигма уподобляет общество организму, каждый орган которого работает на поддержание общей целостности.

Независимо от научного профиля исследователя, будь то анализ микро-, мезо- или макропроцессов, функциональный подход основывался на крайней нежелательности социальных конфликтов как таковых. По мнению его представителей, нормальное состояние общества – это состояние кооперации и гармонии, поддерживаемое четко определенными ролями индивидов, групп или организаций, выполняющих соответствующие задачи. Так, представитель индустриальной социологии Э. Мэйо, создавая свою теорию «человеческих отношений», сетовал на то, что различные по своему воспитанию группы мало расположены к сотрудничеству друг с другом; более того, их установки обычно предполагают равнодушие или вражду, имеющие разрушительные последствия для общества. Иными словами, разрушение социальных структур происходит не в силу вызревающих в их недрах социальных противоречий, а в силу неких психологических причин, включая индивидуальную патологию у лидеров протестных групп (прежде всего, у профсоюзных лидеров, организующих забастовки и прочие конфликтные противоборства на предприятиях). При таком подходе конфликт воспринимается как помеха кооперации и ему нужно всеми силами противодействовать, вплоть до подавления².

Подобная логика отличала все известные утопии прошлого, равно как и практики тоталитарных режимов, крайне нетерпимых к разного рода девиантным отклонениям от заданного поведенческого шаблона. Помимо прочего, она лежит в основе всевозможных попыток психологического объяснения политических расколов, к каковым относится и классическая работа Т. В. Адорно «Авторитарная личность», утверждавшая наличие взаимосвязи между авторитарным синдромом и фашистским поведением. Если объяснять конфликт сугубо психологическими причинами (одинаковыми индивидуальными расстройствами), то вряд ли можно будет провести различие между деятельностью криминальных групп и рабочим движением; психопатологией и политической оппозицией. Трактую функциональный подход как бесспорную догму, его адепты и последователи предлагают психологизирующие рецепты и ценностные суждения, не давая ответа на главный вопрос: каковы структурные причины социальных конфликтов и каково место последних в человеческой истории?

² Социологические исследования Э. Мэйо всегда велись с разрешения руководства предприятия и в сотрудничестве с ним, что не могло не сказаться на конечных выводах, предоставлявшихся заказчику. Цель исследования, как правило, заключалась в том, чтобы способствовать разрешению проблем менеджмента. Успехи прикладных социальных наук парадоксальным образом «навредили» чисто академическим исследованиям, поскольку их авторы во многом лишились свободы выбора исследовательских задач и теоретических проблем, отвечая на проблемы своих клиентов.

Серьезную попытку разрешить эту теоретико-методологическую дилемму предпринял известный американский социолог Р. Мертон³. Оставаясь функционалистом, он делает шаг навстречу конфликтному восприятию общества, признавая, что социальные системы не всегда успешно функционируют (а иногда даже не функционируют), что позволяет считать конфликты «систематическими продуктами социальных структур», например, референтных групп или институций. Но место и значение таких конфликтов автор не раскрывает, вводя для них новое понятие – «дисфункция». Оно обозначает некие наблюдаемые последствия, которые ослабляют приспособляемость или адаптацию системы, но вместе с тем способствуют ее динамике и изменениям. Иными словами, призрак конфликта постепенно проникает вглубь функционалистского подхода, в том числе в выделенные Р. Мертоном пять типов индивидуальной приспособляемости к социальным системам, одним из которых является «мятеж» или «бунт», т.е. разновидности открытого и массового внеинституционального конфликта.

Преодолев наивность своих предшественников в отношении бесконфликтного состояния общества как некоей идеальной модели, Р. Мертон вместе с тем сохраняет приверженность инструментарию функционального подхода, хотя этот инструментарий, особенно в части единой системы ценностей и средств общества, препятствует выходу автора на полноценный анализ конфликтов.

Более удачной на этом пути оказалась попытка Л. Козера, создателя концепции так называемого «позитивного функционализма»⁴. Являясь учеником не только Р. Мертона, но и Г. Зиммеля, основоположника так называемой «понимающей социологии», и отталкиваясь от его размышлений о «распрях», сопровождавших всю человеческую историю, Л. Козер актуализирует потребность во внимательном отношении к проблематике социальных конфликтов и подвергает аккуратной, но убедительной критике функционализм, включая его главные авторитеты (Т. Парсонса, отчасти Р. Мертона и других).

Определяя конфликт как борьбу за ценности и притязания на статус, власть и иные дефицитные ресурсы, в ходе которой стороны стремятся нейтрализовать, причинить вред или устранить противника, Л. Козер отдает должное тому, что социальные конфликты могут быть не только дисфункциональными (т.е. разрушительными), но и функциональными (созидательными) для той общественной системы, в которой они возникли и развиваются. При этом сама дисфункциональность не является, в

³ См.: Мертон Р. К. Явные и скрытые функции // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 379.

⁴ Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М., 2000.

первую очередь, следствием агрессивного поведения их участников, но есть следствие жесткости социальной структуры, имплицитно исключающей конфликты как нежелательное, патологическое социальное явление. Если бы социальная структура давала легитимный, институционализированный клапан для ослабления общественного напряжения и снижения протестного потенциала недовольных групп, то и форма протекания конфликта была бы иной, скорее всего ненасильственной. «Анализ различных типов конфликта и социальных структур привел нас к заключению, что конфликт бывает дисфункционален для тех социальных структур, которые недостаточно или вовсе нетерпимы по отношению к конфликту, и в которых сам конфликт не институционализирован, – подчеркивает Л. Козер. – Острота конфликта, грозящего “полным разрывом” и подрывающего основополагающие принципы социальной системы, напрямую связана с жесткостью ее структуры. Равновесию подобной структуры угрожает не конфликт как таковой, а сама эта жесткость, способствующая аккумуляции враждебных чувств и направляющая их вдоль одной оси, когда конфликт все-таки вырывается наружу»⁵. Приведенная цитата знаменует очень важный и решительный шаг Л. Козера от сформировавшего его как исследователя функционального подхода в сторону большего внимания к структурным предпосылкам социальных конфликтов и взаимосвязи между состоянием социальной структуры и формой конфликта (реалистический/нереалистический).

Прибегнув к анализу позитивных функций конфликтов, Л. Козер обращает внимание на то, что последние вносят свой вклад в функционирование социальных систем, подобно ролям, ценностям и институтам. Он предлагает впечатляющий перечень полезных функций, укрепляющих прочность социальной системы. Это функции группосозидания и интеграции; снятия напряжения и стабилизации; обучения правилам социального порядка и индикатора прочности отношений и т.д.⁶ Выводы Л. Козера максимально смело продвинули социологическую теорию в сторону отхода от равновесной модели социальной системы, созданной Т. Парсонсом, и приблизили ее к более глубокому проникновению в социальную природу конфликтов, включая их функциональные либо дисфункциональные последствия.

Новой отправной точкой дальнейшего постижения сущности и функций социального конфликта стала концепция известного немецкого социолога Р. Дарендорфа. Последний предложил радикально отделить социологическую теорию от функциональной системной модели общества и соотносить последствия социальных конфликтов не с социальной сис-

⁵ Козер Л. Указ. соч. С. 184.

⁶ См.: Там же.

темой, а с историческим процессом развития человечества. «В качестве одного из факторов вездесущего процесса социальных изменений конфликты в высшей степени необходимы, – писал Р. Дарендорф. – Там, где они отсутствуют, подавлены или же мнимо разрешены, изменения замедляются и сдерживаются. Там, где конфликты признаны и управляемы, процесс изменения сохраняется как постепенное развитие. Но в любом случае в социальных конфликтах заключается выдающаяся творческая сила общества. И как раз оттого, что конфликты выходят за рамки наличных ситуаций, они служат жизненным элементом общества – подобно тому, как конфликт вообще является элементом всякой жизни»⁷.

Р. Дарендорф стал продолжателем традиции выдающихся немецких философов – И. Канта и Г. Гегеля, а также теоретиков политико-социологического анализа – от К. Маркса до Р. Арона и Р. Ч. Миллса, признававших плодотворность социальных конфликтов и их соотнесенность с историческим процессом. В его интерпретации социальные конфликты есть структурно порожденные отношения противоречий между нормами и ожиданиями, институциями и группами. В обществах постоянно возникают противоречия, в том числе и антагонистические (т.е. непримиримые), но это не случайное, а закономерное явление, устранить которое произвольно невозможно. «Взрывчатый характер социальных ролей, оснащенных противоречивыми ожиданиями, несовместимость значимых норм, региональные и конфессиональные различия, система социального неравенства, называемая нами расслоением, а также универсальные барьеры между господствующими и подвластными образуют социальные структурные элементы, необходимо приводящие к конфликтам. Но от таких конфликтов всегда исходят мощные импульсы, направленные на темп, радикальность и направление социальных изменений»⁸.

Вопреки устоявшемуся мнению, социальные конфликты вовсе не обязательно должны быть насильственными. Скорее, наоборот, они могут быть латентными или явными, мирными или силовыми и выражаться в различных формах. «Парламентские дебаты и революция, переговоры о зарплате и забастовка, борьба за власть в шахматном клубе, профсоюзе или государстве – всё это формы проявления одной великой силы социального конфликта, задача которой вообще состоит в том, чтобы поддерживать жизнь социальных отношений, объединений и институций, а также развивать их»⁹.

⁷ Дарендорф Р. Тропы из утопии / пер. с нем. Б. М. Скуратова, В. Л. Близнекова. М., 2002. С. 370.

⁸ Там же. С. 372.

⁹ Там же. С. 371.

Обращаясь к политике, Р. Дарендорф рассуждает о противоречии между правительством и оппозицией и обращает внимание на фактор принуждения, свойственный всем политическим организациям. По его мнению, смысл этой противоположности состоит в том, чтобы поддерживать жизнь в политическом процессе, разведывать новые пути в противоречиях и дискуссиях и тем самым сохранять творческий характер человеческих обществ. То же касается конфликтов в экономической сфере или в юриспруденции и во всех остальных организациях и институтах. Иными словами, смысл и последствия социальных конфликтов заключаются в том, чтобы поддерживать исторические изменения и способствовать общественному развитию.

Таким образом, Р. Дарендорф осуществляет крутой поворот в социологической теории. Тезис о том, что последствия социальных конфликтов заключаются в поддержании исторических изменений, предполагает, что всякое общество в любое время подлежит изменениям, причем во всех своих частях. Радикальность этого предположения дополняется суждением о том, что конфликты не являются причинами социальных изменений: они относятся к числу факторов, определяющих формы и размеры изменений, вследствие чего их нужно рассматривать лишь в контексте строго исторической модели общества. Если в рамках структурно-функциональной теории конфликты и изменения рассматриваются как патологические отклонения от нормального состояния равновесной системы, то для теории конфликта, наоборот, стабильность и застой характеризуют общественную патологию. Тем самым проблема конфликта и его функций переходит из маргинального положения в рамках функционализма в центр социологического анализа.

Благодаря Р. Дарендорфу инструментарий конфликтной модели общества пополнился тремя важнейшими компонентами: конфликт – изменение – принуждение. Последнее означает, что общества спланиваются не посредством консенсуса, а с помощью принуждения, не через всеобщее согласие, а путем социального контроля. Сказанное не означает, что общество не обладает какой-либо общей ценностной системой, однако в конфликтной модели значимые ценности в каждый конкретный момент являются господствующими, а не всеобщими, и утверждаются принуждением (а то и насилием). Тем самым насилие поддерживает конфликты, а конфликты ускоряют изменения. «Мы полагаем, что конфликт вездесущ, поскольку насилие встречается повсюду, где только люди объединяются в общество. В формальном смысле в социальных конфликтах речь всегда идет об основах принуждения», – утверждал Р. Дарендорф¹⁰.

¹⁰ Там же. С. 357.

В последнее время методологические установки Р. Дарендорфа получили свое дальнейшее развитие в рамках *динамической социологии*, наиболее ярким представителем которой является французский политический социолог А. Турен. Концентрируясь на изучении современных форм социальных конфликтов, он исходит из той же дихотомии двух групп социальных ролей, что и Р. Дарендорф, т.е. управляющих и управляемых. По мнению французского ученого, изучать нужно не классы сами по себе, а их отношения как социальных акторов, которые нельзя свести ни к конкуренции, ни к простым противоречиям, но лишь к реальному конфликту между господствующим классом, присваивающим себе историчность и использующим ее в своих целях и интересах, и подчиненным классом, сопротивляющимся этому господству и оспаривающим попытку присвоения противником социальной динамики. В современных социальных и политических конфликтах противостояние носит не только политический или экономический, но и культурный характер, и главным объектом сопротивления выступает технократическая доминация¹¹. В случае такого подхода общество предстанет перед исследователем не через призму социальной структуры (т.е. через статику), а через социальную динамику, через историческое движение (историчность).

Таковы, в общем и целом, различия между теорией конфликта и равновесной моделью общества, предложенной теоретиками структурно-функционального подхода. В любом обществе, согласно конфликтной модели, должен наличествовать постоянный конфликт относительно ценностей и политических идей. Непрерывные изменения и развитие проистекают из состояния открытости и неопределенности, свойственной современным социальным системам. Более того, конфликтная модель общества – как полезный инструмент научного анализа – выступает полной противоположностью его утопической (бесконфликтной) модели. Последняя исходит из предполагаемого (или желаемого) состояния общественных отношений, которое свободно от каких бы то ни было противостояний и столкновений, способных угрожать стабильности системы. Социологический анализ социальной структуры и размежеваний, существующих в ее недрах, опровергает реальность существования подобного рода общественных систем¹².

Очевидно, что для объяснения социологических проблем исследователям одинаково необходима как равновесная, так и конфликтная мо-

¹¹ См.: Ансар П. Современная социология. Гл. 6 // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 111.

¹² «Кто хочет достигнуть общества без конфликтов, тому придется добиваться этого посредством террора и полицейского насилия, ибо сама мысль о бесконфликтном обществе есть акт насилия по отношению к человеческой природе» (Дарендорф Р. Указ. соч. С. 374).

дель общества, поскольку стабильность и изменение, интеграция и конфликт, функция и дисфункция, консенсус и принуждение представляют собой два равнозначных аспекта общества, диалектически привязанных друг к другу и лишь в такой комбинации описывающих общественные процессы более или менее исчерпывающим образом¹³. «Как физик не может решить отдельные проблемы только допущением волнового характера света, нуждаясь для объяснения других проблем в корпускулярной или квантовой теории, так и в социологии есть проблемы, которые можно адекватно решить при помощи интеграционной теории, и есть другие проблемы, для осмысления которых требуется теория конфликта, – считал Р. Дарендорф. – Обе теории могут в дальнейшем работать с одними и теми же категориями, но акцентируют они различные аспекты»¹⁴. В то время как для теории интеграции общество подобно эллипсу, в котором все элементы напоминают замкнутое, закругленное единство, теория конфликта рассматривает общество скорее как гиперболу, которая имеет одинаковые горячие точки, но открыта во многих направлениях и является полем напряжения определенных сил¹⁵.

Как соединять разделенные общества?

В современном политическом дискурсе магистральным вопросом вновь становится вопрос о соотносительности единства и многообразия, сплоченности и разделения, интеграции и конфликта. Популярно (хотя и не бесспорно) понятие «разделенные общества», сильная дифференциация которых рассматривается как конфликтогенный фактор, угрожающий общественной стабильности¹⁶. Ответом на этот вызов выступает требование обеспечения общественной сплоченности как блокирующего механизма рассеивания общественной энергии. Как отмечает известный немецкий политолог Ян-Вернер Мюллер, в Германии слово «сплоченность» с 2015 г. «переживает поразительный бум, которому не может быть параллелей в других демократиях»¹⁷. При этом требование сплоченности как таковое кажется самоочевидным и даже банальным, однако возни-

¹³ См.: Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. М., 2010. С. 41.

¹⁴ Dahrendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts // Zapf W. Theorien des sozialen Wandels. Königstein, 1979. S. 116.

¹⁵ См.: Ibid. S. 116.

¹⁶ См.: Mau Steffen, Thomas Lux, Linus Westheuser. Triggerpunkte. Konsens und Konflikt in der Gegenwartsgesellschaft. Berlin, 2023; Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. М., 2012. Т. 2, Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке.

¹⁷ Jan-Werner Muller. Freiheit, Gleichheit, Zusammenhalt – oder: Gefährdet "Identitätspolitik" die liberale Demokratie? Essay // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2021.25 Juni.

кает вопрос о том, каким образом призыв к сплоченности согласуется с другим центральным понятием в дискурсе, а именно с культурой дебатов и дискуссий в рамках демократического режима. «Потому что, казалось бы, не сам конфликт представляет опасность для общества; скорее, он всецело зависит от того, как он будет инициирован и при каких условиях он может быть урегулирован»¹⁸. Не в последнюю очередь это относится к «политике идентичности», которая, как иногда утверждают критики, вносит такой же вклад в раскол общества, как и правый популизм.

Почему политика идентичности, как и иные группирования людей, возникающие в современных сложных обществах, вызывает подобные страхи и каким образом предполагается достижение столь желаемой сплоченности? Разве не являются многослойность, гетерогенность, различия той тканью, из которой сформировался прогресс человечества?

Сплоченность (единение), если подходить к ней с философских позиций, является нормативно зависимым, политически и морально неопределенным понятием. Как известно, сплоченными могут быть как криминальные или мафиозные группы, так и общности, связанные идеями свободы и равенства. Для того, чтобы не превращать понятие «сплоченность» в заклинание, способствующее затушевыванию реально существующих противоречий и конфликтов, его необходимо встроить в более широкий контекст ценностей. Главная среди них – ценность свободы и конфликт как ее проявление. «Конфликт – это свобода», «либеральная демократия – это правительство через конфликт»: эти слова Р. Дарендорфа, написанные в 1970-е гг., сегодня даже более актуальны, чем полвека назад¹⁹.

И в этом нет ничего удивительного: государство является демократическим именно в силу наличия в нем плюрализма. Если бы все люди думали одинаково, вряд ли возникли какие-то конфликты. Но в таком случае, вероятно, не было бы необходимости в посреднических демократических институтах, поскольку их предназначение как раз и состоит в том, чтобы терпеть разногласия, а конфликты разрешать мирным, цивилизованным путем. Как известно, главным способом является принятие мажоритарных решений на выборах, которым должно предшествовать подробное обсуждение политического содержания. Изюминка демократии заключается в том, что никакие выборы не могут быть последними и каждый конфликт может повториться в ходе следующего голосования и быть решен по-другому. Только таким образом проигравшие, которые всегда будут существовать в представительной демократии, могут взять

¹⁸ Jan-Werner Muller. Op. cit.

¹⁹ См.: Dahrendorf R. Op. cit.; Idem. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. Muenchen, 2004.

на себя роль законной оппозиции, которая критикует правительство, но не подрывает нормы и процедуры самой демократической системы²⁰.

С другой стороны, никуда не исчезает традиционное представление о том, что с конфликтом можно справиться, подавив его носителей. Более того, на новом этапе мирового развития, характеризующегося особой сложностью и многообразием вызовов, наслаивающихся друг на друга, а также высокой скоростью социального времени, возникают проблемы, которые трудно решить обычными демократическими методами: «Даже сохранение правопорядка почти неизбежно требует авторитарных мер»²¹. Вот почему пророческим видится название статьи, опубликованной Р. Дарендорфом в самом начале 2000-х гг., «На пороге авторитарного века»: автор предвидел усиливающийся вызов растущего социального и культурного многообразия и предостерегал от него своих современников.

Сегодня угрозу общественному единству видят в приверженцах политики идентичности, которых обвиняют в том, что они ведут себя слишком самоуверенно и не придерживаются правил демократической игры. Вместо того, чтобы признать другую сторону в качестве законного партнера в конфликте, его тут же «отменяют», и «отмененные» уже не допускаются даже к участию в следующих дебатах, не говоря уже о возможной победе на выборах.

Подобную напряженную ситуацию нередко объясняют тем, что предмет споров всё чаще становятся не материальные интересы, обсуждать которые в прошлом можно было относительно безэмоционально, но идентичности, которые очень трудно примирить или свести к компромиссу. Споры по поводу идентичности, как уже говорилось, нередко заканчиваются моральной дискредитацией и полным исключением другой стороны. И в этом одинаково преуспели и правые популисты, фактически превратившие «культурную борьбу» в свою политическую бизнес-модель, и левые, одержимые стремлением к признанию всё более необычных идентичностей. «Не материальные интересы, но мораль и культура становятся главной ареной политических дебатов», – отмечает Я.-В. Мюллер²².

Резко обострившиеся политические споры и дискуссии порождают угрозу потерять некий объединяющий элемент как в политическом дискурсе, так и в обществе в целом, поскольку реальными жертвами этой риторической борьбы «за возрождение» становятся рабочие и социально незащищенные слои населения. Левые активисты, заикленные на требованиях «разнообразия», систематически отвлекаются от социаль-

²⁰ Muller Jan-Werner. Op. cit.

²¹ Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение) : монография. Воронеж, 2024. С. 5.

²² Muller Jan-Werner. Op. cit.

ного вопроса, чем вносят свой вклад в нарастание недовольства и социальной напряженности.

«Цветущее многообразие» современных сложных обществ, характеризующихся множественными линиями размежеваний, воспринимаемых зачастую как угроза общественному единству («сплоченности»), актуализирует многие из положений теоретической конфликтологии, особенно в части функций конфликтов. Вопреки расхожему мнению, последние могут способствовать нивелированию или устранению разобщающих элементов и восстановлению единства. Если в результате конфликта в отношениях между сторонами наступает разрядка напряженности, то он сам становится интегральной частью отношений и выполняет стабилизирующую функцию. Вместе с тем в результате конфликта не должны затрагиваться основы, на которых строятся отношения, т.е. базовый ценностный консенсус. Открытые общества, допуская конфликты, создают защиту против тех из них, которые угрожают базовому консенсусу (т.е. базовым ценностям). Пересечение конфликтных линий между множеством различных групповых интересов нейтрализует их деструктивный потенциал и препятствует расколу по одной-единственной линии. «Погашенные» таким образом конфликты «сшивают воедино» социальную ткань общественной системы.

Таким образом, в социологическом анализе человеческого общества просматриваются два лица, одинаково реальных в конкретных исторических обстоятельствах: лицо сплоченности, гармонии и стабильности и лицо дезинтеграции, конфликта и изменений. Первое лицо всегда было и остается вождеденной мечтой о гармоничном существовании в благословенном лоне общины («Аркадии», в терминологии И. Канта). Второе лицо эстетически менее привлекательно, чем первое, однако оно позволяет более адекватно исследовать и объяснять современную социальную реальность, переполненную конфликтами разного типа и интенсивности, и продолжать развивать теорию социального конфликта, подчеркивая ее принципиальную теоретическую и практическую значимость.

Библиографический список

Ансар П. Современная социология. Гл. 6 / П. Ансар // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 111–119.

Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение) : монография / А. В. Глухова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2024. – 254 с.

Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

Дарендорф Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. – М. : Праксис, 2002. – 536 с.

Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер ; пер. с англ. О. А. Назаровой. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

Мертон Р. К. Явные и скрытые функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 379–448.

Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – Т. 2, Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 471 с.

Beyme Klaus von. Die politischen Theorien der Gegenwart. Eine Einfuehrung / Klaus von Beyme. – 8, neubearbeitete und erweiterte Auflage. – Wiesbaden : Westdeutscher Verlag GmbH, 2000. – 359 S.

Dahrendorf R. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak / R. Dahrendorf // Reden und Aufsätze Dahrendorf. – Muenchen : C. H. Beck Verlag, 2004. – 350 S.

Dahrendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts / R. Dahrendorf // Zapf W. Theorien des sozialen Wandels. – Konigstein, 1979. – S. 108–123.

Mau Steffen. Triggerpunkte. Konsens und Konflikt in der Gegenwartsgesellschaft / Steffen Mau, Lux Thomas, Westheuser Linus. – Berlin : Suhrkamp Verlag, 2023. – 540 s.

Muller Jan-Werner. Freiheit, Gleichheit, Zusammenhalt – oder: Gefährdet "Identitätspolitik" die liberale Demokratie? Essay / Jan-Werner Muller // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2021. – 25 Juni.

References

Ansar P. Modern sociology. Ch. 6 / P. Ansar // Sociological studies. – 1996. – No. 8. – Pp. 111–119.

Beyme Klaus von. The political theories of the present. An Introduction / Klaus von Beyme. – 8, revised and expanded edition. – Wiesbaden : Westdeutscher Verlag GmbH, 2000. – 359 p. [In Germ.]

Dahrendorf R. Modern social conflict. Essay on the policy of freedom / R. Dahrendorf. – Moscow : Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2002. – 288 p.

Dahrendorf R. On a theory of social conflict / R. Dahrendorf // Zapf W. Theories of social change. – Konigstein, 1979. – Pp. 108–123. [In Germ.]

Dahrendorf R. Paths from utopia / R. Dahrendorf. – Moscow : Praxis, 2002. – 536 p.

Dahrendorf R. The resumption of history. From the fall of the Wall to the war in Iraq / R. Dahrendorf // Speeches and essays Dahrendorf. – Munich : C. H. Beck Verlag, 2004. – 350 p. [In Germ.]

Glukhova A. V. Political conflicts: bases, typology, dynamics (theoretical and methodological analysis) / A. V. Glukhova. – 2nd ed. – Moscow : Book house "LIBROKOM", 2010. – 280 p.

Glukhova A. V. Political science facing the challenges of a divided world (conflictological dimension) : monograph / A. V. Glukhova. – Voronezh : Publishing house of VSU, 2024. – 254 p.

Kozer L. Functions of social conflict / L. Kozer ; translation from English by O. A. Nazarova. – Moscow : Idea-Press, House of intellectual books, 2000. – 208 p.

Merton R. K. Explicit and hidden functions / R. K. Merton // American sociological thought : texts / ed. V. I. Dobrenkov. – Moscow : Moscow State University Press, 1994. – Pp. 379–448.

Mau Steffen. Trigger point. Consensus and Conflict in Contemporary Society / Steffen Mau, Lux Thomas, Westheuser Linus. – Berlin : Suhrkamp Verlag, 2023. – 540 p. [In Germ.]

Muller Jan-Werner. Freedom, equality, cohesion – or: Does "identity politics" endanger liberal democracy? Essay / Jan-Werner Muller // From Politics and Contemporary History. – 2021. – 25 June. [In Germ.]

Political identity and identity politics : in 2 vol. / [ed. I. S. Semenenko]. – Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. – Vol. 2, Identity and socio-political changes in the 21st century. – 471 p.

Для цитирования:

Глухова А. В., Пельтихина Е. А. К вопросу о функциях социального конфликта (старый спор на новом витке истории) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 7–20.

Recommended citation:

Glukhova A. V., Peltikhina Ye. A. On the issue of the functions of social conflict (an old dispute at a new turn of history) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 7–20.

Сведения об авторах

Глухова Александра Викторовна – профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, доктор политических наук, профессор

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Пельтихина Евгения Александровна – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета

mail: soc@hist.vsu.ru

Information about authors

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Professor at the Sociology and Political Science, Department of Voronezh State University, Doctor of Political Sciences, Full Professor

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Peltikhina Yevgeniya Aleksandrovna – Senior Lecturer at the Sociology and Political Science Department of Voronezh State University

E-mail: soc@hist.vsu.ru

АФФЕКТИВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТА И ВОЗМОЖНОСТИ МЕДИАЦИИ В ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАБОТЫ С НИМИ

Е. Ю. Калинина

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Поступила в редакцию 1 марта 2025 г.

Аннотация: успешное разрешение конфликтов требует определенных концептуальных изменений, для которых как отрицательные, так и положительные эмоции могут сыграть важную роль. Одним из факторов, способствующих успешной медиации, является то, что медиаторы признают эти эмоции (как у себя, так и у участников) и устанавливают процесс управления ими. Целью настоящего исследования является теоретическое осмысление роли эмоций в процессе управления конфликтом в рамках медиации.

Ключевые слова: эмоции, конфликт, медиация, школьная медиация, трансформация конфликта, аффекты, ценности, деструктивный конфликт, конструктивный конфликт.

AFFECTIVE-VALUE CONFLICT FACTORS AND MEDIATION OPPORTUNITIES IN THEIR TRANSFORMATION AS A TOOL FOR DEALING WITH THEM

E. Yu. Kalinina

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

Abstract: successful conflict resolution requires certain conceptual changes, which can be facilitated by both negative and positive emotions. Mediators play an important role in recognizing these emotions and establishing a process for managing them, both in themselves and among the participants. This study aims to theoretically conceptualize the significance of emotions in the process of conflict management during mediation.

Key words: emotions, conflict, mediation, school mediation, conflict transformation, affects, values, destructive conflict, constructive conflict.

Фундаментальной основой практики ведения переговоров и медиации является не только когнитивный анализ конкурирующих интересов и рациональное достижение наиболее эффективного результата, но и осознание лежащих в основе сложившейся ситуации эмоциональных факторов. Исследователи и практики в работе с конфликтами знают, какую роль в процессе урегулирования и разрешения конфликтов имеют эмоции. Практически никогда конфликты не разрешаются с помощью логики. Работа с эмоциями – еще одно измерение конфликто разрешающей деятельности, которое располагается в современных моделях между рациональным и поведенческим¹.

Переговоры – это сложный процесс, требующий когнитивных, поведенческих и эмоциональных компетенций. Эффективному переговорщику следует уметь справляться с эмоциональной динамикой процесса, не только осознавая собственное эмоциональное состояние и управляя им, но и осмысливая эмоциональные аспекты поведения участников и обращаясь к ним с целью трансформации конфликтной ситуации. В этом плане уже можно по-новому взглянуть на общепризнанную максиму мастеров конфликто разрешения – У. Юри и Р. Фишера – о том, что в процессе переговоров необходимо отделять людей от проблемы: на самом деле они неразделимо связаны эмоциональным фактором, что делает людей частью проблемы. Следовательно, мы должны признавать наличие эмоций и их влияние на процесс разрешения споров (положительное или отрицательное) и конструктивно справляться с ними.

Ранее эмоции недооценивали, связывали их с инстинктами, определяли как дорациональный компонент сознания, скорее, биологический фактор. Считалось, что эмоции – это универсальные физиологически обоснованные системы реагирования, которые позволили людям решать проблемы физического выживания, размножения и управления группой². В настоящее время уже ясно, что культура значительно изменила их функции и механизмы. Отношение к эмоциям меняется, в зарубежной науке происходит так называемый «эмоциональный поворот» или «новая страсть к эмоциям»³. Происходит отход от рациональной модели субъекта, которая отделяла эмоции от познания и рассматривала их как незначительный фактор восприятия и формирования картины мира.

¹ См.: *Warren E. A. Emotions in Conflict Resolution: a New Model of Constructive Conflict // Intuition : the BYU Undergraduate Journal of Psychology. 2015. Vol. 10, Iss. 1. P. 8.*

² См.: *Lindner E. G. Emotion and Conflict: Why It Is Important to Understand How Emotions Affect Conflict and How Conflict Affects Emotions // The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice / Deutsch, Morton, Coleman, Peter T., and Marcus, Eric C. (eds.). Second edition. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 2006. Pp. 268–293.*

³ *Friedman V. J., Arieli D., Aboud-Armali O. Facilitating emotional reappraisal in conflict transformation // Conflict Resolution Quarterly. 2018. No. 35. P. 351.*

Теперь эмоции рассматриваются как неотъемлемая часть когнитивных процессов. Исследования показали, что их влияние на трансформацию конфликта может быть положительным или отрицательным в зависимости от того, как с ними работать⁴, что значительно усиливает роль медиатора в этой сфере.

Но если для медиаторов-психологов эмоциональная составляющая конфликта может иметь значение, то, в отличие от них, юристы-медиаторы нередко предпочитают не замечать эмоциональную сторону процесса разрешения споров или, по крайней мере, стараются дистанцироваться от эмоциональных проявлений, полагая, что это может усложнить процесс или привести их к неспособности контролировать поведение конфликтующих сторон. Если бы это было возможно, юристы-медиаторы предпочли бы выступать посредниками в спорах, которые вообще не несут эмоциональной нагрузки⁵. Юристы обычно считают, что последовательное, аргументированное, объективное и рациональное принятие решений является краеугольным камнем любого процесса разрешения споров, поскольку эмоции отвлекают участников от решения основных вопросов, приводят к манипулированию, а сами эмоции в любой момент могут взять верх над человеком и лишить его возможности участвовать в переговорах на основе принципа равноправия. Сильные эмоции часто провоцируют агрессивное, а порой и иррациональное поведение⁶, в результате которого «увлекаемый эмоциями субъект нередко действует в конфликте как раз вопреки собственным интересам»⁷.

Но, возможно, решение эмоциональных проблем даже в каком-то смысле более важно, чем решение вопросов по существу на сеансе медиации, поскольку позволяет вскрыть интересы и потребности сторон, лежащие за позициями. Это свидетельствует о значительном ценностном потенциале эмоции: он может придавать ценность объектам суждения или, при выполнении когнитивных задач, собственным мыслям и склонностям⁸. Неспособность адекватно решить эмоциональные проблемы может привести к неэффективности медиации. Многие опытные медиаторы считают, что при обучении медиации недостаточно внимания уделяется тому, как медиаторам справляться с эмоциональными реакциями сторон⁹.

⁴ См.: Ibid.

⁵ См.: Kelly E. G., Kaminskienė N. Importance of emotional intelligence in negotiation and mediation // *International Comparative Jurisprudence*. 2016. Vol. 2, Iss. 1.

⁶ См.: Adler R. S., Rosen B., Silverstein E. M. Emotions in negotiation: how to manage fear and anger // *Negotiation Journal*. 1998. No. 14. P. 162.

⁷ Севостьянов Д. А. Инверсивный анализ эскалации конфликта // *Философия права*. 2021. № 3(98). С. 37.

⁸ См.: Clore G. L., Huntsinger J. R. How emotions inform judgment and regulate thought // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. No. 11.

⁹ См.: Ibid.

Поскольку считалось, что эмоции мешают разрешению конфликта, то основной рекомендацией был призыв к подавлению эмоций, их контролированию или выведению из сферы конфликта – в любом случае через их рационализацию. Положительная роль эмоций прямо или косвенно отрицалась¹⁰. Сегодня, благодаря исследованиям в этой области, признано, что эмоции играют значимую роль в разрешении конфликтов. Правда, в чем именно состоит эта роль, пока не до конца ясно, если судить по статьям за последнее десятилетие. Сам по себе конфликт означает наличие отрицательных эмоций, и большая часть неприятных ощущений, дискомфорта у сторон связана с этими эмоциями¹¹. Поэтому специалистам по работе с детьми, подростками и молодежью следует учитывать этот фактор, например, в школьной медиации. В дополнение к существующей модели, в контексте которой внимание сосредотачивалось на подавлении отрицательных эмоций («не дерзи», «успокойся», «девочки не дерутся», «гневом делу не поможешь» и т.п.), можно обратить внимание на перевод деструктивного конфликта в конструктивную плоскость, в том числе на основе концентрации на положительных эмоциях. Для этого может быть полезно научиться выявлять положительные эмоции или определять конструктивный потенциал эмоции, которая обычно считается отрицательной.

Не совсем верной представляется мысль о том, что конфликт однозначно связан с негативными эмоциями, а следовательно, они оказываются чуть ли не единственным препятствием к разумному рассмотрению произошедшего. Недооценка эмоций ведет к тому, что искусственно снижается их роль в процессе управления конфликтом и его разрешения. Психологи работают над тем, чтобы установить тесные отношения между когнитивной и аффективной сферами, указывая на то, что системы мозга, ответственные за реагирование на раздражители, взаимосвязаны между собой. Например, были проведены исследования на пациентах с поражениями мозга, которые признавали наличие ряда эффективных механизмов разрешения конфликтов, но не могли применять их на практике, поскольку в результате поражения была разорвана связь между когнитивной и аффективной областями обработки информации¹².

Сегодня признано, что эмоции необходимо изучать более глубоко. Совершенно недостаточным представляется суждение о том, что «они

¹⁰ См.: *Nair N. Towards understanding the role of emotions in conflict: a review and future directions // International Journal of Conflict Management. 2008. No. 19(4). P. 361.*

¹¹ См.: *Bodtker A. M., Katz Jameso J. Emotion in Conflict Formation and Its Transformation: Application to Organizational Conflict Management // International Journal of Conflict Management. 2001. No. 12(3). P. 263.*

¹² См.: *Fagionatto Vicentin V., Leme Silva M. I. Resolução De Conflitos: Sentimentos e Justificativas De Adolescentes // Veras. 2014. Vol. 4, No. 1. Pp. 5–24.*

возникают ниоткуда и не зависят от нас»¹³. Существуют две основные позиции, которые связывают эмоциональную составляющую сознания либо с когнитивной, либо с аффективной его стороной. Согласно линейной теории, к эмоциям приводят когнитивные процессы, что продуцирует специфическое поведение¹⁴. Когнитивные оценки, которые считаются предшествующими эмоциям, включают комплексную реакцию на стимул, ее вызывающий¹⁵. Эмоции здесь вторичны по отношению к когнитивной работе сознания. В таком подходе критичным можно считать тот факт, что не учитывается влияние поведения на эмоции и что эмоции могут выступать в качестве предпосылок мышления и поведения. Линейная схема располагает элементы в иерархии, устанавливает жесткие взаимосвязи, но реальность гораздо более разнообразная. Поэтому существует теория, связывающая эмоции с аффективной стороной сознания. Информация о предмете конфликта, противоположной стороне и других обстоятельствах, сформированная на основе эмоционального восприятия, может быть более убедительной, чем мысли об объекте суждения, и может быть передана быстрее, чем мысли. Так аффективные сигналы, в том числе эмоции, непосредственно влияют на суждения¹⁶, предшествуют им. О. В. Аллаhverдова писала о «явно ведущей роли эмоций, которые формируют когнитивные конструкты всё более деструктивного поведения»¹⁷, хотя и признавала, что «психологии XXI в. еще предстоит понять, при каких обстоятельствах эмоции порождают мысль, а при каких – мысль руководит эмоциями»¹⁸. В рамках современного подхода утверждается, что существует ложная дихотомия между разумом и эмоциями, поскольку эмоции играют важную роль в понимании мира¹⁹.

Конфликт можно трансформировать в конструктивный, и этот процесс связан с возможностью контроля эмоций, смены деструктивных эмоций на конструктивные (самый простой пример – это прощение). Для трансформации необходимо понимать вероятный деструктивный потенциал некоторых конструктивных эмоций и конструктивные возможности,

¹³ Крот Е. А., Пикалов В. В. Управление эмоциями в социальных коллективах // Символ науки. 2024. № 11-1-2. С. 217.

¹⁴ См.: Аллаhverдова О. В. Динамика эмоционального состояния участников переговоров в процессе урегулирования конфликта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 2-1. С. 14.

¹⁵ См.: Halperin E., Schwartz D. Emotions in conflict resolution and post-conflict reconciliation // Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale. 2010. No. 87. Pp. 423–442.

¹⁶ См.: Clore G. L., Huntsinger J. R. Op. cit.

¹⁷ Аллаhverдова О. В. Динамика эмоционального состояния участников переговоров в процессе урегулирования конфликта...

¹⁸ Аллаhverдова О. В. Изменение картины мира в конфликте // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Психология. 2012. № 2. С. 19–27.

¹⁹ См.: Friedman V. J., Arieli D., Aboud-Armali O. Op. cit.

которые имеются в деструктивных эмоциях. Успешное разрешение конфликтов часто требует концептуальных изменений, для которых отрицательные эмоции могут сыграть важную роль²⁰. На это обращают внимание многие специалисты по школьной медиации за рубежом²¹.

Работая с эмоциями, можно представлять процесс примирения как возможность трансформировать имеющиеся негативные эмоции или создавать новые эмоции, которые помогут сторонам перейти от состояния негативного мира (отсутствие открытого насилия) к состоянию позитивного мира (отношения сотрудничества и поддержки)²². Важно учитывать, на какой стадии находится эмоциональная динамика конфликта. В ряде случаев могут сложиться разные предпосылки к примирению. Например, обстоятельства таковы, что конфликт должен двигаться к разрешению. Но эмоциональное состояние сторон не позволяет прийти к соглашению. Тогда медиатору нужно стремиться к усилению тех эмоциональных компонентов, которые необходимы для решения проблемы, и одновременно предпринимать шаги по трансформации или удалению тех эмоций, которые препятствуют конструктивному диалогу.

Не так давно исследователи подтвердили значимый для науки и практики факт: конфликт нередко связывается с эмоциями, которые субъект переживает не только по отношению к самому себе, но и в ответ на действие, направленное на группу, с которой он себя идентифицирует. Так появляется связь между разрешением конфликтов путем медиации, эмоциями и становлением идентичности. В связи с этим было введено понятие «групповых эмоций», т.е. таких, которые связывают индивидов в группы и заставляют переживать не только по поводу того, что происходит с ними лично. Поэтому в процессе медиации в школе, например, может оказаться недостаточной работа с непосредственными участниками конфликта. Предположим, что конфликт разрешен, но его результаты не устраивают одноклассников, например, не соответствуют ценностям данного подросткового сообщества. В этом случае конфликт может перейти в латентную форму. Такая ситуация может быть связана с коллективными настроениями. Эмоции представляют собой психофизиологическую реакцию на события, а настроения – это конфигурация совокупности эмоций, которые сохраняются во времени и не связаны с конкретным событием²³. Групповые эмоции, ценности, настроения, установки могут оказывать влияние на течение самого конфликта или на постконфликтную стадию. Учителям, социальным работникам и школьным

²⁰ См.: *Lindner E. G. Op. cit.*

²¹ См.: *Morgado C., Oliveira I. Mediação em contexto escolar: transformar o conflito em oportunidade // Exedra Revista Científica. 2009. No. 1. P. 43.*

²² См.: *Halperin E., Schwartz D. Op. cit.*

²³ См.: *Ibid.*

медиаторам следует принять этот факт во внимание, поскольку нередко складывается иллюзия, что после процесса медиации или применения другого метода разрешения конфликта должен установиться мир и дружеские отношения.

Работа с конфликтами в школе многоаспектна. Она включает в себя не только разрешение конфликтов, но и формирование культуры мира и эффективного взаимодействия. Дети и подростки не только более эмоциональны, но они отличаются неумением контролировать и тем более трансформировать эмоции. Они не различают их оттенки, не могут отделить их друг от друга. Захваченные негативными эмоциями, они не представляют, как можно вновь дружить, общаться после ссоры. Этому нужно учить, и обучению способствуют программы школьной медиации, примирения, восстановительные практики²⁴, в которых можно обратить внимание на техники регулирования эмоций. Так показывается, как влиять на отношения сторон, вести себя после конфликта; формируется положительное отношение к возможным противоречиям в будущем, в смысле возможности их грамотно урегулировать.

Каждая эмоция настолько многогранна, что может сыграть положительную и отрицательную роль в развитии конфликта. Нужно понимать различие между похожими эмоциями, выявлять возможности и инструменты для их использования в процессе примирения. Важно признание эмоции со стороны как медиатора²⁵, так и конфликтующих сторон, а также изучение их потенциала. На сегодняшний день исследователи выявили три навыка, которые медиаторы могут использовать для распознавания эмоций и работы с ними в процессе медиации: расшифровка эмоциональных переживаний участников спора, помощь в понимании собственных эмоциональных переживаний и содействие переоценке эмоций для устранения препятствий, связанных с эмоциональными переживаниями²⁶.

Так формируется «эмоциональный интеллект», который позволяет распознавать собственные чувства и чувства других людей и эффективно управлять эмоциями. Это широкий спектр компетенций, необходимых для медиатора, который включает в себя такие составляющие, как:

²⁴ См., например: Гражданско-правовое образование в педагогическом вузе : учеб.-метод. материалы и программы кафедры теории и методики гражданско-правового образования : учеб.-метод. пособие. СПб., 2003.

²⁵ См.: *Kalter M., Bollen K., Euwema M., Verbeke A.-L.* A Matter of Feelings: Mediators' Perceptions of Emotion in Hierarchical Workplace Conflicts // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.629768/full> (date of access: 10.05.2024).

²⁶ См.: *Jameson J. K., Bodtke A. M., Linker T.* Facilitating conflict transformation: mediator strategies for eliciting emotional communication in a workplace conflict // *Negotiation Journal*. 2010. No. 26.

самосознание (способность распознавать собственные эмоции и осознавать роль, которую они могут играть в переговорах); самоконтроль (способность контролировать свои эмоции и порывы и приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, но не подавлять или игнорировать их); способность чувствовать, понимать эмоции других людей и реагировать на них (в том числе активное слушание и понимание невербальных сигналов); управление эмоциями (способность вдохновлять, влиять на других, одновременно улаживая конфликт). Всё это становится еще более сложной задачей, когда мы пытаемся вести переговоры в многокультурном контексте, что подтверждает не только биологическую, но и социокультурную природу эмоций (эмоция может быть выученной, инструментальной).

Основное, что необходимо понимать при обучении медиации, это то, что мы должны принять эту реальность и уважать ее. Но при этом наши эмоциональные рамки – это отправная точка, а не конечная цель. В зависимости от того, как мы относимся к эмоциям во время переговоров, мы можем быть их рабами или хозяевами – с различными последствиями²⁷. Участники переговоров – включая медиатора – могут научиться работать с эмоциями, аффектами, фрустрацией и в той или иной мере управлять ими. Единственное, чего мы не можем сделать – да и не должны пытаться, – это игнорировать эмоции или не учитывать их значение в процессе разрешения конфликтов, излишне рационализируя их.

Библиографический список

Аллахвердова О. В. Динамика эмоционального состояния участников переговоров в процессе урегулирования конфликта / О. В. Аллахвердова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – № 2-1. – С. 14–19.

Аллахвердова О. В. Изменение картины мира в конфликте / О. В. Аллахвердова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2012. – № 2. – С. 19–27.

Гражданско-правовое образование в педагогическом вузе : учебно-методические материалы и программы кафедры теории и методики гражданско-правового образования : учебно-методическое пособие. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 511 с.

Крот Е. А. Управление эмоциями в социальных коллективах / Е. А. Крот, В. В. Пикалов // Символ науки. – 2024. – № 11-1-2. – С. 217–219.

Севостьянов Д. А. Инверсивный анализ эскалации конфликта / Д. А. Севостьянов // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 33–40.

Adler R. S. Emotions in negotiation: how to manage fear and anger / R. S. Adler, B. Rosen, E. M. Silverstein // Negotiation Journal. – 1998. – No. 14. – Pp. 161–179.

²⁷ Adler R. S., Rosen B., Silverstein E. M. Op. cit.

Bodtker A. M. Emotion in Conflict Formation and Its Transformation: Application to Organizational Conflict Management / A. M. Bodtker, J. Katz Jameso // *International Journal of Conflict Management*. – 2001. – № 12(3). – Pp. 259–275.

Clore G. L. How emotions inform judgment and regulate thought / G. L. Clore, J. Huntsinger // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2007. – No. 11. – Pp. 393–399.

Fagionatto Vicentin V. Resolução De Conflitos: Sentimentos e Justificativas De Adolescentes / V. Fagionatto Vicentin, M. I. Leme Silva // *Veras*. – 2014. – Vol. 4, No. 1. – Pp. 5–24.

Friedman V. J. Facilitating emotional reappraisal in conflict transformation / V. J. Friedman, D. Arieli, O. Aboud-Armali // *Conflict Resolution Quarterly*. – 2018. – No. 35. – Pp. 351–366.

Halperin E. Emotions in conflict resolution and post-conflict reconciliation / E. Halperin, D. Schwartz // *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. – 2010. – No. 87. – Pp. 423–442.

Jameson J. K. Facilitating conflict transformation: Mediator strategies for eliciting emotional communication in a workplace conflict / J. K. Jameson, A. M. Bodtker, T. Linker // *Negotiation Journal*. – 2010. – No. 26. – Pp. 25–48.

Kalter M. A Matter of Feelings: Mediators' Perceptions of Emotion in Hierarchical Workplace Conflicts / M. Kalter, K. Bollen, M. Euwema, A.-L. Verbeke // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – Vol. 12. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.629768/full> (date of access: 10.05.2024).

Kelly E. G. Importance of emotional intelligence in negotiation and mediation / E. G. Kelly, N. Kaminskienė // *International Comparative Jurisprudence*. – 2016. – Vol. 2, Iss. 1. – Pp. 55–60.

Lindner E. G. Emotion and Conflict: Why It Is Important to Understand How Emotions Affect Conflict and How Conflict Affects Emotions / E. G. Lindner // *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* / Deutsch, Morton, Coleman, T. Peter, and Marcus, C. Eric (Eds.). – Second edition. – San Francisco : CA: Jossey-Bass, 2006. – Pp. 268–293.

Morgado C. Mediação em contexto escolar: transformar o conflito em oportunidade / C. Morgado, I. Oliveira // *Exedra Revista Científica*. – 2009. – No. 1. – Pp. 43–56.

Nair N. Towards understanding the role of emotions in conflict: a review and future directions / N. Nair // *International Journal of Conflict Management*. – 2008. – No. 19(4). – Pp. 359–381.

Warren E. A. Emotions in Conflict Resolution: A New Model of Constructive Conflict / E. A. Warren // *Intuition: the BYU Undergraduate Journal of Psychology*. – 2015. – Vol. 10, Iss. 1. – Pp. 8–40.

References

Adler R. S. Emotions in negotiation: how to manage fear and anger / R. S. Adler, B. Rosen, E. M. Silverstein // *Negotiation Journal*. – 1998. – No. 14. – Pp. 161–179. [In Engl.]

Allakhverdova O. V. Changing the picture of the world in conflict / O. V. Allakhverdova // *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*. – 2012. – No. 2. – Pp. 19–27.

Allakhverdova O. V. Dynamics of the emotional state of negotiators in the process of conflict resolution / O. V. Allakhverdova // *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. – 2009. – No. 2-1. – Pp. 14–19.

Bodtker A. M. Emotion in Conflict Formation and Its Transformation: Application to Organizational Conflict Management / A. M. Bodtker, J. Katz Jameso // International Journal of Conflict Management. – 2001. – № 12(3). – Pp. 259– 275. [In Engl.]

Civil legal education in a pedagogical university : teaching materials and programs of the department of theory and methodology of civil-legal education : teaching aid for universities. – Saint-Petersburg : Publishing house of the RSPU named after A. I. Herzen, 2003. – 511 p.

Clore G. L. How emotions inform judgment and regulate thought / G. L. Clore, J. Huntsinger // Trends in Cognitive Sciences. – 2007. – No. 11. – Pp. 393–399. [In Engl.]

Fagionatto Vicentin V. Conflict Resolution: feelings and justifications of adolescents / V. Fagionatto Vicentin, M. I. Leme Silva // Veras. – 2014. – Vol. 4, No. 1. – Pp. 5–24. [In Portuguese]

Friedman V. J. Facilitating emotional reappraisal in conflict transformation / V. J. Friedman, D. Arieli, O. Aboud-Armali // Conflict Resolution Quarterly. – 2018. – No. 35. – Pp. 351–366. [In Engl.]

Halperin E. Emotions in conflict resolution and post-conflict reconciliation / E. Halperin, D. Schwartz // Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale. – 2010. – No. 87. – Pp. 423–442. [In Engl.]

Jameson J. K. Facilitating conflict transformation: mediator strategies for eliciting emotional communication in a workplace conflict / J. K. Jameson, A. M. Bodtker, T. Linker // Negotiation Journal. – 2010. – No. 26. – Pp. 25–48. [In Engl.]

Kalter M. A Matter of Feelings: Mediators' Perceptions of Emotion in Hierarchical Workplace Conflicts / M. Kalter, K. Bollen, M. Euwema, A.-L. Verbeke // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.629768/full> (date of access: 10.05.2024). [In Engl.]

Kelly E. G. Importance of emotional intelligence in negotiation and mediation / E. G. Kelly, N. Kaminskienė // International Comparative Jurisprudence. – 2016. – Vol. 2, Iss. 1. – Pp. 55–60. [In Engl.]

Krot E. A. Emotion management in social groups / E. A. Krot, V. V. Pikalov // Symbol of science. – 2024. – No. 11-1-2. – Pp. 217–219.

Lindner E. G. Emotion and Conflict: Why It Is Important to Understand How Emotions Affect Conflict and How Conflict Affects Emotions / E. G. Lindner // The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice / Deutsch, Morton, Coleman, T. Peter, and Marcus, C. Eric (Eds.). – Second edition. – San Francisco : CA: Jossey-Bass, 2006. – Pp. 268–293. [In Engl.]

Morgado C. Mediation in school context: transforming conflict into opportunity / C. Morgado, I. Oliveira // Exedra revista Científica. – 2009. – No. 1. – Pp. 43–56. [In Portuguese]

Nair N. Towards understanding the role of emotions in conflict: a review and future directions / N. Nair // International Journal of Conflict Management. – 2008. – No. 19(4). – Pp. 359–381. [In Engl.]

Sevostyanov D. A. Inverse analysis of conflict escalation / D. A. Sevostyanov // Philosophy of Law. – 2021. – No. 3(98). – Pp. 33–40.

Warren E. A. Emotions in Conflict Resolution: a New Model of Constructive Conflict / E. A. Warren // Intuition: the BYU Undergraduate Journal of Psychology. – 2015. – Vol. 10, Iss. 1. – Pp. 8–40. [In Engl.]

Для цитирования:

Калинина Е. Ю. Аффективно-ценностные факторы конфликта и возможности медиации в их трансформации как инструмент работы с ними // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 21–31.

Recommended citation:

Kalinina E. Yu. Affective-value conflict factors and mediation opportunities in their transformation as a tool for dealing with them // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 21–31.

Сведения об авторе

Калинина Елена Юрьевна – профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент
E-mail: bellaflor@mail.ru

Information about author

Kalinina Elena Yurievna – Professor of the Department of Theory of Law and Civic-Legal Education of the State Pedagogical University of Russia named after Herzen, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: bellaflor@mail.ru

УДК 340.11+34.023

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО СУБЪЕКТА ПРАВА – ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

А. М. Борисов

Курское региональное отделение ООО «Ассоциация историков права»

Поступила в редакцию 1 июня 2025 г.

Аннотация: во множестве известных юридических конструкций особое научно-теоретическое и практическое значение для целей учебного процесса при подготовке юристов и для целей правоприменения имеет юридическая конструкция искусственного субъекта права. Вопрос о правосубъектности юридического лица дискутируется почти полтора столетия, и его решение в законах разных государств неодинаково, в том числе в отношении его органа управления. В российском праве предприятия, учреждения и организации признаны участниками частноправовых и публично-правовых отношений, имеющих свои особенности и предполагающих нормативное закрепление элементов статуса их участников, установление определенных процедур и придание юридического значения соответствующим фактам. Методы историко-правового исследования, формально-юридический метод, методы анализа и обобщения позволили прийти к выводам об обоснованности мнения о зарождении некоторых юридических конструкций на этапе научного осмысления правовых явлений, а в историко-правовом аспекте – о признании в ряде советских нормативных актов прав юридического лица за его органом управления.

Ключевые слова: право, правовой статус, субъект права, юридическая конструкция, юридическое лицо, юриспруденция, юридическая техника.

LEGAL CONSTRUCTION OF AN ARTIFICIAL SUBJECT OF LAW – A LEGAL ENTITY

A. M. Borisov

Kursk regional branch of the Association of Legal Historians LLC

Abstract: in many well-known legal constructions, the legal construction of an artificial subject of law has a special scientific, theoretical and practical significance both for the purposes of the educational process in training lawyers and for the purposes of law enforcement. For almost a century and a half, the issue of the legal capacity of a legal entity has been debated, the

© Борисов А. М., 2025

solution to which in the laws of different states is not the same, including in relation to its governing body. In Russian law, enterprises, institutions and organizations are recognized as participants in private and public law relations, which have their own characteristics and involve the normative consolidation of elements of the status of their participants, the establishment of certain procedures and the attribution of legal significance to the relevant facts. The methods of historical and legal research, formal legal analysis and generalization allowed us to come to conclusions about the validity of the opinion about the origin of some legal structures at the stage of scientific understanding of legal phenomena, and in the historical and legal aspect – about the recognition in a number of Soviet regulatory acts of the rights of a legal entity for its governing body.

Key words: law, legal status, subject of law, legal structure, legal entity, jurisprudence, legal technique.

Основополагающие взгляды на значение юридических конструкций для системы права представил А. Ф. Черданцев в 1972 г.¹, и некоторые его выводы мы изложим по более поздней монографии «Логико-языковые феномены в юриспруденции», изданной в 2012 г. и более расширенно раскрывающей вопрос о юридических конструкциях.

Выделив идеологическую, нормативную и реальную модели (правовых отношений и институтов) и отметив наличие между ними расхождений², ученый отметил, что юридическая конструкция как разновидность таких моделей есть идеальная модель урегулированных правом общественных отношений или их отдельных элементов³.

В данном определении и последующих пояснениях неочевидны образы и определения первой и последней, идеологической и реальной, моделей, что позволяет говорить о неполном раскрытии выделенных правовых феноменов.

Далее А. Ф. Черданцев высказал мнение о том, что юридические конструкции разделяются на нормативные и теоретические, они могут «включаться» друг в друга⁴, а правовая наука, выявляя посредством изучения и анализа используемых в праве юридических конструкций их недостатки, «разрабатывает новые возможные конструкции»⁵. Исходя из этого и усматривая некоторую содержательную схожесть вышеобо-

¹ См.: Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1972. № 3.

² См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. М., 2012. С. 224–225.

³ См.: Там же. С. 228, 230.

⁴ См.: Там же. С. 252.

⁵ Там же. С. 253.

значенных моделей и их антропологическую природу, попытаемся решить эти задачи.

Так, идеологическая юридическая конструкция представляется чисто умозрительным построением идей о наборе правил регулирования отношений между людьми, обеспечивающем жизнеспособность социума, а на более позднем этапе эволюции общества – научно-теоретическим построением идей по поводу выражения в нормах права явлений природы и социальной жизни, удовлетворяющих интересы общества, как правовых явлений во взаимосвязи их внутренних элементов, а также предположений по соответствующей их юридикации.

Под реальной юридической конструкцией может пониматься реализованная в деяниях управомоченных субъектов права нормативная модель общественных отношений как результат их правомерного или неправомерного волеизъявления, в которой может обнаруживаться совпадение ее элементов с установленным правопорядком, а также их расхождение.

Неправомерная модель поведения может стать устойчивой в сознании правоприменителя, который: а) «обходит» одно правило (одну норму закона) применением другого правила (нормы), которое, однако, не удовлетворяет сути обращения (ситуации), а в этом случае очевидно несовершенство исходной юридической конструкции; б) игнорирует подлежащую применению норму закона и совершает противоправное деяние.

Таким образом, у А. Ф. Черданцева юридическая конструкция предстает методом (средством) познания, средством юридической техники и средством толкования норм права в правореализационном процессе⁶.

Одно из общих определений понятия «юридическая конструкция» принадлежит С. С. Алексееву: «...специфическое построение нормативного материала, соответствующее определенному типу или виду сложившихся правоотношений, юридических фактов, их связи между собой»⁷.

В данной трактовке использовано слово «нормативного» и, как следствие, исчезает всеохватность формулировки, которую «возвращает» В. В. Чевычелов, рассматривая юридическую конструкцию в широком смысле как образ правового явления, имеющего определенную структуру⁸ (в узком смысле он также видит в ней средство правотворческой техники для построения нормативного материала, определяя ее по схеме А. Ф. Черданцева)⁹.

⁶ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции.

⁷ Алексеев С. С. Общая теория права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 489.

⁸ См.: Чевычелов В. В. Юридическая конструкция (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 8.

⁹ См.: Там же. С. 6, 7, 8.

Однако В. В. Чевычелов не разделяет позицию, согласно которой к юридическим конструкциям относятся теории, понятия и воззрения¹⁰, хотя именно в теориях может зарождаться та или иная юридическая конструкция и они могут содержать соответствующие построения предлагаемых правил. Тем не менее автор различает технико-юридические и теоретико-юридические конструкции. Последние сначала моделируются учеными, а затем воплощаются в законодательстве¹¹.

Современная практика правотворчества подтверждает данный тезис и выделение теоретических юридических конструкций уже на этапе научного осмысления новых видов общественных отношений. Например, очевидно, что именно так формировалось так называемое цифровое право, конструировались его институты.

Что касается правоприменителя, то он устанавливает соответствие между признаками общественного отношения и элементами конструкции, закрепленной в норме права, т.е. осуществляет квалификацию¹².

Юридическая конструкция фиктивного субъекта прав и обязанностей – юридического лица – сформировалась давно. Состав ее элементов, отраженных в законодательстве, известен: понятие (нормативное определение впервые было дано в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. (далее – ГК РСФСР)); условия образования; форма права, определяющая статутное положение (устав, положение, закон); состав участников – учредителей; их права и обязанности; процедура создания, в том числе государственная регистрация; имущество и источник финансирования; местонахождение; органы управления (общее собрание, различные советы, директор или правление, ревизионная комиссия или ревизор, в других случаях руководители и т.д.); правомочия органов управления; цели и направления деятельности; условия функционирования; виды (перечень классифицирующих признаков юридических лиц достаточно широк); наименование; правомочия (права и обязанности, предполагающие права на участие в различных правоотношениях, в том числе права на владение, пользование и распоряжение собственностью с определенными ограничениями или без таковых); нормы о юридической ответственности; прекращение (основания и процедуры). Определенное значение имеют подведомственность, в том числе отраслевая, отчетные документы и подотчетность и др. элементы (фирменные и товарные знаки, символика, штаты).

В теоретических построениях, которые предшествуют нормативной юридической конструкции, также важны условия признания псевдоперсоны реальным участником правоотношения (отображаются в понятии

¹⁰ См.: Там же. С. 11–12.

¹¹ См.: Там же. С. 14.

¹² См.: Там же. С. 19.

и иных нормативных положениях), сущность и предназначение юридического лица. Сущность юридического лица как публично признаваемой условности состоит в том, что оно представляет собой определенное общественное отношение, связанное с объединением и правовым обособлением в тех или иных целях определенных ресурсов (люди, выражающие определенные интересы и волю; труд людей, объединенных в коллективы; имущество как условие и результат труда). Тогда предназначение фигуры юридического лица заключается в организационно-правовом оформлении определенной целенаправленной деятельности людей, осуществляемой в рамках общего экономического воспроизводственного процесса и основывающейся на коллективных началах и обособлении материальных и нематериальных ресурсов.

Можно признать юридическое лицо как социальной, так и правовой реальностью, но это несколько не изменит одного реального факта: будучи выраженным в праве (законодательстве), оно остается юридической фикцией.

Что по этому поводу утверждал А. Ф. Черданцев? «Фикции – проявление формализма высшей степени»¹³, «это нормы или решения правоприменительных органов, имеющие особое содержание, предписывающее считать несуществующие факты существующими и наоборот»¹⁴.

Трудно согласиться с трактовкой, представляющей фикцию нормой или решением субъекта власти, так как нормы и решения лишь выражают «это несуществующее положение, в силу определенных обстоятельств признаваемое законодателем как реальное, существующее и ставшее в силу этого обязательным»¹⁵.

Дискуссии о правосубъектности юридического лица сопряжены с особым вниманием к органу управления юридического лица. Например, Е. А. Флейшиц отмечала проблему, состоящую в признании предприятия объектом оборота и субъектом права одновременно. По ее утверждению, «носитель правомочий, правовых притязаний, т.н. субъективных прав, никогда не может оказаться в то же время объектом таких правомочий, притязаний или иначе субъективных прав»¹⁶. Автор признавала, что взгляд на предприятие по модели первого ГК РСФСР оторван от правовой действительности и расходится с рядом европейских законов, в которых юридического бытия предприятия в качестве субъекта прав нет, а представляет его единоличный или коллективный субъект¹⁷. Так научным языком ею

¹³ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. С. 311.

¹⁴ Там же. С. 312.

¹⁵ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. М., 2007. С. 188.

¹⁶ Флейшиц Е. А. Торгово-промышленное предприятие в праве западно-европейском и РСФСР. Ленинград, 1924. С. 5.

¹⁷ См.: Там же. С. 18.

было выражено скрытое несогласие с соответствующими положениями гражданского законодательства РСФСР.

Такой позиции придерживались многие советские юристы, в том числе участвующие в правотворческой деятельности, и в массиве нормативных правовых актов РСФСР и Союза ССР имеются акты, нормы которых противоречат ст. 13–19 ГК РСФСР и иным нормативным установлениям.

Так, Постановление Совета Труда и Оборона СССР от 10 августа 1925 г. «Положение о правлениях железных дорог»¹⁸ устанавливало, что возглавляет каждую железную дорогу правление (ст. 1) как полномочный орган, ведающий всеми коммерческими, финансовыми, хозяйственными, техническими, эксплуатационными и административными вопросами работы дороги, реализацией в жизнь правительственных распоряжений по вопросам технического содержания дороги и ее сооружений, а также правил по безопасности движения (ст. 2). В статье 3 этого акта правление было определено самостоятельным хозяйственным органом, который может приобретать права на имущество, вступать в обязательства, искать и отвечать в суде на общих основаниях, установленных для государственных органов, пользующихся правами юридического лица. Иными словами, правление каждой железной дороги признавалось юридическим лицом, что представляло более реальную картину складывающихся на железных дорогах хозяйственных и управленческих правоотношений.

Таким образом в советском праве действовали нормы, которыми органы управления некоторых хозяйствующих организаций, в данном случае – железных дорог, приравнялись к юридическому лицу, что означало фактическое создание законодательными актами дихотомической правовой конструкции юридического лица.

Орган управления любого юридического лица – важнейший элемент его правовой конструкции, которая не утратит своей эффективности при смещении «центра правосубъектности» от искусственного субъекта права, а точнее, организационно-правовой формы, рассматриваемой в качестве синонима понятию «юридическое лицо», к органу управления этим образованием, фактическому субъекту права, с обязательной соответствующей коррекцией взаимосвязанных правовых институтов.

Библиографический список

Алексеев С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 576 с.

Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.

¹⁸ Собрание законодательства СССР. 1925. № 54. Отдел первый. Ст. 404. С. 762–766.

Флейшиц Е. А. Торгово-промышленное предприятие в праве западно-европейском и РСФСР / Е. А. Флейшиц. – Л. : Academia, 1924. – 84 с.

Чевычелов В. В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид наук / В. В. Чевычелов. – Н. Новгород, 2005. – 24 с.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. – 320 с.

Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А. Ф. Черданцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.

References

Alekseev S. S. General Theory of Law : textbook / S. S. Alekseev. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow : Prospect, 2009. – 576 p.

Chevychelov V. V. Legal construction: problems of theory and practice : author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences / V. V. Chevychelov. – Nizhny Novgorod, 2005. – 24 p.

Cherdantsev A. F. Legal constructions, their role in science and practice / A. F. Cherdantsev // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 1972. – No. 3. – Pp. 12–19.

Cherdantsev A. F. Logical and linguistic phenomena in jurisprudence : monograph / A. F. Cherdantsev. – Moscow : Norma: INFRA-M, 2012. – 320 p.

Fleishits E. A. Industrial and commercial enterprise in Western European and RSFSR law / E. A. Fleishits. – Leningrad : Academia, 1924. – 84 p.

Kashanina T. V. Legal technique : textbook / T. V. Kashanina. – Moscow : Eksmo, 2007. – 512 p.

Для цитирования:

Борисов А. М. Юридическая конструкция искусственного субъекта права – юридического лица // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 32–38.

Recommended citation:

Borisov A. M. Legal construction of an artificial subject of law – a legal entity // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 32–38.

Сведения об авторе

Борисов Андрей Маркович – председатель Курского регионального отделения ООО «Ассоциация историков права», кандидат исторических наук, доцент
E-mail: andrei_borisov@mail.ru

Information about author

Borisov Andrey Markovich – Chairman of the KRO LLC "Association of Legal Historians", Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: andrei_borisov@mail.ru

ПОНЯТИЕ ИНТУИТИВНОГО ПРАВА КЛАССА В УЧЕНИИ М. А. РЕЙСНЕРА: КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

А. М. Михайлов

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Поступила в редакцию 21 июня 2025 г.

Аннотация: в статье раскрывается одно из ключевых понятий политико-правового учения М. А. Рейснера – понятие интуитивного права класса, которое легло в основу позитивации революционного правосознания в России в конце 1917 г. (Декрет о суде № 1). Автор предпринял попытку не только определить специфические черты и причины конструирования понятия классового интуитивного права, но и отграничить его от представлений об интуитивном праве в учении Л. И. Петражицкого. В работе представлен критический анализ подхода Рейснера к пониманию интуитивного права, его философско-методологических оснований, идей о классовой унификации правосознания, согласования классового антагонизма интуитивного и положительного права с устойчивостью и единством правопорядка, соотношения и интеграции психологического и идеологического «пластов» классового правосознания.

Ключевые слова: интуитивное право, положительное право, психологическая теория права, правосознание, марксистское учение о праве, правовая идеология, правовая психология.

THE CONCEPT OF INTUITIVE CLASS LAW IN THE DOCTRINE OF M. A. REISNER: CRITICAL EVALUATION

A. M. Mikhailov

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Abstract: the article reveals one of the key concepts of the political and legal doctrine of M. A. Reisner – the concept of intuitive class law, which formed the basis for the positivisation of revolutionary legal consciousness in Russia at the end of 1917 (Decree on the Court No. 1). The author attempted to determine not only the specific features and reasons for constructing the concept of class intuitive law, but also to distinguish it from the ideas about intuitive law in the teaching of L. Petrazhycki. The work presents a critical

analysis of Reisner's approach to understanding intuitive law, its philosophical and methodological foundations, ideas about the class unification of legal consciousness, the coordination of the class antagonism of intuitive and positive law with the stability and unity of legal order, the relationship and integration of the psychological and ideological "layers" of class legal consciousness.

Key words: intuitive law, positive law, psychological theory of law, legal consciousness, Marxist doctrine of law, legal ideology, legal psychology.

Ближайшую идейную основу для официального признания революционного правосознания источником права в советской России конца 1917–1922 гг. сформировало учение М. А. Рейснера. Одним из ведущих понятий этой доктрины являлось классовое интуитивное право.

В ключевом труде юриста «Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология» (1908) утверждается, что в основании любой социальной революции лежит интуитивное право, которое постепенно формируется «под покровом существующего традиционного права», «порою долго растет в бессознательной тиши», но, став действующим правом, определяет психику класса и приходит в столкновение с позитивным правом¹. Интуитивное право способно выходить далеко за пределы индивидуальной психики, захватывать всё более и более широкие круги, приобретать всё большую силу и становиться господствующим в определенном классе общества². В обществе, знакомом с разделением на классы, «каждый класс строит свое право на основе своего положения в производстве и обмене»³, т.е. распространение интуитивного права в конечном счете объективно определено классовой структурой социума. При этом утверждением о том, что не только господствующий, но и эксплуатируемый класс имеет свое право, Рейснер «уничтожил разницу между действующим правом и правосознанием»; «стремясь поднять правосознание рабочего класса на уровень права, Рейснер само господствующее право сводил к правосознанию»⁴.

В качестве своего основного достижения Рейснер называл то, что он поставил учение Петражицкого об интуитивном праве «на марксистское основание»: индивидуальное интуитивное право психологической концепции было заменено подлинным классовым правом, которое «в виде

¹ См.: Рейснер М. А. Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 159.

² См.: Там же. С. 158.

³ Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л. ; М., 1925. С. 247–248.

⁴ Сабо И. Основы теории права / пер с венгер. под ред. и вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1974. С. 197.

права интуитивного вырабатывалось вне каких бы то ни было официальных рамок в рядах угнетенной и эксплуатируемой массы»⁵. В учении Рейснера сочетается технико-методологическая сторона психологического учения о праве с философией марксизма⁶.

Вместе с тем нельзя не отметить, что основоположник психологической теории права признавал, что интуитивное право определенной социальной группы способно обладать «большей или меньшей степенью согласия» в силу общности условий формирования правовой психики⁷. В числе таких социальных групп ученый называл семью, кружки и даже классы общества, что дает основания усмотреть некоторые параллели в понимании правосознания у основоположников марксизма и в учении Петражицкого: формирование под влиянием социальных условий, наличие относительной общности правовых представлений обширных масс людей (классов). Вместе с тем, в отличие от основоположников марксизма и ряда советских юристов 20-х гг. XX столетия, Петражицкий настаивал на принципиально индивидуальном характере интуитивного права: оно не является «шаблонным правом», «по содержанию совокупностей интуитивно-правовых убеждений интуитивных прав столько, сколько индивидов»⁸. В психологической теории права любые коллективные общности правовых эмоций рассматривались как безусловно вторичные, производные от индивидуального правосознания.

Вклад Рейснера в последующее признание революционного правосознания источником права состоит в том, что он неразрывно связал правосознание с классовой структурой общества, в силу чего индивидуальное правосознание потеряло для юристов-идеологов советской власти какое-либо практическое значение, подлинным выражением правовых идей, убеждений и представлений стало исключительно классовое правосознание. Впоследствии это позволило объявить «революционное правосознание» источником советского права первых послереволюционных лет и тем самым обеспечить основу деятельности «пролетарского» суда в конце 1917 – начале 1920-х гг.

По мнению Рейснера, в эпоху столкновения интуитивного и позитивного права «каждый класс становится под знамя своего права»; восстающий класс «опирается на требования “справедливости”, которая обосновывается и философски, и морально, и исторически»⁹. В предреволюционный период, когда максимально обостряется противостояние позитив-

⁵ Рейснер М. А. Право... С. 18.

⁶ См.: Мартышин О. В. Философия права : учеб. М., 2016. С. 223.

⁷ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 383.

⁸ Там же.

⁹ Рейснер М. А. Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология... С. 160.

ного права и революционных сил, «старое законное или обычное право подвергается неустанной критике с точки зрения новых идеалов. На место старого ставится новое, почерпнутое из самой “природы” отношений, лишенное защиты со стороны грубого принуждения, но зато сильное своим значением в душе создавшей это право среды. Так является революционное естественное или интуитивное право, право свободной совести и интуитивного убеждения, право “захватное” по своему происхождению и моральное по своему авторитету»¹⁰. В транзитные периоды истории «на этой почве борьбы двух прав разыгрывается трагедия бунта и усмирений, революции и поворота вспять... интуитивное право подымает свое знамя против гнета, произвола, эксплуатации и тирании старого отжившего порядка»¹¹. Право революционного класса Рейснер трактовал как интуитивное или захватное право «революционных масс, которое в качестве классового права восставших содержит в себе всю полноту надлежащего правосознания»¹².

Важно подчеркнуть, что «пересадка» интуитивного права Петражицкого из индивидуальной психики в классовое сознание коллективного субъекта означала далеко не только смену носителя такого права (правосознания). Императивно-атрибутивные «диспозиции» интуитивного права автора психологической теории могут являться исключительно когнитивными, мыслительными построениями, не выходящими за пределы индивидуального сознания, в то время как классовое интуитивное право Рейснера не способно оставаться исключительно «интеллигбельным» феноменом; сам процесс его формирования, воспроизводства, распространения и развития не может не носить внешне выраженный, социальный характер, отражаться на уровне общественных связей, социальных институтов. «Красный Петражицкий» был далек от того, чтобы замыкать интуитивное право в индивидуальной психике – ведь данное понятие выступало в его учении «знаменем» угнетаемого класса в его борьбе за власть: «...перед революцией стоял очень важный вопрос о том, какую роль может сыграть право вообще в борьбе пролетариата за власть и не следует ли в частности пролетарской партии обратить внимание на социальное значение права, которое по своей идеологической и психологической природе обладает некоторыми чертами чрезвычайно мощной и бурной реакции»¹³. Поэтому, разумеется, для Рейснера именно

¹⁰ Рейснер М. А. Государство. Ч. 1, Культурно-исторические основы; Ч. 2, Государство и общество. Ч. 3, Государственные формы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М., 1911. Ч. 1–3. С. 64.

¹¹ Рейснер М. А. Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология... С. 159, 161.

¹² Рейснер М. А. Право... С. 21–22.

¹³ Там же. С. 22.

социальная, а не психологическая «ипостась» интуитивного права виделась определяющей.

Второй причиной конструирования классового интуитивного права в учении Рейснера было то, что путем создания такого понятия он выступал против марксистского отождествления права вообще и права эксплуататорского класса. Рейснер считал категорически неправильным, что марксизм, который, по его мнению, должен был быть кровно заинтересован в разделении государства и права, прямой задачей которого, казалось бы, должно было стать создание нового права в противоположность официальному государственному закону, напротив, рассматривал государство и право как институты, необходимо и неизбежно связанные друг с другом: «Раз государство является одной из форм организации имущих классов, направленной против неимущих, то и всё право, как один из неизбежных союзников государства, оказывается как будто запятанным тою же самой эксплуататорской целью»¹⁴. Иными словами, в учении Рейснера отрицается важный принцип марксизма, утверждающий единую классовую сущность государства и права, их понимание как орудий защиты интересов экономически и политически господствующего класса, первичность государства как организации господства класса и производность права как результата возведения в закон классовой воли политически господствующих. Хотя Рейснер и не отрицает значение консолидированной силы класса для достижения целей революции, вместе с тем, как представляется, он не согласен с исключительно силовой (потестарной) трактовкой права у основоположников марксизма: последователь Петражицкого при помощи интуитивного права «отрывает» интуитивное право от суверенной государственной власти и атрибутирует его угнетенному классу. За трансформирующей энергией социальной революции у Рейснера стоит не сила и не классовый интерес, а императивно-атрибутивные переживания, укорененные в классовом чувстве справедливости. По мысли Рейснера, именно классовое интуитивное право революционных масс как принципиально отличное от официального положительного права доминирующего класса должно лечь в основу будущего господства угнетенного класса¹⁵.

Важным отличием трактовки классового интуитивного права в учении Рейснера от позиции Петражицкого следует считать соотношение интуитивного и позитивного права. В психологическом учении Петражицкого ни интуитивное, ни позитивное право не обладают самодовлеющим и первичным характером; устойчивое состояние правопорядка, право-

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ См.: Там же.

вого регулирования достигается лишь посредством баланса между интуитивным и позитивным правом. И интуитивное, и позитивное имеют свои частично пересекающиеся «предметы» регулирования, свое функциональное назначение. От соответствия, отсутствия «разрыва» между этими видами права зависит стабильность правопорядка в целом. В правовом учении Рейснера, напротив, не признается равный социальный вес интуитивного и позитивного права. «Красный Петражицкий» именовал интуитивное право «прирожденным сувереном правовой области» и считал, что приоритет и первородство интуитивного права не могут вызывать никаких сомнений¹⁶. Положительное право, по мнению Рейснера, не имеет самостоятельного мотивационного значения, не является «самодовлеющим воспитателем народа»; оно способно влиять на судебную и административную практики не в силу своих особенных свойств, а через интуитивное право социальной группы, обладающей соответствующим видом социальной власти¹⁷. В исторической эволюции общества интуитивное право всегда предшествует положительному праву, является первичной формой выражения права.

Объективная форма выражения, необходимая для действия права с позиций позитивной юриспруденции, потеряла в учении Рейснера значение обязательного признака; право в его концепции рассматривается как опирающаяся на понятие справедливости классовая идеология, обусловленная хозяйственными, в частности, производственными отношениями¹⁸. Идеологическая трактовка права давала возможность «использовать “революционное правосознание пролетариата” для обоснования деятельности революционной юстиции, лишенной вначале каких бы то ни было позитивных норм»¹⁹, что фактически означало, что она позволяла «заранее оправдать любое принуждение, лишь бы оно соответствовало “революционному правосознанию”»²⁰.

Вслед за основоположником психологической теории права Рейснер акцентировал атрибутивную сторону в правовых эмоциях. Однако если для Петражицкого данное свойство являлось своего рода эйдосом права, позволяющим отграничить правовые императивно-атрибутивные эмоции (двусторонние) от моральных императивных (односторонних), то для Рейснера притязательность правовых эмоций являлась важным качеством, выступавшим необходимым условием классового конфлик-

¹⁶ См.: Рейснер М. А. Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология... С. 95.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Рейснер М. А. Право... С. 24, 248.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Муравский В. А. Актуальное право: происхождение, сущность, источники, соотношение с законом. Екатеринбург, 2004. С. 178.

та между интуитивным и положительным правом²¹. Атрибутивная составляющая правовых эмоций интерпретируется Рейснером как потенциально конфликтогенная, позволяющая объяснить правовую природу классового конфликта в революционный период, что в целом соответствовало представлениям Петражицкого о природе и причинах социальных революций.

В отличие от основоположника психологической теории права, отрицавшего способность интуитивного права выступать идеальным руководством для осуществления политики права законодателем²², Рейснер идеализировал интуитивное право, видя в нем право будущего. Интуитивное право, или «право-справедливость», резко противопоставлялось позитивному праву, наделялось свойствами гибкости, мощности, народности и определялось в качестве «светящейся» конечной точки будущего развития общества²³.

Рейснер рассматривал интуитивное право не только как средство построения коммунистического общества, но и как его главную нормативную основу. По этой причине он отрицательно оценивал любые попытки советской власти формализовать право, перевести из области коллективного правосознания в позитивные формы. По его мнению, формализация права «несет угрозу делу пролетариата, так как в юридической схоластике и догматике тонут революционные идеалы и ценности»²⁴. В докладе на Всероссийском съезде губернских и областных комиссаров юстиции в апреле 1919 г. Рейснер утверждал: «Республика основана на правосознании масс, а не класса угнетателей, а следовательно, нуждается не в создании особого права и законов, стоящих над массами, а в таком праве, которое бы рождалось и выходило непосредственно из народной массы»²⁵. Соответственно, Рейснер иронически относился к попыткам советских юристов первых лет революции «одеть диктатуру пролетариата в ржавые латы старого буржуазного права под видом пролетарской блузы»²⁶. Даже после первой советской кодификации Рейснер вопрошал: «...Зачем правовая регулировка, раз мы имеем твердо осознанный классовый интерес и надлежащие технические способы для его осуществления»²⁷. Рейснер сомневался: «...Мы остаемся по-прежнему в полном недоумении: мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам

²¹ См.: Рейснер М. А. Теория Петражицкого... С. 159–160.

²² См.: Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 386.

²³ См.: Рейснер М. А. Теория Петражицкого... С. 165.

²⁴ Жуков В. Н. Советская правовая теория периода ее становления // История политических и правовых учений : учеб. / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2017. С. 703.

²⁵ Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. I. С. 50.

²⁶ Рейснер М. А. Право... С. 30.

²⁷ Там же. С. 83.

нужно и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы»²⁸.

Разумеется, с перспективы профессионального правосознания юристов, такая позиция Рейснера являлась откровенно *антиюридической*, *отрицавшей ценность и необходимость нормативного правового регулирования*. Вместе с тем нельзя не признать, что с точки зрения политической целесообразности идеи и иные когнитивные феномены (ценности, идеалы и т.п.) имеют несомненное преимущество перед формально определенными нормами права в плане эволюции образа желаемого будущего, широты охвата адресатов, способности мобилизовать и консолидировать большие массы людей на масштабные коллективные действия (чаще, к сожалению, деструктивной направленности). Как представляется, французская и американская революции ясно продемонстрировали, что мотивационная сила идей при определенных социокультурных условиях может ничем не уступать, а порой и превосходить регулятивные возможности «отживших свой век» правовых норм. «Стандартный» «техничко-юридический» язык законодательства в силу своего специального характера способен снизить интенсивность идеологического воздействия на общественное сознание.

В противовес психологическому учению Петражицкого, признававшему принципиальное согласие между позитивным и интуитивным правом в основах и общем направлении, Рейснер описывал взаимоотношения позитивного и интуитивного права как раскол правовой действительности на «два враждебных мира», каждый из которых живет своей жизнью²⁹. Интуитивное право «покрывает изнутри каждую социальную форму своим живым, изменчивым покровом», тогда как право позитивное «охватывает ее извне жесткой оболочкой, приготовленной по произволу “законодателя” формы». Если право позитивное носит властный характер, то право интуитивное – безвластный; первое опирается на юридический авторитет, второе – исключительно на «светлое индивидуальное сознание»³⁰. Интуитивное и позитивное право, по мнению Рейснера, отличаются не только своим интеллектуальным составом, но и типами мотивации, носящими взаимоисключающий характер. Между интуитивным и позитивным правом не может быть «взаимной поддержки и взаимного укрепления», как полагал Петражицкий, а имеется

²⁸ Рейснер М. А. Право... С. 34.

²⁹ См.: Там же. С. 87.

³⁰ Там же.

лишь отношение преобладания одного из них и вынужденное согласование одного с другим³¹.

Утверждавшиеся в учении Рейснера обусловленность содержания правосознания классовой структурой общества и антагонистический характер отношений между интуитивным и позитивным правом следовали из базовых философско-методологических установок марксистского учения. Эти представления всецело укладывались в идеологию большевиков и были положены в основу осуществления правосудия в первые годы советской власти. Если интуитивное право выступает идейной основой социальной революции, носит, по выражению Рейснера, подлинно родной, народный характер, выражает психику угнетенного класса, способно «низводить закон на подобающее ему место» и служить идеальным ориентиром правового развития общества, то официальное признание революционного правосознания источником права представляется более чем последовательным и обоснованным. Более того, неизбывный антагонизм между интуитивным и позитивным правом позволял противопоставить революционное правосознание победившего в революции класса всем источникам права предшествующей эпохи, рассматривать его как критерий (мерило) действительности их нормативного содержания.

Вместе с тем классовая унификация состава правосознания в учении Рейснера не представляется аргументированной. В изложении ученого не прояснено, каким образом происходит унификация идейного содержания угнетаемого класса, какие объективные процессы обуславливают однородность состава императивно-атрибутивных эмоций определенного социального класса в противовес другим общественным группам, объединениям. В связи с этим справедливой является позиция В. В. Никулина о том, что устойчивая классовая линия в понимании права и правотворчестве первых лет советской власти базировалась на «утопическом представлении о психологическом единстве “трудящихся”»³². Если общность социальных условий выступает объективным основанием распространения соответствующих императивно-атрибутивных эмоций, то логично предположить, что не только классы, но и иные социальные объединения характеризуются идейной общностью правосознания. При этом остается непроясненным, почему именно классы отличаются значительно более высокой степенью единства интуитивно-правовых эмоций, нежели иные социальные общности и объединения.

³¹ См.: Там же. С. 89.

³² Никулин В. В. Революционная теория права: мировоззренческие истоки большевистской концепции права // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 8(100). С. 302.

Признавая возможность существенного расхождения между представлениями о справедливости определенного социального слоя (групповым правосознанием) и системой действующего в государстве права, вместе с тем невозможно не задаться вопросом: «Если, как утверждает Рейснер, между “интуитивным правом” эксплуатируемого класса и официальным правом на длительных отрезках общественного развития наличествует неразрешимый в рамках действующей правовой системы антагонизм, то за счет чего публичной власти удастся в долгосрочной перспективе сохранить достаточную для воспроизводства правовой системы легитимность позитивного права, обеспечить действие принципов и норм публичного права?». Каким образом «под покровом» позитивного права господствующего класса постепенно «вызревает» совершенно противоположное ему классовое интуитивное право эксплуатируемых?

Объективно существующий, не устранимый без прямой конфронтации конфликт между правосознанием господствующего и подчиняющегося классов не был в достаточной мере обоснован в учении Рейснера. Если вслед за основоположниками марксизма и автором психологической теории права признать, что именно социальные условия определяют содержание правосознания, то невозможно исключить общую «среду», принимающую участие в формировании правовых представлений как господствующего класса, так и иных слоев общества. Все слои общества формируются, воспроизводятся и развиваются в рамках определенного типа культуры, проходят схожий процесс первичной социализации, знакомы с господствующими нравами, обычаями, нравственными императивами социума³³. Утверждать принципиальную противоположность правовых представлений и убеждений классов – значит отрицать наличие общей социальной основы формирования их правосознания.

Сложно оспорить широко распространенное в советской теории права критическое замечание в адрес учения Рейснера о том, что противоречивым является философско-методологическое основание понятия «классовое интуитивное право»³⁴. «Интуитивное право» в психологической теории Петражицкого исходит из *субъективистской и индивидуалистической трактовки правосознания*, в то время как учение основоположников марксизма о классовой структуре общества носит *последовательно материалистический характер* и помещает право не в уникальную индивидуальную психику, а в *объективно существующую социальную структуру*. Не без оснований А. Я. Вышинский указывал на эклектический характер учения Рейснера³⁵. Действительно, для К. Маркса и

³³ См.: Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 392.

³⁴ См.: Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 231.

³⁵ См.: Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 9.

Ф. Энгельса сами основания выделения интуитивного права абсолютно чужды диалектическому и историческому материализму; в марксистской онтологии права нет места индивидуальному праву-справедливости, действительность которого покоится исключительно на внутреннем убеждении носителя³⁶.

Признание правосознания эксплуатируемого класса полноценным интуитивным правом в политико-правовом учении Рейснера было обусловлено его принятием позиции Л. И. Петражицкого в отношении природы права как особой двусторонней (императивно-атрибутивной) эмоции, действующей в пределах индивидуальной психики. То, что «красный Петражицкий» не проводил качественных различий между правом и правосознанием (правовой идеологией), является прямым следствием «психологизации» понятия права. Здесь нельзя не признать правоту А. Я. Вышинского, который справедливо указывал, что марксистское понимание права всегда предполагает возведение в закон воли экономически и политически господствующего класса, что, соответственно, исключает возможность называть правосознание подвластного и угнетенного класса правом³⁷. Через 30 лет данный критический аргумент вновь будет высказан в советской теории права³⁸.

Нельзя не отметить и наличие внутреннего противоречия в самой природе интуитивного права в трактовке Рейснера. С одной стороны, правовед был солидарен с автором психологического учения о праве, считая, что интуитивное право формируется и развивается стихийно, под влиянием социальных условий среды, расширяется посредством психического заражения, распространения интуитивных правовых эмоций на всё более широкий круг субъектов. Очевидно, что в этом пункте своего учения Рейснер (вслед за Петражицким) исходит из сугубо психологической природы интуитивного права, которое схоже в процессах формирования и распространения с таким «уровнем» (аспектом) правосознания, как правовая психология. С другой стороны, интуитивное право эксплуатируемого класса выполняет в учении Рейснера типичные функции идеологии – позволяет осуществить политическую самоидентификацию класса, консолидировать и мобилизовать его ряды, воплощать в социальной действительности (включая деятельность судов) определенные идеи и принципы, выступать идейным «знаменем» политической революции, являясь «светящейся» точкой целенаправленного движения к общественному идеалу. Однако выполнение таких функций предпола-

³⁶ См.: *Чельцов-Бебутов М. А.* Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, 1924. С. 17.

³⁷ См.: *Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права... С. 11.

³⁸ См.: *Козюбра Н. И.* Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979. С. 27.

гает совершенно иную природу интуитивного права: ясное осознание идейного содержания носителями классового сознания, целенаправленное конструирование должного быть осуществленным политико-правового идеала, постановку целей и задач, легитимирующих политическую борьбу, наличие «активных агентов» идеологии, способных осуществлять распространение соответствующих правовых идей посредством пропаганды, индоктринации широких масс населения. Очевидно, что формируемое стихийно под влиянием наличных социальных условий интуитивное право как правовая психология угнетаемого класса само по себе не способно осуществлять функции идеологии³⁹.

В целом остается не ясным, каким образом в политико-правовом учении Рейснера достигается интеграция психологического и идеологического «аспектов» интуитивного права: как могут быть синтезированы в единое целое стихийное формирование и целенаправленное движение к политическому идеалу, фиксация действующих в настоящем интуитивных правовых эмоций и ярко выраженная направленность интуитивного права в будущее, интуитивно-психологический характер состава правосправедливости и его философское, моральное и историческое обоснование. Интуитивное право становится поражающим сознание «оборотнем», способным чудесно преображаться из стихийно формирующейся «в бессознательной тиши» коллективной правовой психологии, наподобие *der Volksgeist* исторической школы права, в подлинную классовую правовую идеологию, направленную в будущее, ведущую огромные массы на слом правовой системы эксплуататоров.

Сложно спорить с высказыванием И. П. Малиновой о том, что «рацио лишь силовая, служебная функция духа. То, чем “распоряжается” логика, куется чувством и интуицией»⁴⁰. Проблематично оспорить и то, что «без элементов механизма правовой психологии невозможны ни формирование идеологии, ни ее действенная роль в жизни общества»⁴¹. Тем не менее наличие функциональной связи между правовой психологией и правовой идеологией, признание того, что в основании действия идеологии может лежать психологический механизм, вовсе не исключает необходимость демонстрации способа обращения эмоционально-чувственных образований классовой правовой психологии в социально действенную, эпохальную по своим свершениям правовую идеологию.

³⁹ См.: Нерсесянц В. С. Философия права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 315; Яичков К. Психологическая теория права // Энциклопедия государства и права : в 3 т. / под ред. П. Стучка. М., 1927. Т. 3, вып. 5-6: О-Я. Стб. 590.

⁴⁰ Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография. М., 2020. С. 140.

⁴¹ Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 128.

Библиографический список

- Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права / А. Я. Вышинский. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 420 с.
- Жуков В. Н. Советская правовая теория периода ее становления / В. Н. Жуков // История политических учений : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. – М. : Норма, 2002. – С. 700–711.
- Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России / В. Д. Зорькин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1978. – 270 с.
- Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание / Н. И. Козюбра. – Киев : Наукова думка, 1979. – 207 с.
- Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. – М. : Юридическая литература, 1973. – 344 с.
- Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография / И. П. Малинова. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2020. – 176 с.
- Мартышин О. В. Философия права : учебник / О. В. Мартышин. – М. : Проспект, 2016. – 352 с.
- Материалы Народного комиссариата юстиции. – М. : Изд-во НКЮ, 1918. – Вып. I. – 60 с.
- Муравский В. А. Актуальное право: происхождение, сущность, источники, соотношение с законом / В. А. Муравский. – Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2004. – 444 с.
- Нерсесянц В. С. Философия права : учебник / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009. – 848 с.
- Никулин В. В. Революционная теория права: мировоззренческие истоки большевистской концепции права / В. В. Никулин // Вестник ТГУ. – 2011. – Вып. 8(100). – С. 300–304.
- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Издательство «Лань», 2000. – 608 с.
- Рейснер М. А. Государство : пособие к лекциям по общему учению о государстве : ч. 1–3. / М. А. Рейснер. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – Ч. 1, Культурно-исторические основы; Ч. 2, Государство и общество; Ч. 3, Государственные формы. – 221 с.
- Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право / М. А. Рейснер. – Л. ; М. : Государственное издательство, 1925. – 276 с.
- Рейснер М. А. Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М. А. Рейснер. – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1908. – 239 с.
- Сабо И. Основы теории права / И. Сабо ; пер с венгер. под ред. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М. : Издательство «Прогресс», 1974. – 270 с.
- Чельцов-Бебутов М. А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции / М. А. Чельцов-Бебутов. – Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1924. – 92 с.
- Яичков К. Психологическая теория права / К. Яичков // Энциклопедия государства и права : в 3 т. / под ред. П. Стучка. – М. : Издательство коммунистической академии, 1927. – Т. 3, вып. 5–6: О-Я. – С. 587–591.

References

- Cheltsov-Bebutov M. A.* Socialist legal consciousness and criminal law of the revolution / M. A. Cheltsov-Bebutov. – Kharkov : Law Publishing House of NKY Ukrainian SSR, 1924. – 92 p.
- Kozyubra N. I.* Socialist Law and Public Consciousness / N. I. Kozyubra. – Kyiv : Naukova Dumka, 1979. – 207 p.
- Lukasheva E. A.* Socialist legal consciousness and legality / E. A. Lukasheva. – Moscow : Legal Literature, 1973. – 344 p.
- Malinova I. P.* Philosophy of Law and Legal Hermeneutics : monograph / I. P. Malinova. – Moscow : Norma, INFRA-M, 2020. – 176 p.
- Martyshin O. V.* Philosophy of Law: Textbook for Masters / O. V. Martyshin. – Moscow : Prospect, 2016. – 352 p.
- Materials of the People's Commissariat of Justice. – Moscow : Publishing House of the People's Commissariat of Justice, 1918. – Issue I. – 60 p.
- Muravsky V. A.* Actual Law: Origin, Essence, Sources, Relationship with the Law / V. A. Muravsky. – Yekaterinburg : Publishing House of the Humanitarian University, 2004. – 444 p.
- Nersesyants V. S.* Philosophy of Law : textbook. – 2nd ed., revised. and additional / V. S. Nersesyants. – Moscow : Norma, 2009. – 848 p.
- Nikulin V. V.* Revolutionary Theory of Law: Ideological Origins of the Bolshevik Concept of Law / V. V. Nikulin // Bulletin of TSU. – 2011. – Issue 8(100). – Pp. 300–304.
- Petrzhitsky L. I.* Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality / L. I. Petrzhitsky. – St. Petersburg : Publishing House "Lan", 2000. – 608 p.
- Reisner M. A.* Law. Our Law. Someone Else's Law. Common Law / M. A. Reisner. – Leningrad ; Moscow : State Publishing House, 1925. – 276 p.
- Reisner M. A.* Petrazhitzky's Theory, Marxism, and Social Ideology / M. A. Reisner. – St. Petersburg : Type. Association "Obshchestvennoye Polza", 1908. – 239 p.
- Reisner M. A.* The State : a Handbook for Lectures on the General Theory of the State. Parts 1–3 / M. A. Reisner. – Moscow : Type. I. D. Sytin Association, 1911. – Part 1, Cultural and Historical Foundations; Part 2, The State and Society; Part 3, State Forms. – 221 p.
- Sabo I.* Fundamentals of the Theory of Law / I. Sabo ; translated from Hungarian, edited and introduced by V. A. Tumanov. – Moscow : Progress Publishing House, 1974. – 270 p.
- Vyshinsky A. Ya.* Questions of the Theory of State and Law / A. Ya. Vyshinsky. – Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1949. – 420 p.
- Yaichkov K.* Psychological theory of law / K. Yaichkov // Encyclopedia of state and law : in 3 vol. / ed. by P. Stuchok. – Moscow : Publishing House of the Communist Academy, 1927. – Vol. 3, issues 5–6: О-Я. – Pp. 587–591.
- Zhukov V. N.* Soviet Legal Theory of the Period of Its Formation / V. N. Zhukov // History of Political Doctrines : Textbook for Universities / under the general editorship of O. V. Martyshin. – Moscow : Norma, 2002. – Pp. 700–711.
- Zorkin V. D.* Positivist Theory of Law in Russia / V. D. Zorkin. – Moscow : Publishing House of Moscow University, 1978. – 270 p.

Для цитирования:

Михайлов А. М. Понятие интуитивного права класса в учении М. А. Рейснера: критическое осмысление // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 39–53.

Recommended citation:

Mikhailov A. M. The concept of intuitive class law in the doctrine of M. A. Reisner: critical evaluation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 39–53.

Сведения об авторе

Михайлов Антон Михайлович – доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

E-mail: ammihajlov@msal.ru

Information about author

Mikhailov Anton Mikhailovich – Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: ammihajlov@msal.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Т. В. Шатковская

*Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)*

Поступила в редакцию 17 июня 2025 г.

Аннотация: актуальность темы обусловлена фундаментальной ролью понятия «творчество» в российском праве, его декларативностью в законодательстве и возникающими правоприменительными проблемами, особенно в контексте развития искусственного интеллекта (ИИ) и креативных индустрий. Нечеткость критериев затрудняет охрану результатов интеллектуальной деятельности (РИД), разграничение плагиата и параллельного творчества, регулирование труда «творческих профессий» и оценку «машинного творчества». Целью исследования стало проведение комплексного научного анализа юридического понятия творчества, выявление проблем его конструирования и применения и разработка критериев для унификации судебной практики. Автор прослеживает эволюцию трактовки творчества в юридической науке, выявляя его межотраслевой характер. Ключевой вывод – отсутствие легального определения и размытость критериев – приводят к правовой неопределенности. На основе анализа доктрины и судебной практики сформулированы объективизирующие критерии творческого вклада: 1) оригинальность (уникальность, отражающая личность автора); 2) новизна (объективная или субъективная); 3) интеллектуальный вклад (выходящий за рамки технической работы). В статье сделан вывод о том, что юридическое понятие творчества требует гибкого подхода, сочетающего доктринальные основы с практическими потребностями. Предложенные критерии призваны минимизировать судебный произвол и обеспечить единообразие практики, что особенно важно в условиях цифровизации и использования ИИ. Понятие творчества должно динамично развиваться, признавая определяющую роль человеческого вклада даже при применении новых технологий.

Ключевые слова: творчество, юридическое определение, интеллектуальная собственность, судебная практика, критерии охраноспособности, искусственный интеллект.

LEGAL CONCEPT OF CREATIVITY: PROBLEMS OF SCIENTIFIC DESIGN AND PRACTICAL APPLICATION

T. V. Shatkovskaya

South-Russian Institute of Management – branch of RANEPA under the President of the Russian Federation, Rostov State University of Economics (RSUE)

Abstract: the relevance of the topic is due to the fundamental role of the concept of “creativity” in Russian law, its declarativeness in legislation and arising law enforcement problems, especially in the context of the development of artificial intelligence (AI) and creative industries. The fuzzy of criteria makes it difficult to protect the results of intellectual activity (RID), the distinction between plagiarism and parallel creativity, the regulation of the labor of “creative professions” and the assessment of “machine creativity”. The aim of the study was to conduct a comprehensive scientific analysis of the legal concept of creativity, identifying the problems of its design and application, and the development of criteria for unifying judicial practice. The author traces the evolution of the interpretation of creativity in legal science, revealing its intersectoral character. The key conclusion is that the lack of legal definition and blurring of criteria lead to legal uncertainty. Based on the analysis of the doctrine and judicial practice, the objectivating criteria for creative contribution are formulated: 1) originality (uniqueness reflecting the identity of the author); 2) novelty (objective or subjective); 3) intellectual contribution (going beyond technical work). The article concludes that the legal concept of creativity requires a flexible approach that combines doctrinal foundations with practical needs. The proposed criteria are designed to minimize judicial arbitrariness and ensure the uniformity of practice, which is especially important in the context of digitalization and use of AI. The concept of creativity should develop dynamically, recognizing the determining role of the human contribution even with the use of new technologies.

Key words: creativity, legal definition, intellectual property, judicial practice, protection criteria, artificial intelligence.

Проблема творчества только на первый взгляд выглядит как философский вопрос, не переходящий в практическую плоскость. На самом деле это понятие широко используется в законодательстве и вызывает целый ряд правоприменительных проблем, требующих решения. К примеру, ст. 10 Основ законодательства Российской Федерации о культуре наделяет каждого человека правом на осуществление всех видов творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями. В качестве свободы творчество гарантировано в ст. 26, 44 Конституции РФ.

В части четвертой Гражданского Кодекса (далее – ГК РФ) творчество выступает главным условием правовой охраны авторских произведений. Хотя напрямую в ГК РФ термин «творчество» не определен, ст. 1257 ГК РФ указывает, что автором произведения признается лицо, «творческим трудом которого оно создано». Это подтверждает необходимость творческого характера деятельности по созданию охраняемого результата интеллектуальной деятельности (далее – РИД) для защиты авторских прав на него.

РИД признается интеллектуальной собственностью только при его создании творческим трудом человека. Творческий замысел предполагается в основе любой интеллектуальной собственности. Возникновение авторства закон связывает также с творческим трудом человека. В связи с этим обсуждается проблема параллельного творчества и его соотношение с плагиатом.

С 5 февраля 2025 г. в России вступил в силу Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», нацеленный прежде всего на создание условий для творческой самореализации граждан в сфере креативной экономики и стимулирование производства инноваций.

Анализ законодательных отсылок к творчеству показывает, что они носят декларативный оценочный характер. Например, при регистрации патента требуется «изобретательский уровень», но как отличить его от технического усовершенствования – вопрос интерпретации. Статья 351.1 Трудового кодекса РФ регулирует труд «творческих профессий» (журналисты, актеры), но не поясняет, что делает профессию творческой. Статья 146 Уголовного кодекса РФ защищает «творческие результаты» от плагиата, однако границы творчества и здесь остаются размытыми.

В условиях нового технологического уклада и вторжения в социальные отношения искусственного интеллекта возникла проблема «машинного творчества» и «творчества нейросетей». В законодательстве искусственный интеллект определен как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»¹. Однако высказывания о том, что ИИ не заменяет человеческое мышление, а

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 г. № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Собрание законодательства РФ. 2024. № 8. Ст. 1102.

требует его постоянного развития, видятся спорными в контексте свободы творчества человека.

Креативность перестает быть уникальным свойством, придающим человеку и создаваемым им творческим продуктам дополнительную ценность. Однако в законодательстве тесная связь между творчеством и человеком сохраняется. Дискуссия о правовом положении результатов, созданных нейросетями и с использованием иных прорывных технологий, как представляется, не утихнет до тех пор, пока не будет окончательно решен вопрос о правовой природе творчества.

В отечественной юридической науке этот вопрос прорабатывается с конца XIX – начала XX в. В исследованиях Г. Ф. Шершеневича творчество рассматривается как «деятельность, направленная на создание духовных ценностей, которые, будучи выражены вовне, становятся объектами авторского права. Сущность его – в индивидуальности, оригинальности и новизне результата»². Для А. А. Пиленко творчество – это акт, «не механическая работа, а проявление личного духовного усилия, создающее нечто качественно новое. Лишь такие результаты признаются законом как охраноспособные»³.

После революции 1917 г. подход к творчеству изменился. Акцент сместился на «общественную полезность» и «идеологическую составляющую» деятельности. Однако юридические определения творчества сохранили связь с интеллектуальным трудом человека. Так, В. И. Серебровский определил творчество как «деятельность, порождающую произведения науки, литературы и искусства, обладающие новизной и отражающие мировоззрение трудящихся. Оно должно служить целям социалистического строительства»⁴.

По представлениям Б. С. Антимонова «творческий труд отличается от нетворческого наличием “идейной новизны”». Произведение должно не только формально соответствовать критериям оригинальности, но и нести прогрессивное содержание»⁵.

В статье 475 ГК РСФСР 1964 г. указывалось, что авторское право возникает в результате «научного, литературного или художественного творчества», что подразумевало объективную новизну (не копирование), идеологическую допустимость (соответствие нормам социалистического общества).

Созвучие этому подходу наблюдалось и в научной юридической литературе 1960-х гг. К примеру, Е. А. Флейшиц определяла творчество как

² Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1893. С. 14.

³ Пиленко А. А. Право изобретателя. СПб., 1913. Т. 1. С. 78.

⁴ Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М., 1929. С. 23.

⁵ Антимонов Б. С. Основания авторского права. М., 1957. С. 45.

деятельность, в которой проявляется индивидуальность автора, но в рамках коллективистской парадигмы. Оно не может противоречить интересам государства⁶.

Обобщив сказанное, отметим, что в досоветской юриспруденции творчество трактовалось как индивидуальный акт создания духовных ценностей, тогда как в советский период оно стало инструментом государственной идеологии. Однако в обоих случаях сохранялся критерий новизны как основы правовой охраны.

В современной юридической литературе понятие «творчество» чаще всего раскрывается в контексте интеллектуальной собственности, прежде всего, авторского права. Подход к творчеству как деятельности, порождающей объекты авторского права, встречаем у А. П. Сергеева. «Творчество – это деятельность человека, направленная на создание новых, оригинальных результатов в области науки, литературы, искусства, выраженных в объективной форме. Его ключевой признак – новизна и уникальность, отражающие личность автора»⁷.

«В патентном праве творческий характер деятельности проявляется в изобретательском уровне, когда результат неочевиден для специалиста в данной области техники. Это качественный скачок, выходящий за рамки обычного ремесленного труда»⁸.

«Для правовой защиты творческий результат должен обладать объективной новизной и быть продуктом интеллектуальной деятельности, а не механического воспроизведения. Творчество предполагает самостоятельность и индивидуальность авторского замысла»⁹.

Творчество отличается от технической работы наличием «интеллектуального вклада», который невозможно стандартизировать. Например, составление базы данных признается творческим, если выбор и систематизация информации отражают оригинальность мышления автора¹⁰.

В философско-правовом аспекте «творчество – это процесс, в котором человек не просто воспроизводит существующие идеи, а создает новые смыслы, преодолевая шаблоны. В праве это выражается в требовании «оригинальности» как критерия «охраноспособности»¹¹.

⁶ См.: Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве СССР. М., 1968. С. 102.

⁷ Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2021. С. 67.

⁸ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М., 2003. С. 112.

⁹ Гражданское право : учеб. : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. М., 2020. Т. 4. С. 245.

¹⁰ См.: Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права). М., 2019. С. 89.

¹¹ См.: Моргунова Е. А. Авторское право: теоретические и практические проблемы. СПб., 2018. С. 54.

Понятие «творчество» в юриспруденции используется не только в контексте интеллектуальной собственности. Оно фигурирует и в других отраслях права, где подчеркивается уникальность деятельности, нестандартный подход или создание новых результатов. К примеру, в трудовых отношениях творчество упоминается при регулировании труда работников «творческих профессий» (художники, актеры, журналисты). Статья 351.1 ТК РФ выделяет особенности регулирования труда работников «творческих средств массовой информации» (редакторы, ведущие), для которых устанавливаются особые условия труда, включая ненормированный график.

В научном комментарии к этой статье отмечается, что «творческий характер труда предполагает невозможность строгой регламентации процесса, что требует гибкости в трудовых договорах». В сфере образовательного права творчество рассматривается как элемент педагогической деятельности и образовательных программ. Закон «Об образовании в РФ» (ст. 48) устанавливает следующее: учитель обязан «развивать у обучающихся творческие способности». Поэтому творческие методы преподавания – неотъемлемая часть реализации образовательных стандартов».

В уголовном праве творчество может фигурировать в контексте квалификации преступлений. Например, ст. 146 УК РФ («Нарушение авторских прав») – подделка или незаконное использование «творческих результатов» (плагиат, контрафакт). По поводу мошенничества отметим, что в судебной практике (ст. 159 УК РФ) встречаются дела, где преступники использовали «творческие схемы» для обмана (например, создание фальшивых произведений искусства).

В семейном праве творчество может влиять на споры об опеке над детьми. Пример из практики: если родитель-художник проводит много времени в мастерской, суд может учесть, что его творческая деятельность не должна препятствовать выполнению родительских обязанностей (Определение Верховного Суда РФ № 45-КГ22-3-К8).

В трудах Д. Ю. Шапсугова творчество представлено как процесс мышления, реализованный «в бесконечном ряде актов и технологий» и обусловленный потенциалом человеческого мозга. Проявление творческой активности связывается не только с истиной, но и с заблуждением, нередко менявшимися местами. В качестве примера приводится советская юриспруденция, представляющая собой ценный материал по истории культуры творчества в плане относительной оформленности целостных концептуальных схем.

Исследование культуры творчества Д. Ю. Шапсугов предлагает осуществлять с использованием синергетического подхода. Выбор обусловлен набором принципов, на которых базируется данный подход (откры-

тость, нелинейность, самоорганизация, сочетание рациональности и иррациональности). Связанность разнообразия научного знания Д. Ю. Шапсугову видится в способе его организации, а именно в единстве его теоретического и практического применения. Средствами этого единения выступают профессиональный юридический язык, правовые концепции, правовые конструкции и развитые формы критического правового мышления¹².

Таким образом, творчество в праве – межотраслевое понятие, которое в интеллектуальном праве используется для охраны результатов интеллектуальной деятельности. В трудовом, образовательном, административном праве – регулирует процессы и условия деятельности. В уголовном и конституционном праве – служит критерием для ограничений или защиты свобод.

Конечно, множественность подходов к понятию «творчества» можно признать оправданным с учетом многогранности этого понятия. Однако что в этом случае делать практикам? Как отличить продукты, созданные творческим трудом, от объектов, не обладающих подобными характеристиками? Чаще всего на эти вопросы приходится отвечать судьям. Наиболее приемлемым для судебной практики сегодня считается данное О. А. Красавчиковым определение творческого труда как «умственного (интеллектуального) и связанного со значительным расходом нервной энергии...»¹³.

Для определения критериев творческого труда уместным считаем обобщение позиций высших судов по этому вопросу. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 г. № 15 разъясняет, что творческая деятельность в авторском праве предполагает создание произведения, являющегося результатом интеллектуального труда, обладающего оригинальностью и индивидуальностью. В документе отмечается, что «творческий характер деятельности автора проявляется в самостоятельном создании произведения, отражающего его личностное восприятие и обладающего признаками новизны».

В Определении Верховного Суда РФ № 305-ЭС19-27127 от 12 марта 2020 г. указывается, что творческая деятельность не ограничивается искусством, но включает научные, технические и иные формы интеллектуальной работы. Здесь акцент сделан на новизну как характеристику

¹² См.: Шапсугов Д. Ю. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 11–19.

¹³ Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Правоведение. 1984. № 4. С. 15–21.

творчества, в частности отмечено, что «творчество предполагает создание качественно новых результатов, не сводимых к механическому воспроизведению существующих знаний».

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 июня 2016 г. № 16-П подчеркивается, что свобода творчества гарантируется ст. 44 Конституции РФ и включает право на самостоятельный выбор форм и методов деятельности. «Творчество как форма реализации личности защищается государством, если оно не нарушает права и законные интересы третьих лиц».

В Определении Конституционного Суда РФ № 274-О-Р от 20 декабря 2005 г. уточняется, что творческая деятельность в образовательном контексте направлена на развитие креативного потенциала и не может быть сведена к формальному выполнению задач. Так, творчество в педагогике предполагает инновационный подход, выходящий за рамки стандартных методик. Творчество как деятельность, направленная на создание уникальных результатов, отражающих личность автора, не ограничивается искусством; включает науку, образование, технику и иные сферы.

Юридическими критериями творчества суды признают оригинальность, новизну, индивидуальный вклад. Высшие суды РФ трактуют творчество как деятельность, требующую «интеллектуальных усилий» и «субъективной новизны». Переработка должна добавлять новые элементы, а не просто технически преобразовывать оригинал. Эти подходы применяются в авторском праве, образовании, науке и других областях.

Таким образом, конструирование юридических понятий предполагает баланс доктрины и практики. Юридическая наука при определении ключевых категорий, таких как «творчество», должна опираться на доктринальные подходы, но с обязательным учетом потребностей правоприменения. Теоретические конструкции, разработанные в досоветский, советский и современный периоды, демонстрируют, что игнорирование практических аспектов ведет к декларативности норм. На примере творчества это выражается в необходимости четких критериев, которые могут быть использованы судами для оценки конкретных дел.

На основе анализа представленных научных позиций и судебной практики автором сформирована система критериев, позволяющих объективизировать оценку творческого вклада: оригинальность (наличие уникальных особенностей, отражающих «личность автора», его индивидуальный замысел); новизна (объективная и субъективная) – качественное отличие от существующих объектов; интеллектуальный вклад автора, требующий умственных усилий, выходящих за рамки технической работы. Эти критерии не только согласуются с доктриной, но и адаптированы к

реалиям судебных споров, например, при разграничении плагиата и самостоятельного творчества. В таком ракурсе творчество перестает быть субъективной оценкой, а становится юридическим фактом, доказываемым через комбинацию названных критериев.

Предложенные критерии имеют двоякое значение: судьи получают ориентиры для оценки, минимизируя риски произвольных решений, и унифицируют практику. Единообразие в применении понятия творчества необходимо для защиты прав авторов, инвесторов и пользователей, особенно в условиях цифровизации (например, при оценке контента, созданного с участием ИИ).

Понятие творчества в праве не может быть «застывшим» – оно требует постоянного диалога между наукой и практикой. Так, в условиях нового технологического уклада необходимо расширить трактовку творчества, включив результаты, созданные при участии ИИ, но с обязательным указанием на человеческий вклад как определяющий фактор. Доктринальные подходы задают теоретическую основу, а судебные решения адаптируют ее к реалиям, формируя гибкие, но четкие критерии. Такой симбиоз обеспечивает защиту творчества как фундаментальной ценности, гарантированной Конституцией РФ, и одновременно поддерживает инновационное развитие общества.

Библиографический список

Антимонов Б. С. Основания авторского права / Б. С. Антимонов. – М. : Госюриздат, 1957. – 278 с.

Гражданское право : учебник : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2020. – Т. 4. – 544 с.

Демичев А. А. О научной новизне в историко-правовых исследованиях / А. А. Демичев // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3, № 2(7). – С. 16–21.

Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации / В. А. Дозорцев. – М. : Статут, 2003. – 416 с.

Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права) / В. О. Калятин. – М. : Норма, 2019. – 480 с.

Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) / О. А. Красавчиков // Правоведение. – 1984. – № 4. – С. 14–23.

Моргунова Е. А. Авторское право: теоретические и практические проблемы / Е. А. Моргунова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2018. – 271 с.

Пиленко А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – Т. 1. – 495 с.

Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А. П. Сергеев. – М. : Проспект, 2021. – 752 с.

Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права / В. И. Серебровский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1929. – 283 с.

Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве СССР / Е. А. Флейшиц. – М. : Наука, 1968. – 207 с.

Шапсугов Д. Ю. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права / Д. Ю. Шапсугов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 2. – С. 9–21.

Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Тип. Имп. Университета, 1893. – 313 с.

References

Antimonov B. S. Grounds for Copyright / B. S. Antimonov. – M. : Gosyurizdat, 1957. – 278 p.

Civil Law : textbook : in 4 vol. / ed. by E. A. Sukhanov. – Moscow : Wolters Kluwer, 2020. – Vol. 4. – 544 p.

Demichev A. A. On Scientific Novelty in Historical and Legal Research / A. A. Demichev // Russian Journal of Legal Research. – 2016. – Vol. 3, No. 2(7). – Pp. 16–21.

Dozortsev V. A. Intellectual Property Rights: Concept. System. Codification Tasks / V. A. Dozortsev. – Moscow : Statut, 2003. – 416 p.

Fleishits E. A. Personal Rights in the Civil Law of the USSR / E. A. Fleishits. – Moscow : Nauka, 1968. – 207 p.

Kalyatin V. O. Intellectual Property (Exclusive Rights) / V. O. Kalyatin. – Moscow : Norma, 2019. – 480 p.

Krasavchikov O. A. Creativity and Civil Law (Concept, Subject and Composition of the Sub-Sector) / O. A. Krasavchikov // Jurisprudence. – 1984. – No. 4. – Pp. 14–23.

Morgunova E. A. Copyright: Theoretical and Practical Problems / E. A. Morgunova. – St. Petersburg : Legal Center Press, 2018. – 271 p.

Pilenko A. A. Inventor's Right / A. A. Pilenko. – St. Petersburg : Type. M. M. Stasyulevich, 1913. – T. 1. – 495 p.

Serebrovsky V. I. Issues of Soviet Copyright / V. I. Serebrovsky. – Moscow : Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1929. – 283 p.

Sergeev A. P. Intellectual Property Law in the Russian Federation / A. P. Sergeev. – Moscow : Prospect, 2021. – 752 p.

Shapsugov D. Yu. The Culture of Creativity in Jurisprudence and Social Practice as a New Stage in the Understanding and Transformation of Developing Law: Problems of Reconstructing the Process of Understanding Law / D. Yu. Shapsugov // North Caucasian Legal Bulletin. – 2024. – No. 2. – Pp. 9–21.

Shershenevich G. F. Copyright of literary works / G. F. Shershenevich. – Kazan : Type. Imperial University, 1893. – 313 p.

Для цитирования:

Шатковская Т. В. Юридическое понятие творчества: проблемы научного конструирования и практического применения // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 54–64.

Recommended citation:

Shatkovskaya T. V. Legal concept of creativity: problems of scientific design and practical application // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 54–64.

Сведения об авторе

Шатковская Татьяна Владимировна – заведующий кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор юридических наук, профессор

E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Information about author

Shatkovskaya Tatyana Vladimirovna – Head of the Department of Theory and History of Law and State at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of the Department of Civil Law at the Rostov State University of Economics (RSUE), Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. А. Юртаева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: практика законопроектной работы в России отвечает современным запросам и отражает актуальную политико-правовую повестку, реагируя на возникающие потребности, проблемы. При этом обеспечение законодательства как научно выверенной единой целенаправленной стабильно модернизируемой деятельности еще нуждается в доктринальном обосновании, сопровождении, критическом осмыслении. Такая постановка вопроса, предполагающая концептуализацию для последующего практического воплощения главных идей развития российского законодательства как области апробации современных социальных практик, будет способствовать устранению неудобств, включая институциональные препятствия, которые потенциально могут создавать условия для конфликта между нормами, социальными ожиданиями, государственными решениями. Специальное внимание уделено проблемам целеориентированности и сбалансированности социальной активности в законодательстве.

Ключевые слова: правовая доктрина, правовое целеполагание, модернизация законодательства, социальный порядок, социальное регулирование, делегированное законодательство.

LEGAL DOCTRINE AND CONCEPTUAL VALIDITY OF LEGISLATIVE ACTIVITY

E. A. Yurtaeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the practice of legislative activity in Russia corresponds to modern demands and reflects the current political and legal agenda, responding to emerging needs and problems. However, at the same time, ensuring legislation as a scientifically verified, unified, purposeful, constantly modernizing activities still requires doctrinal justification, support and critical reflection. This formulation of the question presupposes conceptualization for subsequent practical implementation of the main ideas of the development of Russian legislation as an area for testing modern social practices, and will help eliminate inconveniences, including institutional obstacles that could

potentially create conditions for conflict between norms, social expectations, and government decisions. Special attention is paid to the problems of goal orientation and balance of social activity in legislation.

Key words: legal doctrine, legal goal setting, modernization of legislation, social order, social regulation, delegated legislation.

Ни одно теоретическое, научное или эмпирико-прикладное исследование состояния действующего правового регулирования не может обойти своим вниманием его эффективность: обосновать оценки ответственности или, наоборот, уяснить причины недостаточной регулирующей силы правовых актов, решений. В любом случае всегда актуален поиск средств оптимизации условий воспроизведения и исполнения правового регулирования.

Правовое регулирование в силу решаемых правом задач, а также специфики воздействия на общественные отношения из-за особенного характера используемых средств может затрагивать совершенно разных субъектов – государства и иные публичные институты, общественные объединения, бизнес-группы и частных лиц. Применяемые для правового регулирования средства хотя и многочисленны, но стабильны, набор этих средств, применяемый для регулирования конкретных ситуаций, не является статичным, поскольку текущей правовой действительностью в определенные периоды на приоритетные позиции выдвигаются те из них, потребность в которых актуализируется именно на данном этапе политико-правового развития и которые как системно воздействующий механизм включаются лишь при возникновении определенных условий. Учет и всесторонняя доктринальная проработанность всех этих условий будут способствовать общему повышению эффективности законодательных решений, а также предупреждению возникновения потенциально конфликтного состояния между потребностями прогрессивного социального развития и государственными механизмами устранения препятствующих такому развитию негативных факторов.

Современную российскую политико-правовую практику последних лет особенно характеризует то обстоятельство, что все используемые регулирующие механизмы (будь то законодательное или подзаконное регулирование или другие средства социального упорядочивания, не связанные с правом), всё их множественное разнообразие – постоянно пересматриваются, корректируются в зависимости от складывающейся ситуации, от текущих задач. Динамичность приемов и средств правового регулирования проистекает из объективных условий развития государства и общества. Однако если исходить из того, что законодательство (и как

результат, и как процесс государственно-общественного осознания актуальности соответствующих потребностей) выступает одним из главных носителей потенциала совершенствования политико-социальной, общественной и частной жизни в государстве, неизбежен вопрос о выработке общих стратегических подходов для системного и комплексного решения стоящих перед государством задач, поскольку именно стратегически выверенные решения способны оказать позитивное влияние на функционирование государства и общества. Тематическое разнообразие задач в области текущего законодательного регулирования позволяет акцентировать практическую значимость концептуального сопровождения законодательной деятельности, которая как никогда ранее нуждается в повышенном доктринальном внимании и, соответственно, теоретическом обеспечении практического разрешения встающих перед законодательством проблем. При этом нельзя не высказать убежденность, что другой стороной доктринирования законодательной работы является то, что верифицированные научные теории не должны оставаться невостребованными.

Как любая другая наука, юридическая наука призвана к построению доктрин, теорий, однако в своей современной ипостаси она всё больше проникает в сферу решения практических задач. Для правотворческой области практически ориентированная юридическая наука разрабатывает в первую очередь те проблемы, темы, которые значимы для понимания сущности использования правовых инструментов в обеспечении социального прогресса, и в связи с этим обособляет область научного знания, необходимого для принятия нормативного правового решения. Связанность производства научного знания и практики, интегрированность теоретических достижений в непосредственный процесс принятия нормативных правовых решений не только взаимно обогащают области теоретического и прикладного знаний, но позволяют решать научные задачи вроде моделирования правовой реальности как доктринального концепта и, одновременно, предлагать и обосновывать решения, составляющие более современную или эффективную альтернативу существующим.

Набор доктринальных концептов для построения модели перспективного развития российского законодательства может быть разным; как фундаментальные, так и прикладные аспекты здесь могут играть свою роль, по-своему содействуя целям создания и процессу порождения нормативного правового решения. Для моделирования будущего, основанного на реалиях сегодняшнего дня, обратимся к *факторным* и *структурному* компонентам, не касаясь, насколько возможно, компонента предметного как имеющего преимущественное отношение к отраслевым проблемам правового регулирования.

Первым в числе *факторов*, способных создать основательную базу и гарантировать стабильность и долговечность юридического бытия нормативного решения, следует назвать определенно выраженную общую целеориентированность правового регулирования. Признание важности данного фактора вытекает прежде всего из его утилитарной полезности: фиксируемая – объявленная, разъясненная, мотивированная, опубликованная, адресованная социуму – цель в правотворческой деятельности еще до принятия соответствующего нормотворческого решения формирует в обществе готовность к восприятию запланированного (объявленного) нововведения. Помимо этого, целеориентирование (безусловно, полезное и для выполнения текущих задач подготовки законодательных решений) указывает (по крайней мере, должно указывать) на фундаментальную направленность политико-общественного развития – модернизацию, технологический прорыв, инновационное развитие, – или имеет иные цели. Задачу социального целеориентирования целесообразно рассматривать как важнейшую функцию государства, поскольку успешное политическое развитие в современных условиях невозможно без учреждения устойчивых каналов общественно-государственного партнерства – социального консенсуса в области общественных ценностных ориентаций. Социальное целеориентирование сродни национальной идее – так сказать, «смыслу жизни», проецированному на общенациональный уровень. Несмотря на то, что в стране не только разрабатываются, но и выполняют свою дискурсивную задачу разнообразные долгосрочные стратегические планы развития¹, проблему целеориентирования общества они решают лишь отчасти. Социальное целеориентирование, кроме того, может выполнять иные, не связанные напрямую с правовым регулированием социально полезные функции. Общество, оповещенное о содержании поставленных целей, оказывается более заинтересованным не только в результате, но и в более активной поддержке государства при изыскании им ресурсов для достижения цели, а также способно сформировать положительную общественную оценку предпринимаемых усилий государства как обоснованных, необходимых, справедливых. То, что в ходе масштабной работы по социальному целеориентированию параллельно могут решаться еще и утилитарные задачи, не нужно считать «отходом»

¹ Таковы, например, Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р) (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 42. Ст. 7157) и разрабатываемая на основе Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 306 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу 2036 года» (Там же. 2024. № 20. Ст. 2584) Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года.

от концептуализации стратегического доктринирования юридических форм развития Российской Федерации как правового, социального, демократического, федеративного государства, поскольку новый взгляд на законодательство как область свободного и массового гражданского интереса продиктован прямой заинтересованностью государства в повышении эффективности государственного управления, в том числе расширением вовлеченности в правотворчество всех активных граждан².

Другим важным *фактором*, который лежит в основе поступательно-го развития законодательства, следует считать определение инструментальных средств воздействия на политико-социальное развитие, не ограниченное применением только юридических ресурсов. Развитие законодательства нельзя представить без его содержательного обновления, юридико-технического усовершенствования, структурной оптимизации. Однако совершенствование нормативно-регулирующей составляющей современной российской правовой системы в отрыве от исторически сложившейся социальной практики, как представляется, не будет правильным. Вместе с эволюционированием права в динамику общественного развития должны быть вовлечены и другие элементы, значимые для всего социального контекста – политика, экономика, культура, состояние нравственного климата, формирование и укрепление партнерских отношений в структуре государственного и общественного взаимодействия. Системное правовое регулирование на базе предварительного доктринирования программных установок, называемое в литературе модернизацией законодательства³, целесообразно дополнять более активным включением иных форм социальной регуляции – социальных табу, ценностных принципов и убеждений, нравственных предпочтений, отношений доверия, защиты преимуществ этического выбора и др. Существенно возрастающие возможности всегда сопряжены с ростом рисков, а широкий спектр проблем, требующих для своего решения современных подходов, выдвигает на первый план задачу не столько выбрать конкретное законодательное решение (сформировать связанное множество конкретных решений, поскольку речь идет о законодательном опосредовании гетерогенных проблем), сколько принять во внимание наличие большой вариативности доступных средств регулирования за пределами права, с уче-

² Примером успешно внедренного в массовую практику подобного нововведения можно считать формирование механизма широкого публичного доступа к информации о разрабатываемых нормативных правовых актах с возможностью деятельного реагирования на их содержание (см. пп. «а» п. 2 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2338).

³ См.: Организация законопроектной работы в системе федеральных органов исполнительной власти / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2006. С. 19–21.

том регулятивного потенциала иных форм социального регулирования. В таких условиях особенную важность приобретает критическая оценка потенциала страны и ее перспектив для того, чтобы соизмерить, насколько предлагаемые решения способны нивелировать возможные риски – экономические или гуманитарные последствия⁴. Масштаб и разноплановость задач, стоящих перед законодательным обеспечением опережающего инновационного развития экономики и социальной жизни в стране, диктуют необходимость корректировать не только содержание правового регулирования. Весьма полезным представляется пересмотр общего подхода к использованию иных социальных средств регламентации, помимо нормативных правовых, для разрешения социальных и иных проблем. В качестве нового подхода может быть предложена разработка доктринальной модели социально-юридического регулирования, представляющей собой схематическое отражение путей и способов сочетанного регулирования всеми возможными (имеющимися, потенциальными или уже апробированными) средствами регулирования – нормативными и иными. Думается, что пересмотр значения нормативного правового компонента в российском социальном регулировании следует считать назревшей потребностью современного этапа государственно-общественного развития страны. Это явление можно обозначить как юридизацию социальных соглашений, учитывая, что для России – имеющей весьма специфическое представление о «законе» и по-прежнему признающей высокий авторитет за обычно-правовой практикой регулирования – это является не только современной тенденцией, но и исторически апробированной практикой.

Вообще важной чертой, заслуживающей отнесения к числу общесоциальных (или общеправовых) принципов существования современного социального сообщества, является то, что обязательную силу в этом сообществе приобретают все обязательства, которые были согласованы, даже если они должным образом не были формализованы, например, приняты без соблюдения определенной процедуры или имеют свою особенную (нетипичную) форму фиксации. В практическом юридическом опыте новейшего времени такие обязательства, несмотря на их квазиправовой характер, получают защиту не только моральную, но и юридическую. В современной мировой общественной практике эквивалентом закона как всеобщего социального посредника всё более становится универсальное понимание того, «как надо», «как нормально», «как должно быть». Упорядочить общественные отношения в условиях нынешнего

⁴ См.: Юртаева Е. А. Конституция и правотворчество // Современное право и государство в условиях новых вызовов: VIII Мальцевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 21 апреля 2021 г. М., 2022. С. 114, 116.

времени посредством только правового регулирования уже невозможно; имманентной частью регулятивного процесса стали механизмы саморегулирования, медиативный инструментарий и т.п.⁵

Все современные нормоопределяющие механизмы – правовые и другие – действуют не изолированно. Поэтому как актуальное направление совершенствования правового регулирования в настоящее время необходимо рассматривать, в первую очередь, согласование и взаимное усиление воздействия тех социальных механизмов, которые, имея разную отраслевую принадлежность и, соответственно, опираясь на действующее отраслевое законодательство, применяют различный арсенал средств регулирования и тем самым создают свой специфический «отраслевой» инструментарий регуляторов, состоящий не только из правовых средств⁶. При этом как бы нивелируется представление о социальном регулировании в контексте его «всеобщности» как системном комплексе правовых и – что важно – иных регуляторов.

Важный *структурный* компонент в концептуальном осмыслении развития современного законодательства усматривается в области оптимальной балансировки законодательной активности: имеются в виду разные участники законодательной деятельности. В настоящее время федеральные законы в процессе их подготовки хотя и подвергаются специальной внешней технико-процедурной обработке для сообщения им свойства юридического верховенства (они проходят определенные этапы стадийного дебатирования в парламенте), однако даже авторитетная апробация будущего закона в коллегии выборных представителей не устраняет «этатизм» в общественном восприятии федерального закона, а часто – наоборот – подчеркивает и даже усиливает. Иначе говоря, российское законодательство в текущей своей ипостаси воспринимается преимущественно как продукт административной деятельности. Депутатские инициативы, несмотря на их численную множественность (как и инициативы общественные), по своему содержанию и исполнению практически не оказывают влияния на восприятие правового регулирования как «общего дела», а стремительное санкционирование законов парламентом существенно элиминирует представление о «важности» и «значимости» каждого из принимаемых законов.

Вместе с тем немалое количество сфер социальной жизни и экономического развития от наделения исполнительной власти отдельными полномочиями в области утверждения законов может только выиграть.

⁵ См.: *Ананьев А. В.* Способы правового регулирования как правовые средства обеспечения соотношения свободы предпринимательской деятельности и государственного регулирования // *Право и государство: теория и практика.* 2012. № 11. С. 78–82.

⁶ См., например: *Родионова О. М.* Механизм гражданско-правового регулирования: деятельность-догматический характер. М., 2020. С. 70–71, 74–75.

Делегация законодательных полномочий органу исполнительной власти может стать эффективным способом принятия решений по вопросам, требующим оперативного или безотлагательного вмешательства. Речь идет отнюдь не о том, чтобы и без того сверхсильный бюрократический аппарат снабдить инструментом, расширяющим прерогативы управления до возможности самостоятельно принимать решения, являющиеся высшими по своему социальному назначению. Динамика работы современного российского парламента наглядно демонстрирует дисбаланс между потребностями законодательства и фактической возможностью их оперативного удовлетворения. Эта проблема нередко проявляется в чрезвычайной спешности при прохождении отдельных законодательных инициатив в парламенте и требует, как минимум, осмысления, а по возможности и устранения.

Концепция регламентарной власти⁷ не воспринята в законодательной практике Российской Федерации, однако приоритетность участия исполнительной власти в предложении законодательных инициатив зиждется на ее фундаментальной роли в реализации государственной политики. Судя по опыту зарубежных государств, практика делегирования законодательных полномочий органам государственной администрации⁸ несет в себе высокий потенциал. Имеющийся у исполнительной власти ресурс позволяет своевременно реагировать на проблемные ситуации, которые нуждаются в оперативном правовом регулировании. Исполнительная власть, будучи наделенной специальными регламентарными или делегированными полномочиями в законодательстве, может с большим успехом использовать возможность интенсификации нововведений в тех сферах и отраслях, которые отличаются высокой динамичностью.

Конституционное правило об издании актов федеральных органов исполнительной власти (на основе и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных указов Президента Российской Федерации) в современных условиях небывалой динамичности всех областей жизни не должно пониматься исключительно в том смысле, что исполнительная власть может реализовывать правотворческую функцию в строгих рамках конкретизирующих и обеспечительных правотворческих задач.

⁷ Содержание этой концепции сводится к конституционному наделению органов исполнительной власти правом принятия актов, имеющих силу закона, по определенной тематике (главным образом «мелкой» или «менее значимой») без делегирования парламентом законодательных полномочий правительству.

⁸ Успешный опыт делегированного законодательства демонстрируют, например, Великобритания, Португалия и некоторые другие современные государства. См.: Правительство в зарубежных странах / под ред. А. Н. Козырина и Е. К. Глушко. М., 2007. С. 27, 75, 107 и др.

Специфические ограничения, которые сопровождают деятельность законодательной власти, в современных условиях делают вполне допустимым наделение органов исполнительной власти отдельными функциями в правотворческой сфере через разные формы делегирования законодательных полномочий. Поэтому, как представляется, имеется потребность законодательно определить роль структур исполнительной власти (в первую очередь Правительства Российской Федерации) в законодательном обеспечении экономического развития, восприняв идею делегированного законодательства, что могло бы смягчить проблему легитимации правительственной деятельности в области законодательства. Внедрение нового элемента в структуру законодательного механизма позволит более деятельно учитывать специфику исторического этапа общественно-политической жизни в Российской Федерации. Тем более что в отдельных сферах исполнительной деятельности делегирование полномочий в целях оперативного выполнения государственных обязательств имеет стабильную практику⁹.

С содержательной стороны концептуализация правового регулирования должна служить обеспечению поступательного развития государства и общества в новых политических и экономических условиях, настоятельно диктующих необходимость определить приоритеты развития и наметить пути решения неотложных задач, осмыслить и оценить юридический потенциал с целью его использования в интересах развития страны.

Доктринальный взгляд на совершенствование законодательной работы исходит из ключевой роли интересов граждан (независимо от их социокультурных, традиционных и иных различий), а также общесоциальных приоритетов¹⁰. Опираясь на конституционную норму о Российской Федерации как социальном государстве, можно утверждать, что ценности социального порядка не должны приноситься в жертву даже тогда, когда экономическая ситуация настоятельно требует, например, снижения расходов бюджетных средств. Медицинское обслуживание, образовательная подготовка, интеллектуальное развитие, правовое воспитание, поддержка социальных инициатив, социальная защита в силу конституционно заявленной государственно-правовой политики не могут признаваться допустимыми областями секвестирования бюджетных расходов без риска для авторитета Конституции Российской Федерации. Перекос в приоритетах законодательного обеспечения защиты, например,

⁹ Речь идет о полномочиях органов исполнительной власти изменять утвержденные бюджетные показатели, в том числе без внесения изменений в федеральный закон о бюджете. См. об этом: *Васянина Е. Л.* Правовые вопросы управления государственными доходами // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2. С. 105–106.

¹⁰ См.: *Chernilo D.* The Natural Law Foundations of Modern Social Theory: a Quest for Universalism. N.Y., 2013. P. 4.

капиталов перед обеспечением социальных гарантий, не должен допускаться, даже если он продиктован назревшей необходимостью содействовать формированию «социально активной» личности, ориентировать государственную социальную политику на преодоление иждивенческих настроений отдельных слоев населения¹¹.

Совершенствование праворегулирующих институтов, в том числе с активным вовлечением науки для сопровождения законодательной деятельности, объективно опирается на использование инструментальных возможностей демократии, поскольку научный критический взгляд «всегда обоснованно находит в законе самые различные и нередко серьезные недостатки»¹². При этом конституционную норму об осуществлении государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную в современном прочтении следует воспринимать не иначе, как институциональный шаблон для периодической модерации концептуальных условий законодательной деятельности и – в целом – способов государственного властвования. Цель такой модерации должна состоять в постоянной рационализации политической организации, в предложении правовых форм проведения государственной политики, основанной на учете интересов всех групп граждан, в налаженном функционировании обратных связей между властью и обществом, в политической конкуренции.

Библиографический список

Ананьев А. В. Способы правового регулирования как правовые средства обеспечения соотношения свободы предпринимательской деятельности и государственного регулирования / А. В. Ананьев // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 11. – С. 78–82.

Баренбойм П. Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? / П. Д. Баренбойм // Законодательство и экономика. – 2013. – № 4. – С. 5–12.

Васянина Е. Л. Правовые вопросы управления государственными доходами / Е. Л. Васянина // Бизнес, менеджмент и право. – 2012. – № 2. – С. 104–109.

Организация законопроектной работы в системе федеральных органов исполнительной власти / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Юрист, 2006. – 140 с.

Правительство в зарубежных странах / под ред. А. Н. Козырина и Е. К. Глушко. – М. : Ось-89, 2007. – 237 с.

Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования: деятельностно-догматический характер / О. М. Родионова. – М. : Статут, 2020. – 436 с.

¹¹ См.: Баренбойм П. Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 5–12.

¹² Сырых В. М. Законотворческие ошибки: понятие, виды, пути выявления и исправления // Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 383.

Сырых В. М. Законотворческие ошибки: понятие, виды, пути выявления и исправления / В. М. Сырых // Российское законодательство: проблемы и перспективы. – М. : Издательство БЕК, 1995. – С. 382–402.

Юртаева Е. А. Правотворчество в условиях новых конституционных реалий / Е. А. Юртаева // Современное право и государство в условиях новых вызовов: VIII Мальцевские чтения: материалы международной научно-практической конференции. Москва, 21 апреля 2021 г. / под ред. Л. Е. Лаптевой, Е. Г. Лукьяновой. – М. : Изд-во «Проспект», 2022. – С. 111–116.

Chernilo D. The Natural Law Foundations of Modern Social Theory: a Quest for Universalism / D. Chernilo. – N.Y. : Cambridge University Press, 2013. – 248 p.

References

Ananiev A. V. Methods of Legal Regulation as Legal Means of Ensuring the Relationship between one's Own Enterprise Activity and State Regulation / A. V. Ananiev // Law and Government: Theory and Practice. – 2012. – No. 11. – Pp. 78–82.

Barenboim P. D. Boundaries, Convergence or Replacement of Legal Doctrine and the Supreme Law? / P. D. Barenboim // Legislation and Economics. – 2013. – No. 4. – Pp. 5–12.

Chernilo D. The Natural Law Foundations of Modern Social Theory: a Quest for Universalism. – N.Y. : Cambridge University Press, 2013. – 248 p. [In Engl.]

Government in Foreign Countries / ed. by ces A. N. Kozyrina and E. K. Glushko. – Moscow : Os'-89, 2007. – 237 p.

Organization of Legislative Work in the System of Federal Executive Bodies / ed. by T. Ya. Khabrieva. – Moscow : Urist, 2006. – 140 p.

Rodionova O. M. The Mechanism of Civil-legal Regulation: Activity-dogmatic Nature / O. M. Rodionova. – Moscow : Statut, 2020. – 436 s.

Syrykh V. M. Legislative errors: concept, types, ways to identify and correct / V. M. Syrykh // Russian legislation: problems and prospects. – Moscow : BEK Publishing, 1995. – Pp. 382–402.

Vasianina E. L. Legal Issues of Government Administration / E. L. Vasianina // Business, Management and Law. – 2012. – No. 2. – Pp. 104–109.

Yurtaeva E. A. Lawmaking in the Context of New Constitutional Realities / E. A. Yurtaeva // Modern Law and the State in the Context of New Challenges: VIII Maltsev Readings : Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, April 21, 2021 / ed. by L. E. Lapteva, E. G. Lukyanova. – Moscow : Prospect Publishing House, 2022. – Pp. 111–116.

Для цитирования:

Юртаева Е. А. Юридическая наука и концептуальное обоснование законодательной деятельности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 65–76.

Recommended citation:

Yurtaeva E. A. Legal doctrine and conceptual validity of legislative activity // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 65–76.

Сведения об авторе

Юртаева Евгения Анатольевна – доцент кафедры теории и истории государства и права им. Г. В. Мальцева Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

E-mail: yurtaeva_ea@ranepa.ru

Information about author

Yurtaeva Evgeniya Anatolievna – Associate Professor of the G. V. Maltsev Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher Scientist

E-mail: yurtaeva_ea@ranepa.ru

УДК 340.121

ДЕТЕРМИНАНТЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

У. Н. Ахмедов, К. И. Савченко

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 24 февраля 2025 г.

Аннотация: статья посвящена анализу факторов развития и образования мусульманской правовой системы, которая является юридическим феноменом, охватывающим весь спектр многообразных правовых отношений и правовой деятельности, осуществляемой в разнообразных формах в странах Ближнего Востока. По сей день дискуссионным является вопрос об оценке правовой природы мусульманского права. В статье последовательно рассматриваются концептуальные основы понимания источника права применительно к мусульманскому праву и анализируется роль и значение в правовом регулировании основных источников мусульманского права – Корана, Сунны, кияса, иджмы.

Ключевые слова: мусульманское право, шариат, правовые системы, Коран, Сунна, иджма, кияс.

DETERMINANTS OF MUSLIM LAW IN VARIOUS LEGAL SYSTEMS

U. N. Akhmedov, K. I. Savchenko

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article is devoted to the analysis of the factors of development and formation of the Muslim legal system, which is a legal phenomenon covering the entire spectrum of diverse legal relations and legal activities carried out in various forms in the countries of the Middle East. To this day, the issue of assessing the legal nature of Muslim law is debatable. The article consistently examines the conceptual foundations of understanding the source of law in relation to Muslim law and analyzes the role and significance in the legal regulation of the main sources of Muslim law: Quran, Sunnah, Kiyas, Ijma.

Key words: Muslim law, Sharia, legal systems, Quran, Sunnah, Ijma, Kiyas.

Детерминанты мусульманского права занимают значительное место во многих правовых системах, формируя основные принципы и нормы, регулирующие жизнь мусульман. Мусульманское право – неотъемлемая часть исламской цивилизации, необходимая составляющая правовой и национальной культуры целого ряда стран. Веками оно создавалось как особый правовой феномен и основа правовых систем большинства стран Азии и Африки, а в отдельные исторические периоды – некоторых регионов Европы. Сейчас мусульманское право олицетворяет одну из ведущих правовых семей современного мира и, безусловно, оказывает важное влияние на право многих государств. Мусульманское право (шариат) предоставляет последователям четкие указания относительно моральных и правовых аспектов их поведения, регулируя как межличностные отношения, так и отношения между мусульманином и Аллахом. Регулирование затрагивает самые разные аспекты общественной жизни и не всегда выглядит как правовое по своей природе: ряд норм имеют выраженный морально-нравственный или ритуальный характер.

Важно понимать, что в каждой стране, где исповедуют ислам, шариат интерпретируется и применяется по-разному, что делает его детерминанты гибкими, но при этом стабильными. Понимание детерминант мусульманского права необходимо для глубокого анализа правовых систем в странах с мусульманским большинством. Они влияют на законодательство, судебные решения и практику, а также на социальные и культурные аспекты жизни. Изучение основных детерминант, их многогранных проявлений помогает лучше уяснить, каким образом мусульманское право встраивается в другие правовые системы и какое влияние оно оказывает на общество в целом.

Формирование основ мусульманского права началось в VII в., после появления ислама. К началу X в. нормы мусульманского права конкретизировались, так как был создан Коран, регламентировавший многие аспекты общественной жизни. К концу X в. мусульманское право канонизировалось, на первое место вышли традиции, которые рассматривались в качестве правовых норм. Именно ими должно было руководствоваться население. Время доктринального поиска было завершено, наступил «век традиций».

К XIII в. мусульманское право утратило свою целостность вследствие наметившегося раскола между различными интерпретационными школами. Теперь мусульманское право, по сути, обрело полидоктринальный характер, утратив единство и единообразие понимания его норм.

В XIX в. начался новый этап развития мусульманского права. Законодательство выступало как самостоятельный источник нормативного регулирования общественных отношений, что привело к постепенному

вытеснению юридической доктрины. Важнейшими источниками мусульманского права стали Коран (собрание откровений, ниспосланных Аллахом пророку Мухаммеду) и Сунна (предания о жизни и учении пророка Мухаммеда). Как отмечает Мехди Санаи, эти тексты «установили основные принципы, такие как справедливость, равенство и моральные нормы»¹. С течением времени правовые школы (мазхабы), такие как ханафитская, шафиитская, маликитская и ханбалитская, развивались, предлагая различные интерпретации и подходы к мусульманскому праву. Значительное влияние на правовые системы оказали конкретно-исторические события. Арабские завоевания в VII–VIII вв. способствовали распространению ислама и мусульманского права в новых регионах. Культурный обмен и взаимодействие с другими цивилизациями, такими как персидская и византийская, обогатили правовые нормы, вводя новые концепции и идеи. Периоды политических перемен, например, османское господство, также корректировали интерпретацию мусульманского права, включая местные традиции и практики в общую правовую систему.

Как уже было сказано ранее, основными источниками мусульманского права выступают Коран и Сунна, а также *иджма* и *кияс*. Коран как священная книга ислама, считающаяся словом Аллаха, ниспосланным пророку Мухаммеду, содержит указания, правила и моральные нормы, которым мусульмане должны следовать. Коран охватывает различные аспекты жизни, такие как вера, этика и повседневные, бытовые отношения.

Как указывает Н. Е. Торнау, «тексты Корана считаются непреложными и основополагающими для формирования правовых норм»². Сунна – это учение и практика пророка Мухаммеда, зафиксированные в хадисах, которые описывают его слова и поступки. Сунна служит дополнением к Корану и помогает разъяснять и конкретизировать его положения. Она играет важную роль в практике мусульман и в выработке правовых решений. *Иджма* представляет собой консенсус знатоков ислама по определенному вопросу. Этот источник права отражает согласие сообщества мусульман, основываясь на их знаниях и опыте.

И. В. Кудряшова отмечает, что «*кияс* – это аналогия или логическое умозаключение, позволяющее решить новые вопросы, не охваченные Кораном и Сунной»³. Однако, даже при наличии таких универсальных принципов, важным аспектом остается влияние местных традиций и обыча-

¹ Мехди Санаи. Мусульманское право и политика: история и современность. 2-е изд. М., 2016. С. 45.

² Торнау Н. Е. О праве собственности по мусульманскому законодательству. СПб., 1882.

³ Кудряшова И. В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М., 2017. С. 78.

ев. Они играют значительную роль в мусульманском праве, определяя, как нормы ислама применяются в конкретных обществах.

Обычаи разных стран могут оказывать влияние на семейные отношения, наследование или рассмотрение уголовных дел, отклоняясь от единой правоприменительной практики. Это разнообразие, формируемое историческим и культурным контекстом, делает исламское право более адаптированным к нуждам местного населения, обеспечивая его жизнеспособность и актуальность. Социальные факторы также оказывают значительное влияние на понимание и практику применения мусульманского права.

Как подчеркивает М. М. Мchedлова, «то, как люди понимают заповеди ислама, часто зависит от их культурной среды»⁴. Например, в некоторых обществах особое внимание уделяется семейным ценностям, в то время как в других важнее индивидуальные права. Это может приводить к различиям в судебной практике, даже если сущность правовых норм остается неизменной.

Культурные традиции, такие как устные предания и обычные практики, также способны оказывать влияние на реализацию мусульманского права. В регионах, где существуют сильные местные обычаи, интерпретация исламских норм может подвергаться значительным изменениям. Эти традиции не всегда совпадают с каноническими текстами ислама, что приводит к возникновению дополнительных трудностей и споров. Роль государства не может быть недооценена, поскольку оно оказывает влияние на интерпретацию и соблюдение мусульманского права, учитывая при этом местные обычаи и социальные стандарты.

Конфликты между религиозными предписаниями и светскими законами, как утверждает С. О. Мавед, «часто приводят к возникновению сложных правовых ситуаций»⁵, требующих от государства умелого подхода для обеспечения справедливости и эффективности правоприменения. Шариат, в свою очередь, не существует в вакууме. Его реализация зависит от контекста политической власти и культурных особенностей общества. Например, в некоторых странах мусульманское право сосуществует с развитым гражданским законодательством, в то время как в других оно становится основополагающим элементом правовой системы.

Экономические факторы играют не менее важную роль в применении шариата. В государствах с высокоразвитой экономикой существует больше условий для выполнения юридических норм, связанных с фи-

⁴ См.: Мchedлова М. М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. № 11(1). С. 34.

⁵ См.: Мавед С. О. Генезис мусульманского права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2(14). С. 10.

нансовыми и экономическими вопросами, например, с законами о беспроцентном кредитовании (риба). Тем не менее в регионах с низким уровнем доходов или в период экономических спадов могут возникнуть сложности с соблюдением таких норм. Как утверждает Л. Н. Берг, «высокий уровень бедности приводит к тому, что многие люди могут игнорировать религиозные предписания ради выживания»⁶.

Таким образом, взаимосвязь между государством, экономикой и мусульманским правом является сложной и многоуровневой. Современные изменения в мусульманском праве свидетельствуют о быстром развитии общества и новых вызовах, с которыми оно сталкивается. В этом контексте глобализация занимает ключевое место. Передовые технологии, миграция и международные связи создают условия для взаимодействия различных культур и правовых систем. Это подразумевает необходимость адаптации мусульманского права, как и других правовых систем, к современным реалиям. Поэтому одной из главных тенденций является попытка синтеза традиций и современных реалий. Как утверждают многие правоведы, «мусульманское право следует адаптировать к требованиям современного мира»⁷. Это касается таких вопросов, как права женщин, защита прав детей и экономические отношения. К примеру, в ряде стран создаются новые законодательные акты, учитывающие современные взгляды на справедливость и равенство. Интерес к правам человека также возрастает в свете мусульманского права. Ученые работают над тем, как принципы шариата могут быть совместимы с международными стандартами прав человека. Это позволяет создавать правовые системы, которые учитывают как традиции, так и глобальные тенденции современности.

Таким образом, влияние исторических, культурных и социальных факторов на становление мусульманских правовых норм показывает, что мусульманское право не существует отдельно от контекста, в котором оно применяется. Оно адаптируется к местным привычкам, традициям и законодательным системам, что делает его динамичным и многогранным. Взаимодействие мусульманского права с другими правовыми системами может приводить как к синтезу, так и к конфликту. Важно отметить, что современные правовые системы все чаще учитывают нормы мусульманского права. Это открывает новые возможности для диалога между различными правовыми культурами. Перспективы дальнейшего изучения мусульманского права в правовых системах обширны. Они включают в себя анализ его роли в современных обществах, влияние глобализации

⁶ См.: Берг Л. Н., Березина Е. А. Теория права: правовое воздействие и правовое регулирование. М., 2023. С. 150.

⁷ Мехди Санаи. Указ. соч. С. 67.

на мусульманское право и его восприятие международной правовой практикой. Такие исследования способствуют лучшему пониманию правовых систем и гармонизации норм права на мировом уровне.

Библиографический список

Берг Л. Н. Теория права : правовое воздействие и правовое регулирование / Л. Н. Берг, Е. А. Березина. – М. : Юрайт, 2023. – 393 с.

Кудряшова И. В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие / И. В. Кудряшова // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : Изд-во «Весь мир», 2017. – С. 228–241.

Мавед С. О. Генезис мусульманского права / С. О. Мавед // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2013. – № 2(14). – С. 185–189.

Мехди Санаи. Мусульманское право и политика: история и современность / Санаи Мехди. – 2-е изд. – М. : Садра, 2016. – 166 с.

Мchedlova M. M. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт / М. М. Мchedlova // Ислам в современном мире. – 2015. – № 11(1). – С. 93–102.

Торнау Н. Е. О праве собственности по мусульманскому законодательству / Н. Е. Торнау. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1882. – 87 с.

References

Berg L. N. Theory of law: legal impact and legal regulation / L. N. Berg, E. A. Berezina. – Moscow : Yurait, 2023. – 393 p.

Kudryashova I. V. Muslim political identity: unity and diversity / I. V. Kudryashova // Identity: personality, society, politics. Encyclopedia edition / ed. by I. S. Semenenko. – Moscow : Publishing house "The Whole world", 2017. – Pp. 228–241.

Maved S. O. The genesis of Muslim law / S. O. Maved // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. – 2013. – No. 2(14). – Pp. 185–189.

Mchedlova M. M. Islam and the unity of Russian society: modernity and historical experience. Islam in the modern world / M. M. Mchedlova // Islam in the modern world. – 2015. – No. 11(1). – Pp. 93–102.

Mehdi Sanai. Muslim law and politics: history and modernity / Sanai Mehdi. – 2nd ed. – Moscow : Sadra, 2016. – 166 p.

Tornau N. E. On the right of ownership under Muslim law / N. E. Tornau. – Saint-Petersburg : Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1882. – 87 p.

Для цитирования:

Ахмедов У. Н., Савченко К. И. Детерминанты мусульманского права в различных правовых системах // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 77–83.

Recommended citation:

Akhmedov U. N., Savchenko K. I. Determinants of Muslim law in various legal systems // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 77–83.

Сведения об авторах

Ахмедов Ульви Низами оглы – доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Ulvi27@mail.ru

Савченко Кира Игоревна – курсант Воронежского института МВД России
E-mail: kira.savchenko.2022@mail.ru

Information about authors

Akhmedov Ulvi Nizami oglu – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: Ulvi27@mail.ru

Savchenko Kira Igorevna – Cadet of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: kira.savchenko.2022@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВОВОГО МАТЕРИАЛА В ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ ДХАРМАШАСТРАХ

Я. В. Безносова

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского*

Поступила в редакцию 15 июня 2025 г.

Аннотация: статья посвящена анализу текстов древнеиндийских религиозно-этических и правовых трактатов – дхармашастр – с юридико-технической точки зрения. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что при создании правовых глав шастр их составители активно использовали различные приёмы и средства юридической техники, в частности, осуществляли структурирование и систематизацию правового материала при помощи юридической конструкции.

Ключевые слова: дхармашастра, Древняя Индия, дхарма, право, юридическая конструкция, правовая терминология, юридическая техника.

LEGAL CONSTRUCTION AS A TOOL FOR SYSTEMATIZATION OF LEGAL MATERIAL IN ANCIENT INDIAN DHARMASHASTRAS

Ya. V. Beznosova

National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: the article is devoted to the analysis of texts of ancient Indian religious, ethical and legal treatises – dharmashastras – from a technical and legal point of view. As a result of the conducted research, it is concluded that when creating the legal chapters of the shastras, their compilers actively used various techniques and means of legal technology, in particular, they carried out the structuring of legal material using a legal structure.

Key words: dharmashastra, law, Ancient India, dharma, law, legal construction, legal terminology, legal techniques.

Порядок правового регулирования общественных отношений в Древней Индии находит наиболее полное отражение и закрепление в религиозно-этических трактатах – дхармашастрах. Составленные стихотвор-

© Безносова Я. В., 2025

ным размером «шлока», дхармашастры, начиная со II в. до н.э., создавались на базе уже существующей прозаической литературы дхармасутр и светских политико-правовых трактатов – артхашастр.

С точки зрения содержания, дхармашастры представляли собой сборники о дхарме, т.е. о праведном образе жизни, предписываемом представителям различных сословий (варн) древнеиндийского общества. Образцовым представителем второй по значимости в социальной иерархии варны кшатриев являлся царь, чья дхарма заключалась в том, чтобы охранять народ не только силой оружия, но и посредством осуществления справедливого правосудия. С целью описания дхармы царя в дхармашастрах появляется целый раздел, содержащий нормы правового характера, – своеобразный судебник, который должен был служить руководством царю при исполнении им своей дхармы судьи.

Период составления дхармашастр варьируется от 2-й половины I тысячелетия до н.э. до 2-й половины I тысячелетия н.э. Наиболее известными в научной литературе являются дхармашастры Ману (II в. до н.э. – II в. н.э.), Яджнавалкьи (II–III вв. н.э.) и Нарады (V–VI вв. н.э.)¹.

Указанные памятники на протяжении нескольких столетий привлекают внимание историков права, главным образом, с точки зрения содержания правового регулирования, однако нельзя их недооценивать и с позиции юридической техники как «совокупности средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства»².

В процессе исследования дхармашастр обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от текста шастры Ману, текст Яджнавалкьи, а в еще более значительной степени Нарады, становится более ясным, точным, изменяется его структурная организация в сторону большей последовательности в расположении элементов, он приобретает единство и внутреннюю логику. Другими словами, можно говорить о предпринимаемых брахманами-составителями попытках применения правил юридической техники в отношении правового текста шастр.

Определенную логику имеет порядок расположения правового материала в дхармашастрах: правовые предписания излагаются во всех трех правовых памятниках согласно 18 поводам судопроизводства (неуплата долга, вклад, продажа чужого, неуплата жалования, спор о границе, раздел

¹ См.: Безносова Я. В. Дхармашастры Ману, Яджнавалкьи и Нарады как источники нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии II в. до н.э. – V в. н.э. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2018. С. 54.

² Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. С. 482.

наследства, брачно-семейные споры, несоблюдение общинного порядка, оскорбление словом и действием, кража, грабеж, споры, возникающие в связи с участием в азартных играх, и др.). При этом реструктурированный внутри каждого повода материал Нарады выглядит по сравнению с Ману и Яджнавалкьей логически более последовательным и систематизированным. Последовательная дифференциация правового материала в тексте шастр достигается также путем его деления на общую и особенную части. Та же логика изложения материала характерна для отдельных глав дхармашастры Нарады, где вслед за общими нормами следуют нормы специальные. При этом в рамках каждой главы нормы упорядочиваются в зависимости от предмета правового регулирования.

Правовые предписания дхармашастр систематизируются посредством использования разного рода перечней, которые в ряде случаев организуются по принципу классификации. Так, в зависимости от степени ритуальной чистоты, всё имущество делилось на белое, пестрое и черное, а каждое из них еще на семь разновидностей (Нарада, 1. 40–43)³; в зависимости от допустимого для соответствующей варны способа приобретения имущества в собственность различалось двенадцать его видов (Нарада, 1. 46); по субъекту составления документы делились на составленные собственноручно или другим лицом; по форме различались документы, составленные без подписей свидетелей или с таковыми (Нарада, 1. 115) и др.

Еще одним способом организации юридической материи в дхармашастрах является использование такого юридико-технического средства, как терминология («Бывает передача и возвращение ссуды с целью извлечения постоянной прибыли – это называется ростовщичеством, и этим живут ростовщики» (Нарада, 1. 86); «Деяние, которое совершено в присутствии собственника и сопровождалось насилием, – грабеж, если оно совершено в его отсутствие, – кража» (Ману, VIII. 332)⁴; «То имущество, которое передается в руки другого, будучи помещенным в предмет, предназначенный для хранения, и без указания его признаков, называется вкладом» (Яджнавалкья, II. 65)⁵, «Свидетель называется так потому, что являлся очевидцем – видел собственными глазами, слышал собственными ушами» (Нарада, 1. 128) и др.).

³ Здесь и далее ссылка на: Дхармашастра Нарады / пер. с санскрита и комментарий А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. М., 1998.

⁴ Здесь и далее ссылка на: Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М., 1992. URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 10.06.2025).

⁵ Здесь и далее ссылка на: Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. М., 1994.

Одним из значимых юридико-технических приемов, широко используемых составителями дхармашастры Нарады, является юридическая конструкция.

По мнению отечественного исследователя, профессора А. Ф. Черданцева, юридическая конструкция выступает, во-первых, в качестве метода познания права и правоотношений, во-вторых, в качестве средства юридической техники как средства построения нормативного материала, и, в-третьих, в качестве средства толкования норм права и установления юридически значимых фактов⁶.

Как отмечает доктор юридических наук, профессор Т. В. Кашанина, «целью установления юридических конструкций является сведение во-едино нормативных положений и основных решений, связанных с тем или иным конкретным вопросом, областью деятельности, правовой проблемой... Они являются способом упорядочения общественных отношений и придания им при анализе точности и четкости. Они дают возможность теоретически осмыслить поначалу бесформенную массу феноменов в целях последующего их распределения в законах в соответствии с четко сформулированными идеями»⁷.

Профессор В. И. Шкатулла полагает, что «юридическая конструкция – это разработанная доктриной и принятая юридическим научным сообществом идеальная модель, позволяющая теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов различных правовых явлений»⁸. Ученый выделяет два аспекта данного юридико-технического приема: широкий и узкий. С точки зрения широкого подхода под юридической конструкцией можно понимать «практически все правовые явления, имеющие определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком конструкционности. В этом смысле можно говорить о конструкции права, отрасли права, правового института, нормы права, правосознания, правоотношения»⁹. В узком смысле юридическая конструкция, по мнению В. И. Шкатуллы, – это «средство правотворческой техники, заключающееся в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала»¹⁰.

⁶ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 151.

⁷ Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2011. С. 190.

⁸ Краснов Ю. К. Юридическая техника. М., 2014. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasnov_uk_nadvikova_vv_shkatulla_vi_juridicheskaja_tehnika/ (дата обращения: 10.06.2025).

⁹ Краснов Ю. К. Указ. соч.

¹⁰ См.: Там же.

Таким образом, в юридических конструкциях находит отражение структурно-системное строение исследуемых объектов, которые сами по себе являются сложными и состоящими из определенных взаимосвязанных между собой элементов образованиями. Юридические конструкции обеспечивают взаимосвязь между юридическими нормами, благодаря чему достигается полное и всестороннее урегулирование общественных отношений в той или иной сфере.

Исследование правового текста дхармашастр позволяет выявить целый ряд случаев, когда при конструировании правового материала их составители обращались к юридической конструкции. Так, центральный институт в системе права, нашедший отражение в дхармашастрах, – судебный процесс – представляет собой сложное структурно-системное образование, состоящее из следующих обязательных элементов: «Считается, что судебное дело имеет четыре ступени, четыре основания и четыре средства, оно полезно четверем, затрагивает четверых, обеспечивает четыре, имеет восемь членов, восемнадцать поводов и сто разновидностей, три истока, два возможных обвинения, два входа и двоякий исход» (Нарада, I. 8, 9).

Также обязательными элементами процесса, согласно шастре Нарады, выступают: основание тяжбы (заявление), субъекты (тяжущиеся стороны, судьи, в том числе сам царь), доказательства (документы и свидетели), стадии рассмотрения дела (определение сути дела, затем его отнесение к тому или иному поводу тяжбы, затем рассуждение и принятие решения) (Нарада, I. 30).

Отдельная глава дхармашастры Нарады посвящена порядку обращения в суд с исковым заявлением, где иск представлен как сложная юридическая конструкция, состоящая из таких элементов, как «предмет иска», «размеры исковой суммы», «суть иска»: «Что, кем, у кого должно быть получено, то, тот, у того пусть и требует, но не другой, другое у другого – в противном случае это будет одна из трех разновидностей заявления, “относящегося к другому предмету”» (Нарада, II. 9); если в документе, «нет сведений о размерах имущества, являющегося предметом тяжбы, отсутствуют данные о величине исковой суммы – такой неверно составленный документ следует отвергнуть» (Нарада, II. 10); «Следует в первой же стадии процесса отвергнуть заявление, имеющее такой недостаток, как отсутствие определения сути иска, обвинение одного против многих» (Нарада, II. 11).

Структурирование правовых предписаний, регламентирующих брачно-семейные отношения, осуществляется в дхармашастрах посредством юридической конструкции брака. Среди ее элементов могут быть выделены такие, как:

а) брачный обряд: помолвка и собственно «соединение рук» («При заключении союза мужчины и женщины предписывается помолвка, а после помолвки совершается “соединение рук”. Таким образом, брачный обряд состоит из двух частей» (Нарада, 12. 2));

б) стороны брака: ими могли быть муж и жена, принадлежащие к одной варне («При браке брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр лучше, если жена из той же варны; и для женщины – лучше, если муж из той же варны» (Нарада, 12. 4)), не являющиеся между собой родственниками по отцу и по матери до седьмого и до пятого колен соответственно (Нарада, 12. 7), физически и ментально здоровые, при этом «мужчина должен быть проверен, является ли он мужчиной, по его телесным признакам» (Нарада, 12. 8, 36, 37);

в) возраст вступления в брак (должен был быть «подходящим» (Нарада, 12. 23); при этом Ману регламентирует возраст определенно: «Тридцатилетний мужчина пусть берет нравящуюся ему двенадцатилетнюю девушку, двадцатичетырехлетний – восьмилетнюю» (Ману, IX. 92));

г) взаимные обязанности супругов: высшая дхарма мужа и жены – взаимная верность до самой смерти и рождение детей (Нарада, 12. 25); вместе с тем в обязанности супруга входило содержание жены, постоянная забота о ней и охрана: «День и ночь женщины должны находиться в зависимости от своих мужчин, ибо, будучи приверженными к мирским утехам, они должны быть удерживаемы в их желаниях. Отец охраняет ее в детстве, муж охраняет в молодости, сыновья охраняют в старости; женщина никогда не пригодна для самостоятельности» (Нарада, 13. 31). Обязанности женщины заключались в собирании и расходовании имущества, поддержании чистоты, приготовлении пищи, попечении о домашней утвари, воспитании потомства, повиновении слову мужа.

Использование юридической конструкции составителями дхармашастр наблюдается при конструировании правового регулирования договорных отношений в рамках гражданского оборота. Так, в конструкции договоров займа и купли-продажи можно выделить такие элементы, как предмет договора, права и обязанности сторон, меры ответственности сторон.

В качестве предмета договора купли-продажи шастры определяют «товар»: «В этом мире различают два вида имущества – одушевленное и неодушевленное. В правилах о купле-продаже и то и другое называется товаром» (Нарада, 8. 2). Предметом договора займа, согласно шастре, выступает «имущество» (деньги, зерно, одежда, масло, скот, хлопок, закваска, свинец, оружие, кожа, медь, железо и др.) (Нарада, 1. 39, 92, 93, 94).

Обязанности сторон по указанным договорам находят отражение в следующих положениях шастры: «Торговцу надо устанавливать цену, соответствующую месту и времени, и не действовать обманом – таков лучший образ действий торговцев» (Нарада, 8. 12); «Если покупатель, купив за определенную цену тот или иной товар, считает покупку неудачной, надлежит вернуть его продавцу в тот же день и в том же виде» (Нарада, 9. 2); «Пусть покупатель сам предварительно проверит достоинства и недостатки товара; после того, как купленный товар проверен и одобрен, его не следует возвращать продавцу» (Нарада, 9. 3); «Когда долг погашен, кредитор пусть отдаст долговую расписку, а если ее нет – расписку в получении» (Нарада, 1. 102); «Какую сумму даст поручитель, принужденный к тому кредитором, – должник должен возместить поручителю вдвое больше этого» (Нарада, 1. 107).

И, наконец, третий элемент в юридической конструкции гражданско-правовых договоров, согласно шастре Нарады, – это ответственность сторон за ненадлежащее исполнение договора: «А того, кто, показав товар без изъяна, отдает затем товар с изъяном, следует заставить вернуть цену в двойном размере и столько же заплатить в виде штрафа царю» (Нарада, 8. 7); «Также тот, кто, продав товар одному, отдает его другому, должен заплатить двойную цену первому покупателю и столько же в виде штрафа» (Нарада, 8. 8); «Если покупатель не забирает купленный товар, который ему предлагают взять, продавец, продающий его другому, невиновен» (Нарада, 8. 11); «Получив свой доход, кредитор пусть даст расписку должнику. Но если кредитор не дает таковую, несмотря на требования должника, то он теряет остаток ссуды» (Нарада, 1. 101); «Должника, который сам признает, что он должен, пусть царь заставит уплатить штраф в размере десяти процентов суммы долга, но вдвое больше, если тот будет изобличен в суде» (Нарада, 1. 133).

Таким образом, древнеиндийские дхармашастры отличаются широким разнообразием использованных при построении их текста юридико-технических средств и приемов. Применительно к более поздней по времени появления дхармашастре Нарады можно говорить о характерном, в целом, для ее составителей конструктивном мышлении, как в широком, так и в узком смысле, что нашло отражение в неоднократном использовании ими юридических конструкций при построении правового материала трактата.

Библиографический список

Алексеев С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М. : Проспект, 2008. – 482 с.

Безносова Я. В. Дхармашастры Ману, Яджнавалкьи и Нарады как источники нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии II в.

до н.э. – V в. н.э. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / Я. В. Безносова. – Пенза, 2018. – 197 с.

Дхармашастра Нарады / пер. с санскрита и комментариев А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. – М. : Восточная литература, 1998. – 256 с.

Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. – М. : Наука, 1992. – URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 10.06.2025).

Кашанина Т. В. Юридическая техника / Т. В. Кашанина. – М. : Норма; ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

Краснов Ю. К. Юридическая техника / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. – М. : Юстицинформ, 2014. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasnov_uk_nadvikova_vv_shkatulla_vi_juridicheskaja_tehnika/ (дата обращения: 10.06.2025).

Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи / А. М. Самозванцев. – М. : Восточная литература, 1994. – 360 с.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург : Наука, 1993. – 189 с.

References

Alekseev S. S. General theory of law / S. S. Alekseev. – Moscow : Prospect, 2008. – 576 p.

Beznosova Ya. V. The Dharmashastras of Manu, Yajnavalkya and Narada as sources of normative regulation of public relations in Ancient India of the II century BC – V century AD (historical and legal research) : diss... Candidate of Jurid. Sciences / Ya. V. Beznosova. – Penza, 2018. – 197 p.

Cherdantsev A. F. Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice / A. F. Cherdantsev. – Yekaterinburg : Nauka Publ., 1993. – 189 p.

Kashanina T. V. Legal technology / T. V. Kashanina. – Moscow : Norma; INFRA-M, 2011. – 496 p.

Krasnov Y. K. Legal technology / Y. K. Krasnov, V. V. Nadvikova, V. I. Shkatulla. – Moscow : Justicinform, 2014. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasnov_uk_nadvikova_vv_shkatulla_vi_juridicheskaja_tehnika/ (date of access: 10.06.2025).

Narada's Dharmashastra / translated from Sanskrit and commentary by A. A. Vigasin and A. M. Samozvantsev. – Moscow : Oriental Literature, 1998 – 256 p.

Samozvantsev A. M. The book of the sage Yajnavalkya / A. M. Samozvantsev. – Moscow : Oriental literature, 1994. – 360 p.

The Laws of Manu / translated by S. D. Elmanovich, verified and corrected by G. F. Ilyin. – Moscow : Nauka, 1992. – URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (date of access: 10.06.2025).

Для цитирования:

Безносова Я. В. Юридическая конструкция как инструмент систематизации правового материала в древнеиндийских дхармашастрах // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 84–92.

Recommended citation:

Beznosova Ya. V. Legal construction as a tool for systematization of legal material in Ancient Indian dharmashastras // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 84–92.

Сведения об авторе

Безносова Яна Викторовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: sun148@mail.ru

Information about author

Beznosova Yana Viktorovna – Associate Professor of Theory and History of State and Law Department of Law Faculty, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: sun148@mail.ru

УДК 34.01

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕНАРОДНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИЛИ ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ?

Д. Э. Кравчик

*Южно-Российский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ*

Поступила в редакцию 17 июня 2025 г.

Аннотация: исследование концепции советского общенародного государства актуально в контексте современных запросов на народовластие (42 % россиян поддерживают идею власти, выражающей интересы народа, – ВЦИОМ, 2023). Ее анализ позволяет выявить риски подмены реальных механизмов участия граждан идеологическими декларациями и разработать модели укрепления легитимности власти через правовые институты (референдумы, общественные инициативы).

Цель исследования – разграничить политико-правовое содержание и пропагандистские аспекты конструкции общенародного государства в СССР, оценить степень реализации его принципов на практике.

Концепция общенародного государства не была исключительно пропагандистской. Она опиралась на объективные социально-экономические изменения (ликвидация антагонистических классов, рост рабочего класса до 85 %, доминирование госсектора в экономике) и развитую теоретическую базу советских юристов. Однако ее реализация обуславливалась идеологией: институты прямой демократии (всенародные обсуждения, референдумы) носили формальный характер, а декларируемый «народный суверенитет» не обеспечивался независимыми механизмами контроля.

Отдельные элементы концепции (приоритет народовластия, баланс представительной и прямой демократии) могут быть адаптированы в современной России при условии их деидеологизации и подкрепления реальными процедурами (электронные петиции с обязательным ответом власти, реформирование отзыва депутатов и др.).

Ключевые слова: общенародное государство, советское государство, советская государственная теория, народный суверенитет, идеологизация права, Конституция СССР 1977 г., механизмы народовластия.

© Кравчик Д. Э., 2025

SOVIET ALL-PEOPLES' STATE: POLITICAL AND LEGAL OR PROPAGANDISTIC STRUCTURE?

D. E. Kravchik

*South-Russian Institute of Management –
branch of RANEPА under the President of the Russian Federation*

Abstract: the study of the concept of the Soviet nationwide state is relevant in the context of modern demands on democracy (42 % of Russians support the idea of power expressing the interests of the people – VTsIOM, 2023). Its analysis allows you to identify the risks of replacing real mechanisms for citizens' participation with ideological declarations and develop models for strengthening the legitimacy of power through legal institutions (referendums, public initiatives).

The aim of the study was to distinguish between political and legal content and propaganda aspects of the construction of a public state in the USSR, assessing the degree of implementation of its principles in practice.

The concept of a national state was not exclusively propaganda. It was based on objective socio-economic changes (the elimination of antagonistic classes, the growth of the working class up to 85 %, the dominance of the public sector in the economy) and the developed theoretical base of Soviet lawyers. However, its implementation was determined by ideology: the institutes of direct democracy (popular discussions, referendums) were formal in nature, and the declared “popular sovereignty” was not provided by independent control mechanisms. Separate elements of the concept (the priority of democracy, the balance of representative and direct democracy) can be adapted in modern Russia, subject to their deideologization and reinforcement by real procedures (electronic petitions with a mandatory response of the authorities, reforming the recall of deputies, etc.).

Key words: a nationwide state, Soviet state, Soviet state theory, popular sovereignty, ideologization of law, the Constitution of the USSR 1977, mechanisms of democracy.

Концепция общенародного государства исторически связана с советской государственной теорией. После формального упразднения классово-вой конструкции СССР государство объявлялось выразителем интересов всего народа. Диктат марксистско-ленинской идеологии в Советском государстве не позволяет непосредственно разграничить теоретическое и пропагандистское содержание в концепции общенародного государства. Для этого необходимо научное исследование, позволяющее определить, насколько декларируемые принципы народовластия, закрепленные в правовых институтах, реализовывались на практике.

Социальная значимость подобного исследования определяется популярностью идей и институтов советского народовластия у современных россиян. По данным ВЦИОМ (2023) 42 % россиян считают, что власть должна «выражать интересы всего народа», что коррелирует с идеями общенародности.

Теоретическая важность изучения обозначенной проблематики состоит в углублении понимания взаимодействия права, политики и идеологии; разработке модели повышения легитимности власти через реальные институты народовластия, а не декларативные механизмы.

С практической точки зрения анализ общенародного государства позволяет разрабатывать механизмы реального участия граждан в управлении (через референдумы, общественные советы при органах власти), выявлять пробелы в законодательстве, где декларации о «народовластии» не подкреплены процедурами.

Если государство позиционирует себя как «общенародное», но не обеспечивает прозрачность и подотчетность власти, это порождает недоверие граждан к институтам. Юридическая наука может предложить критерии оценки соответствия государственной практики заявленным принципам, механизмы защиты прав граждан от злоупотреблений «общенародной» риторикой.

В отечественной юридической науке имеется обширная литература, посвященная общенародному государству. В советский период над разработкой этой теории трудились Л. А. Григорян, М. П. Шендрик, А. И. Лепешкин, Ю. Г. Судницын, В. Е. Чиркин, В. М. Чхиквадзе, Ф. М. Рудинский, Н. П. Фарберов и другие¹. В их работах общенародное государство трактовалось как высшая форма социалистической демократии.

Теоретическое значение работ перечисленных авторов состоит в развитии доктрины народного суверенитета, теоретическом обосновании перехода от классового к общесоциальному пониманию государства; разработке правовых институтов «всенародного обсуждения»; создании теории социалистического представительства.

В современный период преобладают работы, критикующие идею общенародного государства. В новейших исследованиях С. А. Авакьяна провозглашение СССР общенародным государством названо конституционной фикцией. «Общенародный характер государства был “юридическим мифом”, призванным замаскировать отчуждение власти от народа и ее концентрацию в руках партийно-государственной олигархии. Никакого нового качества государственности это понятие не отражало,

¹ См.: Григорян Л. А. Советское общенародное государство и личность. М., 1977; Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. М., 1961; Фарберов Н. П. Конституционные основы организации Советского общенародного государства. М., 1982; Чхиквадзе В. М. Советское государство и личность. М., 1978; Шендрик М. П. Социалистическое общенародное государство : (социал.-филос. очерк). М., 1985.

реальные институты народовластия (Советы, народный контроль) оставались декоративными»².

Изучение концепции в этом аспекте способствует развитию критической юриспруденции и ответу на следующие важные вопросы. Как соотносятся понятия «народ», «суверенитет» и «представительство» в теории и практике, является ли «общенародность» формой прямой демократии или инструментом манипуляции?

При постановке научной задачи исследования исходим из того, что политико-правовая конструкция предполагает формальное закрепление принципов в законодательстве и наличие институтов для их реализации (например, конституционные нормы о народном суверенитете, независимый суд и свободные выборы). Пропагандистская конструкция использует термины для создания символической реальности, не обеспеченной правовыми гарантиями. Целью данной статьи стало разграничение политико-правового и пропагандистского аспектов конструкции общенародного государства.

Для реализации этой цели использованы метод историко-правового анализа (эволюция концепции 1960–1990 гг.); сравнительно-правовой метод (сопоставление с теориями народного суверенитета); формально-юридический анализ (нормативные акты СССР и РФ); статистические методы (анализ электоральных данных и социологических опросов).

Обобщение научной литературы по рассматриваемому вопросу позволило выделить следующие этапы разработки концепции общенародного государства: 1) 1936–1956 гг. – предпосылки формирования: Конституция СССР 1936 г. (ст. 3); дискуссии о «государстве всего народа»³; 2) 1956–1977 гг. – идеологическое и теоретическое оформление конструкции: Программа КПСС 1961 г. – официальное закрепление термина, его теоретическое обоснование советскими юристами; 3) 1977–1991 гг. – конституционное закрепление и реализация: Конституция СССР 1977 г. (преамбула, ст. 1: «СССР есть общенародное государство»; ст. 2: «Вся власть принадлежит народу»; ст. 5: институты прямой демократии); законы о референдуме 1987 г.

Концепция общенародного государства, официально закрепленная в Программе КПСС 1961 г. и Конституции СССР 1977 г., часто трактуется как идеологический конструкт, лишенный научной основы. Однако ее формирование и развитие в рамках советской юридической науки опирались на системный анализ социально-экономических трансформаций, статистические данные и эволюцию государственно-правовых институ-

² Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. Т. 1. С. 121.

³ См.: Портнов В. П. Этапы развития Советской Конституции : (ист.-правовое исслед.). М., 1982. С. 156.

тов. Это позволяет утверждать, что данная концепция обладала значительной теоретической глубиной и отражала объективные изменения в структуре советского общества.

Теоретико-правовая природа концепции общенародного государства опиралась на реальные социально-экономические изменения в СССР. Во-первых, в ходе репрессий были уничтожены так называемые «эксплуататорские классы», что стало первым шагом к социальной однородности общества.

Во-вторых, возрос удельный вес рабочего класса. По данным переписей 1959–1979 гг., доля рабочих и служащих достигла 85 % населения, а крестьян-единоличников стало менее 1 %. Количественное увеличение пролетариев, уничтожение мелкобуржуазных слоев крестьянского населения приводило к стиранию классовых различий среди трудящихся⁴. Колхозный крестьянин стремительно приближался по своему положению к рабочему, к примеру, в сфере пенсионного обеспечения. Это создавало основу для декларации «неклассового» характера государства⁵.

В-третьих, социалистический сектор в экономике стал основным. К 1970 г. 96 % промышленного производства контролировалось государством. На этой экономической основе было сформировано социалистическое общество. Оно признавалось незыблемым условием для построения общенародного государства как государства всего народа. Формализация институтов «социалистической демократии» (советы, профсоюзы, народный контроль) привела к вовлечению 35 млн человек в общественную деятельность к 1980-м гг.⁶

Обобщение научных работ советских юристов позволяет дать следующее определение общенародного государства – это особая форма политико-правовой организации общества, характеризующаяся формальным провозглашением народа единственным источником власти и носителем народного суверенитета⁷; отрицанием классовой природы государства; идеологическим единством социалистического общества.

Концепция общенародного государства, разработанная советскими юристами в 1960–1980-х гг., несмотря на свою идеологизированность, содержит ряд конструктивных элементов, которые могут быть адаптированы к современным условиям. Рассмотрим ключевые аспекты, кото-

⁴ См.: Шатковская Т. В. Формы реализации традиционных правовых представлений россиян в юридических актах периода становления Советского государства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 28–30.

⁵ См.: Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века (историко-правовой аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 325.

⁶ См.: Шендрик М. П. Указ. соч. С. 140.

⁷ См.: Лепешкин А. И. Указ. соч. С. 145.

рые могли бы обогатить российское законодательство и государственное строительство. Внимания заслуживает принцип народного суверенитета как основа государственности, закрепленный в Конституции СССР 1977 г. (ст. 1, 2). Основная идея этой статьи состоит в том, что государство является инструментом выражения воли народа.

Опыт СССР может быть использован для углубления конституционного принципа народовластия (ст. 3 Конституции РФ) за счет конкретных инструментов, к примеру: законодательное закрепление народной законодательной инициативы, расширение практики референдумов, прежде всего путем совершенствования законодательного механизма их осуществления.

Баланса представительного и прямого народовластия можно достигнуть в том числе и с помощью институтов обязательного публичного обсуждения ключевых законопроектов (по примеру «Российской общественной инициативы», но с реальными последствиями), отзыва депутатов, который сегодня практически не работает.

Опыт СССР показал, что всенародные обсуждения не влияли на решения. Однако их можно заменить институтом электронного голосования и обязательного учета мнения граждан. К примеру, если петиция собирает 100 тыс. подписей, то ее следует автоматически рассматривать в представительных органах власти соответствующих субъектов РФ или в Государственной Думе РФ.

Концепция общенародного государства, если очистить ее от идеологии и формализма, может дать России: укрепление народовластия через реальные, а не декоративные механизмы; социальную стабильность за счет гарантий образования, медицины, труда; баланс между централизацией и региональной автономией через развитие местного самоуправления.

Таким образом, концепция общенародного государства стала ответом советской юридической науки на структурные изменения в обществе: исчезновение классов-антагонистов, рост образованности, формирование массовых институтов участия. Неизменность и императивность идеологических основ Советского государства ограничивала развитие советской теории народовластия, поиск новых форм реального осуществления власти народом, переход государства от инструмента насилия к инструменту социального компромисса.

Концепция общенародного государства не может быть однозначно отнесена ни к чисто пропагандистской, ни к полноценной политико-правовой конструкции. Она представляла собой «идеолого-правовой гибрид». С одной стороны, она обладала развитой теоретической базой в трудах советских юристов, опиралась на фиксацию реальных социально-экономических сдвигов (ликвидация прежних антагонистических классов, рост доли рабочего класса до 85 %, почти полное огосударствление экономи-

ки) и получила детальное конституционно-правовое оформление (Конституция СССР 1977 г., ст. 1, 2). С другой стороны, ее ключевые постулаты (народ как единственный источник власти, идеологическое единство) не имели действенных правовых механизмов реализации и защиты от узурпации власти партийно-государственной номенклатурой.

Построенная советскими теоретиками конструкция общенародного государства опиралась на конкретные социально-экономические изменения в обществе, его заинтересованность в демократическом развитии страны, а не только на идеологические декларации. От абстрактных положений советские юристы переходят к системной теории.

Теория общенародного государства базировалась на конкретных правовых конструкциях, учитывала социальные реалии, интегрировала достижения советской юридической науки. В отличие от диктатуры пролетариата, так и оставшейся политическим лозунгом, общенародное государство получило развернутое обоснование. Теоретическая база концепции, хотя и ограниченная идеологическими рамками, опиралась на статистику, социологические исследования и эмпирический анализ функций государства. Это позволяет рассматривать ее как этап в эволюции социалистической правовой мысли, а не как исключительно пропагандистский конструкт.

Библиографический список

Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2015. – Т. 1. – 863 с.

Григорян Л. А. Советское общенародное государство и личность / Л. А. Григорян. – М. : Знание, 1977. – 47 с.

Лепешкин А. И. Курс советского государственного права / А. И. Лепешкин. – М. : Госюриздат, 1961. – 591 с.

Портнов В. П. Этапы развития Советской Конституции: [ист.-правовое исследование] / В. П. Портнов, М. М. Славин. – М. : Наука, 1982. – 310 с.

Судницын Ю. Г. Советское общенародное государство / Ю. Г. Судницын. – Свердловск : Кн. изд-во, 1962. – 79 с.

Фарберов Н. П. Конституционные основы организации Советского общенародного государства / Н. П. Фарберов. – М. : Наука, 1982. – 221 с.

Чхиквадзе В. М. Советское государство и личность / В. М. Чхиквадзе. – М. : Юрид. лит., 1978. – 103 с.

Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века (историко-правовой аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук / Т. В. Шатковская. – Ростов н/Д., 2009. – 596 с.

Шатковская Т. В. Формы реализации традиционных правовых представлений россиян в юридических актах периода становления Советского государства / Т. В. Шатковская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 25–31.

Шендрик М. П. Социалистическое общенародное государство: (социал.-филос. очерк) / М. П. Шендрик. – М. : Мысль, 1985. – 192 с.

References

Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia : a Course of Study : in 2 vol. / S. A. Avakyan. – 5th ed., revised and enlarged. – Moscow : Norma, 2015. – Vol. 1. – 863 p.

Chkhikvadze V. M. The Soviet State and the Individual / V. M. Chkhikvadze. – Moscow : Legal Literature, 1978. – 103 p.

Farberov N. P. Constitutional Foundations of the Organization of the Soviet State of the People / N. P. Farberov. – Moscow : Nauka, 1982. – 221 p.

Grigoryan L. A. Soviet State and Individual / L. A. Grigoryan. – Moscow : Znanie, 1977. – 47 p.

Lepeshkin A. I. Course of Soviet State Law / A. I. Lepeshkin. – Moscow : Gosyurizdat, 1961. – 591 p.

Portnov V. P. Stages of Development of the Soviet Constitution : [historical and Legal Research] / V. P. Portnov, M. M. Slavin. – Moscow : Nauka, 1982. – 310 p.

Shatkovskaya T. V. Customary Law of Russian Peasants in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (Historical and Legal Aspect) : diss. ... Doctor of Law / T. V. Shatkovskaya. – Rostov-on-Don, 2009. – 596 p.

Shatkovskaya T. V. Forms of implementation of traditional legal concepts of Russians in legal acts of the period of formation of the Soviet state / T. V. Shatkovskaya // North Caucasian legal bulletin. – 2014. – No. 3. – Pp. 25–31.

Shendrik M. P. Socialist state of the whole people : (social-philosophical essay) / M. P. Shendrik. – Moscow : Mysl, 1985. – 192 p.

Sudnitsyn Yu. G. The Soviet State of the People / Yu. G. Sudnitsyn. – Sverdlovsk : Book. Publishing House, 1962. – 79 p.

Для цитирования:

Кравчик Д. Э. Советское общенародное государство: политико-правовая или пропагандистская конструкция? // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 93–100.

Recommended citation:

Kravchik D. E. Soviet all-peoples' state: political and legal or propagandistic structure? // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 93–100.

Сведения об авторе

Кравчик Даниил Эдуардович – аспирант кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

E-mail: Kravchikd@yandex.ru

Information about author

Kravchik Daniil Eduardovich – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Law and State of the South-Russian Institute of Management – branch of RANEPA under the President of the Russian Federation

E-mail: Kravchikd@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

А. А. Стешенко

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Поступила в редакцию 17 июня 2025 г.

Аннотация: исследование концепции народного правосудия в СССР важно для понимания эволюции демократических элементов судебной системы России, а также для разрешения вопроса о степени вовлечения граждан в современное правосудие. Целью статьи стало выявление научных подходов к данной концепции в советской юриспруденции, анализ их эволюции и влияния на практику. Установлено, что до 1917 г. идея имела фрагментарный характер (институт присяжных заседателей, мировых судей), после революции она трансформировалась в системную доктрину под влиянием марксистско-ленинской идеологии (анализ Парижской коммуны, ленинские тезисы о выборности судей). Ключевые этапы разработки концепции: от революционного правосознания 1920-х гг. до формализованных институтов «развитого социализма» (народные заседатели, товарищеские суды и др.).

В ходе исследования выявлены такие особенности советской концепции народного правосудия, как ее классовая сущность, воспитательный характер, отрицание формального (буржуазного) правосудия, обоснование «демократизма» суда через его упрощение и доступность, теоретическое возведение института народных заседателей в ключевой механизм народности советского правосудия и общественных судов как высшей формы правосудия. Все эти черты были идеологизированы и служили обоснованием специфики советской судебной системы и ее подчиненности партийно-государственным задачам.

Ключевые слова: народный суд, народные заседатели, товарищеский суд, народное правосудие, советский суд, советское государство, социалистическое право.

THE CONCEPT OF FOLK JUSTICE IN THE SOVIET LEGAL DOCTRINE

A. A. Steshenko

South-Russian Institute of Management – branch of RANEPa under the President of the Russian Federation

Abstract: the study of the concept of popular justice in the USSR is important for understanding the evolution of democratic elements of the Russian judicial system, as well as in resolving the issue of the degree of involvement of citizens

© Стешенко А. А., 2025

in modern justice. The purpose of the article was to identify scientific approaches to this concept in Soviet jurisprudence, an analysis of their evolution and influence on practice. It was established that until 1917 the idea was fragmented (the Institute of Jurisdiction, Peace of Peace), after the revolution it was transformed into a systemic doctrine under the influence of the Marxist-Leninist ideology (analysis of the Paris Commune, Leninist theses about the electorality of judges). The key stages of the development of the concept: from the revolutionary legal awareness of the 1920s to the formalized institutions of “developed socialism” (people's assessors, friendly courts, etc.). During the study, such features of the Soviet concept of folk justice as its class entity, educational nature, denial of formal (bourgeois) justice, the justification of the “democracy” of the court through its simplification and accessibility, the theoretical erection of the institution of people's assessors into the key mechanism of the nationality of Soviet justice and public courts as the highest form of justice. All these features were ideologized and served as a substantiation of the specifics of the Soviet judicial system and its subordination to party and state tasks.

Key words: People's Court, People's Assembly, Comradely Court, People's Justice, Soviet Court, Soviet State, Socialist Law.

Изучение концепции народного правосудия в СССР представляет собой важный этап в понимании эволюции российского правосудия. Эта тема актуальна не только для историков права, но и для современных юристов, исследующих вопросы демократизации судебной власти. Российское правосудие имеет давнюю историю народного участия и богатый практический опыт. В советский период привлечение народа к осуществлению суда отражало идеологическую установку на стирание граней между государством и обществом, что имело как позитивные (повышение правовой грамотности населения), так и негативные (политизация судопроизводства) последствия.

В российском правовом дискурсе проблема народного правосудия уходит корнями в глубокое прошлое, хотя в досоветский период этот вопрос не был систематизирован должным образом. До 1917 г. идея вовлечения народа в отправление правосудия развивалась преимущественно в контексте буржуазно-демократических реформ. Так, Крестьянская реформа 1861 г. актуализировала вопрос общинного правосудия, его принципов, процедур и правовых оснований¹.

Судебная реформа 1864 г. ввела институт присяжных заседателей и мировых судей, что стало практическим воплощением принципа «суд

¹ См.: Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века (историко-правовой аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 190–192.

скорый, правый, милостивый и равный для всех». В основном составы присяжных заседателей формировались из крестьян². Различия в правовых воззрениях народа и представителей официальной юриспруденции приводили к парадоксальным решениям суда, а порой и к явному беззаконию. Так, А. Ф. Кони подчеркивал роль суда присяжных в правовом просвещении, отмечая, что «присяжные приносили в суд житейский опыт, но часто становились заложниками юридического невежества»³.

В теоретической плоскости высказывания, близкие к идее народного правосудия, прослеживаются в трудах Л. И. Петражицкого, рассматривавшего «интуитивное право» народа как источник правовых эмоций⁴. Однако целостной концепции «народного правосудия» как альтернативы профессиональной юстиции дореволюционная наука не выработала; разработки носили фрагментарный характер и были сосредоточены на конкретных институтах в рамках существующей государственной системы.

Скачок в разработке концепции произошел после Октябрьской революции 1917 г. Концепция стала элементом советской правовой системы и доктрины, получив мощную идеологическую подпитку от марксизма-ленинизма. Теоретической основой послужили работы К. Маркса и Ф. Энгельса, критиковавших буржуазный суд как инструмент классового господства. Особое значение имел анализ Марксом Парижской Коммуны 1871 г., где он выделил принципы выборности, сменяемости и ответственности всех должностных лиц, включая судей, перед народом, а также предложил замену постоянной армии вооруженным народом.

Этот опыт был канонизирован В. И. Лениным как прообраз государства диктатуры пролетариата. Ленин видел в Коммуне модель подлинно народной власти, лишенной бюрократизма и оторванности от масс, и прямо связывал ее опыт с задачами строительства советского правосудия: «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы... Судьи должны были избираться, быть ответственными и сменяемыми»⁵. В. И. Ленин подчеркивал, что «пролетарский суд должен воспитывать массы в духе дисциплины и нетерпимости к эксплуататорам». Именно ленинское увлечение Коммуной стало ключевым идеологическим мостом между марксистской теорией и практикой раннесоветского судоустройства. Эта установка легла в основу Декрета о суде № 1 (1917 г.), заменившего буржуазные суды революционными трибуналами.

² См.: Шатковская Т. В. Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 36–38.

³ Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 4. С. 118.

⁴ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 112.

⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1969 Т. 33. С. 46–47.

Воплощением этих идей в юридическую доктрину и практику занялись ведущие советские юристы первых десятилетий советской власти. Нарком юстиции РСФСР и теоретик Н. В. Крыленко был главным идеологом «пролетарского правосудия». Он обосновывал упрощение судебной процедуры, массовое привлечение рабочих и крестьян в качестве заседателей (народных судей) и создание революционных трибуналов. Крыленко утверждал, что «суд есть школа для рабочих и крестьян... школа классовой борьбы»⁶, подчеркивая его воспитательную и политическую функцию в руках пролетариата.

Один из авторов первых советских кодексов А. Г. Гойхбарг активно разрабатывал концепцию революционного правосознания народа как основы для вынесения приговоров в условиях отсутствия кодифицированного права, особенно в первые годы после революции.

В более поздний период (1940–1950-е гг.) Д. С. Карев систематизировал принципы советского судостроительства, продолжая отстаивать ведущую роль народных заседателей как выразителей «социалистического правосознания» и подчеркивая «общественно-политическую роль суда»⁷.

Теоретическое обобщение и научное обоснование идея народного правосудия получила в период построения общенародного государства в СССР. В период 60–80-х гг. XX в. советские юристы адаптировали ее к условиям «развитого социализма». Акцент сместился с революционной романтики на системное обоснование и повышение эффективности существующих институтов (народных заседателей, товарищеских судов) в рамках «социалистической законности».

Специалист по судостроительству Н. В. Радутная глубоко анализировала правовой статус и роль народных заседателей. Она видела в них проводников связи суда с массами. Она писала, что «участие народных заседателей в отправлении правосудия является одной из важнейших гарантий правильного разрешения дел, ибо они, представляя широкие слои трудящихся, вносят в судебную деятельность жизненный опыт, знание местных условий, понимание психологии людей... Это действенная школа правового воспитания масс»⁸. В более поздней работе Н. В. Радутная развивала идею о единстве государственного и общественного начала в советском правосудии.

Исследования М. И. Клеандрова были сосредоточены на организационных основах судебной власти и статусе судей, но он неизменно подчеркивал принципиальное значение народного характера советского

⁶ Крыленко Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. М.; Л., 1927. Ч. 1. С. 10.

⁷ Цит. по: Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 4. С. 36.

⁸ Радутная Н. В. Народный судья. М., 1977. С. 54–55.

правосудия. В ранних работах он указывал на связь суда с местными Советами как органами народной власти.

Современные исследователи акцентируют внимание на поиске доказательств формального участия народного элемента в правосудии. Так, П. Соломон подчеркивает двойственную природу участия народа в правосудии. С одной стороны, это был риторический и институциональный принцип, с другой – инструмент политического контроля и мобилизации. Заседатели формально имели равные права с судьей, но на практике их роль была пассивной. Отбор народных заседателей тщательно контролировался партийными работниками и чиновниками для обеспечения политической благонадежности. Списки заседателей составлялись местными советами и проверялись партийными органами⁹.

В книге О. В. Хлевнюка анализируются формы вовлечения (или демонстрации вовлечения) населения в репрессивную кампанию 1937–1938 гг. Автор приходит к выводу о том, что в период Большого террора не было реального участия народа в правосудии в традиционном или даже советском (как с народными заседателями) смысле¹⁰.

Ряд вопросов в научной литературе так и остались не разрешенными. К примеру, отсутствует однозначная позиция по вопросу о том, был ли советский суд инструментом демократии или репрессий. Как оценивать правовое наследие народных судов, товарищеских судов?

Вследствие этого целью представленного исследования стало выявление основных научных подходов к пониманию народного правосудия в советской юридической доктрине, анализ их эволюции и влияния на правоприменительную практику. Реализация цели достигается решением следующих задач: определить понятие народного правосудия и классифицировать его формы для терминологической ясности; провести краткий обзор судов с участием народного элемента в истории России как контекст для анализа советской модели; систематизировать научные подходы к народному правосудию в досоветской, советской и современной юриспруденции; изучить эволюцию концепции в рамках марксистско-ленинской теории и ее противоречия; оценить практические механизмы вовлечения населения в судебную систему СССР (народные заседатели, товарищеские суды, публичные процессы); выявить дискуссионные вопросы и сформулировать авторскую позицию по спорным аспектам.

Под народным правосудием в исследовании понимается форма организации судопроизводства, предполагающая прямое или опосредованное участие граждан в отправлении правосудия. В формальном смысле – это

⁹ См.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 46–47.

¹⁰ См.: Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

совокупность институтов, направленная на легитимацию судебной власти через включение представителей общества в процесс принятия решений.

В истории России можно выделить разнообразные формы народного правосудия. В древнерусский период вечевые собрания в Новгороде и Пскове (X–XV вв.) выполняли судебные функции, разрешая споры между горожанами. Решения принимались коллективно, что отражало традиции общинного самоуправления¹¹.

В имперский период действовала крестьянская общинная юстиция (XVIII–XIX вв.). Сельские старосты и сходы разбирали мелкие правонарушения, руководствуясь обычным правом. В ходе Судебной реформы 1864 г. вводились выборные мировые судьи, которые рассматривали до 70 % гражданских и мелких уголовных дел¹².

В советский период народное правосудие осуществлялось в форме участия рабочих и крестьян в качестве заседателей; общественных судов (товарищеские, сельские, общинные суды); публичных обсуждений дел (собрания коллективов, показательные процессы); самостоятельных правоохранительных органов (дружины, комиссии).

Как отмечает А. С. Туманова, в СССР доминировали первые две формы, что объяснялось «стремлением сочетать идеологический контроль с видимостью демократии»¹³. Одни исследователи¹⁴ видят в них инструмент воспитания «социалистической законности», другие¹⁵ указывают на их низкую эффективность. Так, к 1980 г. в СССР действовало свыше 300 тыс. товарищеских судов, ежегодно рассматривавших до 2 млн дел¹⁶. Однако 85 % решений касались нарушений трудовой дисциплины, что снижало их правовое значение¹⁷.

Изложенное позволяет выделить такую особенность советской концепции народного правосудия, как ее классовый характер. Правосудие рассматривалось как орудие диктатуры пролетариата для подавления эксплуататорских классов и защиты интересов трудящихся. Концепция отличалась простотой и доступностью, выражавшейся в отказе от «буржуазной» сложности судебных процедур, требованиях к понятности суда для масс, активном использовании революционного правосознания наряду с формальным законом (особенно в 1917–1920-е гг.).

¹¹ См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 87.

¹² См.: Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 203.

¹³ Туманова А. С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. : монография. М., 2019. С. 211.

¹⁴ См.: Савицкий В. М. Организация судебной власти в СССР. М., 1996. С. 200.

¹⁵ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 240.

¹⁶ Савицкий В. М. Указ. соч. С. 92.

¹⁷ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 276.

Институты народного участия в правосудии отличались массовостью. Институт народных заседателей, товарищеские суды, народные дружины как способ прямого вовлечения трудящихся в отправление правосудия и их «правового воспитания» объединяли сотни тысяч человек. Вместе с тем суд не был независимой ветвью власти, а являлся частью государственного аппарата, подконтрольного партии и советам, реализующим текущую политику.

Правосудие служило не только разрешению споров и наказанию преступников, но и воспитанию «нового человека», пропаганде социалистических ценностей и мобилизации масс. Советская концепция народного правосудия, будучи исторически значимым феноменом и продуктом своей эпохи, осталась прежде всего инструментом политической власти и идеологического контроля, несовместимым с основами правового государства.

Современное использование советской концепции народного правосудия требует осторожного и критического подхода. Прямое заимствование советской модели невозможно в правовом государстве, основанном на принципах верховенства права, независимости суда, профессионализме судей и защите прав человека. Однако отдельные институты, оторванные от тоталитарного и классового контекста, могут находить отражение в современных поисках. К примеру, усиление общественного контроля путем развития институтов общественных наблюдателей, советов при судах.

Ключевое отличие состоит в том, что в современном демократическом правовом государстве любое участие граждан в правосудии должно происходить в рамках закона, под руководством профессиональных судей и без ущерба для принципов независимости судебной власти, состязательности, презумпции невиновности и защиты неотъемлемых прав личности.

Библиографический список

Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 398 с.

Карев Д. С. Демократические основы организации и деятельности советского суда / Д. С. Карев. – М. : Госюриздат, 1954. – 51 с.

Кони А. Ф. Собрание сочинений / А. Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1967. – Т. 4. – 566 с.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. – М. : Высшая школа, 1993. – 446 с.

Крыленко Н. В. Суд и право в СССР : теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР / Н. В. Крыленко. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. – Ч. 1. – 164 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Издательство политической литературы, 1969. – Т. 33. – 433 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. – 600 с.

Радутная Н. В. Народный судья / Н. В. Радутная. – М. : Юридическая литература, 1977. – 144 с.

Савицкий В. М. Организация судебной власти в СССР / В. М. Савицкий. – М. : БЕК, 1996. – 320 с.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 464 с.

Туманова А. С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. : монография / А. С. Туманова. – М. : Проспект, 2019. – 479 с.

Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О. В. Хлевнюк. – М. : Республика, 1992. – 268 с.

Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века (историко-правовой аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук / Т. В. Шатковская. – Ростов н/Д., 2009. – 596 с.

Шатковская Т. В. Самосуд как проявление российского правового менталитета / Т. В. Шатковская // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 6. – С. 35–39.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 544 с.

References

David R. The Main Legal Systems of Our Time / R. David, K. Joffre-Spinozi. – Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. – 398 p.

Karev D. S. Democratic Foundations of the Organization and Activities of the Soviet Court / D. S. Karev. – Moscow : Gosyurizdat, 1954. – 51 p.

Khlevnyuk O. V. 1937: Stalin, the NKVD and Soviet Society / O. V. Khlevnyuk. – Moscow : Respublika, 1992. – 268 p.

Koni A. F. Collected Works / A. F. Koni. – Moscow : Juridical Literature, 1967. – Vol. 4. – 566 p.

Kornilov A. A. Course in the History of Russia in the 19th Century / A. A. Kornilov. – Moscow : Vysshaya shkola, 1993. – 446 p.

Krylenko N. V. Court and Law in the USSR: Theoretical and Practical Commentary on the Fundamentals of the Judicial System, Legal Proceedings, and Substantive Criminal Law of the USSR. Part 1 / N. V. Krylenko. – Moscow ; Leningrad : State Publishing House, 1927. – 164 p.

Lenin V. I. Complete Works / V. I. Lenin. – Moscow : Publishing House of Political Literature, 1969. – Vol. 33 – 433 p.

Petrzhitsky L. I. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality / L. I. Petrzhitsky. – St. Petersburg : Type. St. Petersburg joint-stock company "Slovo", 1907. – 600 p.

Radutnaya N. V. People's Judge / N. V. Radutnaya. – Moscow : Legal Literature, 1977. – 144 p.

Savitsky V. M. Organization of Judicial Authority in the USSR / V. M. Savitsky. – Moscow : BEK, 1996. – 320 p.

Shatkovskaya T. V. Customary Law of Russian Peasants in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (Historical and Legal Aspect) : diss. ... Doctor of Law T. V. Shatkovskaya. – Rostov-on-Don, 2009. – 596 p.

Shatkovskaya T. V. Lynching as a manifestation of the Russian legal mentality / T. V. Shatkovskaya // Gaps in Russian legislation. – 2012. – No. 6. – Pp. 35–39.

Solomon P. Soviet Justice under Stalin / P. Solomon. – Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1998. – 464 p.

Tumanova A. S. Public Organizations in Russia: Legal Status. 1860–1930s : monograph / A. S. Tumanova. – Moscow : Prospect, 2019. – 479 p.

Yushkov S. V. Socio-political system and law of the Kyiv state / S. V. Yushkov. – Moscow : State publishing house of legal literature, 1949. – 544 p.

Для цитирования:

Стешенко А. А. Концепция народного правосудия в советской юридической доктрине // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 101–109.

Recommended citation:

Steshenko A. A. The concept of folk justice in the Soviet legal doctrine // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 101–109.

Сведения об авторе

Стешенко Александр Андреевич – аспирант кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

E-mail: AlexSteshenko@yandex.ru

Information about author

Steshenko Alexander Andreevich – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Law and State of the South-Russian Institute of Management – branch of RANEPa under the President of the Russian Federation

E-mail: AlexSteshenko@yandex.ru

УДК 34.01

ОБЗОР ЧЕТВЕРТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА – 2025»

(Воронеж, 28 февраля 2025 г.)

И. С. Завьялова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июня 2025 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Четвертой международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира – 2025», состоявшейся на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 28 февраля 2025 г.

Ключевые слова: конфликты, антропологические факторы, антропология, правовые ценности, принципы права, медиация.

REVIEW OF THE 4TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “LEGAL CONFLICTS OF THE MODERN WORLD – 2025”:

(Voronezh, February 28th, 2025)

I. S. Zavyalova

Voronezh State University

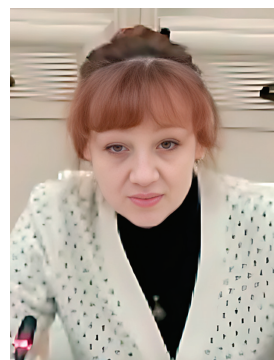
Abstract: the review presents the abstracts of the reports presented by the participants of the Fourth International Scientific and Practical Conference «Legal Conflicts of the Modern World», held at the Scientific and Educational Center for Legal Anthropology and Conflictology Studies of the Law Faculty of Voronezh State University on February 28, 2025.

Key words: conflicts, anthropological factors, anthropology, legal values, principles of law, mediation.

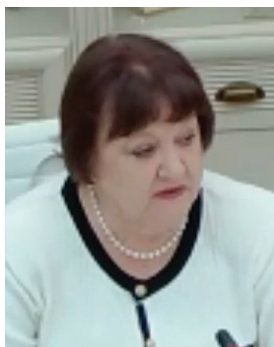

28 февраля 2025 г. на платформе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета прошла Четвертая международная научно-практическая конференция «Юридические конфликты современного мира – 2025».

С приветственным словом к участникам конференции обратилась руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Светлана Николаевна Махина**, обратив внимание участников конференции на тот факт, что мир развивается невероятно стремительно, конфликтogenicность резко возрастает. По мнению профессора С. Н. Махиной, данный процесс одновременно является и объективным, и субъективным: объективным потому, что меняющаяся реальность всегда порождает столкновение новых сил, а субъективным – потому, что не все успевают за стремительно меняющимся миром, противодействуют этим изменениям. Светлана Николаевна отметила, что, к сожалению, конфликтogenicность современного мира пока имеет тенденцию только к повышению, что связано с внедрением новых институтов, расширением пространства действия каждого индивида, каждого субъекта, а также

нередко не просто с непониманием, но и с неприятием тех процессов, которые возникают. Нельзя не отметить, что такое противостояние в современном меняющемся мире осуществляется и на микро-, и на макроуровнях. В настоящее время человек может видеть как личностные конфликты, межличностные, групповые, так и конфликты на макроуровне, конфликты мирового характера, конфликты не просто между государствами, а между частями света, между частями мира. По мнению профессора С. Н. Махиной, сегодня настало время говорить об управлении конфликтами и о противодействии конфликтогенности и конфликтогенезу.

Профессор кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета, доктор политических наук, профессор **Александра Викторовна Глухова** в докладе на тему «К вопросу о функциях социального конфликта (старый спор на новом витке истории)» проанализировала проблему функций социального конфликта, поскольку данный аспект оказался в тени мейнстрима конфликтологической мысли. Профессор отметила, что проблема конфликта всегда принадлежала к числу наиболее фундаментальных и сложных вопросов социальных наук. История мировой общественной мысли богата многочисленными размышлениями о природе и происхождении разного рода социальных столкновений, восстаний, бунтов, войн и т.д., начиная с Платона и Аристотеля. Но первые конфликтологические теории возникают в основном во второй половине XIX в. и существенно расходятся в своих теоретико-методологических основаниях. По мнению профессора А. В. Глуховой, главной линией «раскола» между структуралистским и функционалистским подходом к конфликту становится проблема его функции.

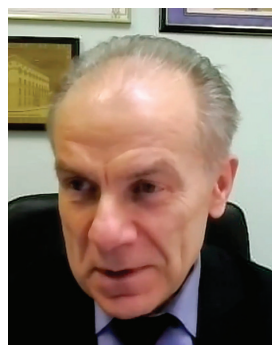
Александра Викторовна пояснила, что существовали различные взгляды на функции конфликта, но более удачной в этом плане оказалась позиция ученых, согласно которой социальные конфликты могут быть не только дисфункциональными, т.е. разрушительными, но и функциональными, т.е. созидательными для той общественной системы, в которой они возникли и развиваются.

В завершении своего выступления профессор А. В. Глухова отметила, что функции конфликтов могут способствовать не только разобщению, но и нивелированию и даже устранению разобщающих элементов и восстановлению единства. Если в результате конфликта в отношениях между сторонами наступает разрядка напряженности, то он может таким образом выполнить стабилизирующую функцию. Если происходит

пересечение конфликтных линий между многими различными групповыми интересами, то это нейтрализует их деструктивный потенциал и препятствует расколу общества. «Однако все эти размышления уместны только в том случае, если в результате конфликта не затрагиваются базовые ценности, на которых общество держится, так называемый базовый ценностный консенсус», – пояснила профессор А. В. Глухова.

Выступление заведующего кафедрой гражданского права и гражданского судопроизводства, заместителя директора по научной работе Юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ), члена Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, доктора юридических наук, доцента **Тихона Петровича Подшивалова** было посвящено превентивным искам в частном праве как средству превенции нарушений. Докладчик отметил, что наиболее важным моментом для законодателя и правоприменителя является превенция правонарушений, противодействие конфликтам. И в данном контексте превентивные иски направлены на устранение реальной угрозы совершения правонарушения. В то же время автор отметил, что анализ судебной практики показал весьма низкий уровень как подачи превентивных исков, так и их удовлетворения. Т. П. Подшивалов обозначил некоторые причины складывающейся негативной ситуации в части применения превентивных исков. Так, например, одной из причин он назвал тот факт, что угрозу и неизбежность очень трудно доказать, поэтому суду легче принять решение об отказе в удовлетворении такого иска. Кроме того, негативным моментом для практики применения превентивных исков является отсутствие надлежащих теоретических разработок в соответствующей сфере. В завершении докладчик пояснил, что без качественного доктринального анализа, без значительного объема научных публикаций весьма сложно достичь хорошего уровня практики применения превентивных исков.

Заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Григорий Алексеевич Василевич** выступил с докладом на тему: «Административные и уголовные деликты как отражение конфликта частных и публичных интересов». В начале своего выступления докладчик привел статистику Республики

Беларусь в части совершения административных и уголовных деликтов, обозначив наметившийся рост в рассматриваемой сфере. Одной из причин такого роста является низкий уровень качества профилактической работы со стороны соответствующих субъектов. Как только такая работа была поднята на иной уровень, то весьма заметно стало снижаться количество как административных деликтов, так и уголовных. В качестве положительного примера профессор Г. А. Василевич привел опыт Китая в части внедрения социальных рейтингов. По его мнению, внедрение современных цифровых технологий будет в определенной части способствовать тому, чтобы население действовало правомерно.

Уполномоченный по правам ребенка в Воронежской области **Ангелина Юрьевна Севергина** в докладе на тему «Юридические конфликты в контексте семейберегающего подхода» затронула весьма серьезный вопрос – это конфликты среди несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних. Докладчик отметила такие новые конфликты, как кибербуллинг и киберпреступность, в том числе в подростковой среде и по отношению к детям и подросткам. Наряду с этими конфликтами существуют и традиционные конфликты. Ангелина

Юрьевна затронула важный вопрос о семейбережении, охарактеризовав его как новый термин, определяющий ориентиры государства в части сохранения семьи и добрых отношений между детьми и родителями.

Освещая конфликтологические аспекты в части прав ребенка, А. Ю. Севергина привела актуальные статистические сведения в данном направлении по Воронежской области за прошедшие годы. При этом она отметила большой успех активного развития и внедрения внесудебных методов решения семейных споров в урегулировании всех семейных конфликтов, которые затрагивают детей.

Адвокат, управляющий партнер юридической фирмы «Синь Да Ли», арбитр Китайской международной экономической

и торговой арбитражной комиссии (СІЕТАС) **Чжоу Гуанцзюнь** (Китайская Народная Республика, г. Пекин), выступая с докладом на тему «Порядок подачи заявления о признании и исполнении решений российских арбитражных судов в Китае: конфликтологический аспект», весьма детально охарактеризовал актуальные вопросы практики признания и исполнения российских судебных решений в КНР, обратив внимание на ряд существующих проблем, с ко-

торыми российские компании сталкиваются в Китае. Основной причиной получения в КНР некоторыми российскими компаниями отказа в признании и исполнении российских судебных решений является тот факт, что такие компании не имеют места пребывания, филиала, представительства в Китае. Однако, как пояснил докладчик, внимательный анализ действующих соответствующих правовых документов в Китае позволил доказать обратное в части решения процессуальных вопросов такого характера.

Кроме того, Чжоу Гуанцзюнь обратил внимание российских коллег на необходимость совершенствования содержания Договора о правовой помощи между Китаем и Россией, поскольку отношения между субъектами указанных государств развиваются достаточно стремительно, а правовые документы с такой быстротой не совершенствуются, что затрудняет бизнес-отношения между государствами.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор **Вера Борисовна Романовская** выступила с докладом на тему: «Животные в мире юридических конфликтов». Автор обратила внимание участников конференции на тот факт, что юридические конфликты, связанные с животными, могут возникать в различных контекстах и охватывать множество аспектов. По мнению профессора В. Б. Романовской, конфликтна сама проблематика, поскольку в настоящее время существуют различия в понимании прав животных. Также докладчик тезисно обозначила и иные конфликтные направления в рассматриваемой сфере, среди которых как защита различных видов животных, так и жестокое обращение с животными. Вера Борисовна подкрепляла свое выступление интересным опытом зарубежных государств в части разрешения такого рода конфликтов. В завершении профессор В. Б. Романовская предположила, что усилия специалистов в области права, зоопсихологии, ветеринарии должны быть направлены на выработку некой дорожной карты, ведущей к общей гуманизации отношений людей с животными.

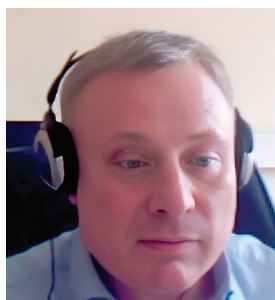
Заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Павел Николаевич Бирюков** затронул вопрос о судебных правоохра-

нительных органах Республики Корея. Он охарактеризовал основные законы, регламентирующие деятельность соответствующих органов власти. Отдельное внимание было уделено анализу системы судов общей юрисдикции в данном государстве, а также особо отмечен статус семейных и местных судов. Автором детально была представлена информация о составе судов и статусе судей, а также освещена компетенция Патентного и Реабилитационного судов. Сравнительно-правовой анализ, проведенный докладчиком, вызвал весьма серьезный интерес участников конференции к опыту построения судебной системы в Республике Корея.

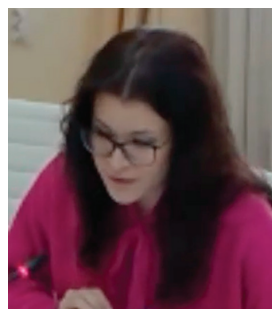
Диалог как механизм разрешения конфликтов стал предметом рассмотрения в интересном докладе профессора кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора **Ильи Львовича Честнова**. В начале выступления он прокомментировал предыдущие дискуссии коллег относительно содержательной части конфликта, затронув вопрос об отличии конфликта, например, от противоречия, от противоположности, от столкновения мнений. Профессор И. Л. Честнов задался вопросом о том, не растворяется ли категория «конфликт» в безграничном многообразии социальных отношений, социальных связей, классовой структуры, которую можно охарактеризовать как социально-классовую или культурально-классовую. В завершении выступления он подчеркнул значительную роль диалога в разрешении различного рода юридических конфликтов.

Ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Михаил Михайлович Степанов** представил участникам конференции доклад на тему: «Юридические технологии в эпоху цифровизации». Докладчик поддержал идею профессора С. Н. Махиной о необходимости устранения причин конфликтов и управления конфликтами. По его мнению, это возможно осуществлять только на основе правовой нормы. Поэтому вопросы правотворчества, вопросы создания адекватного правового регулирования общественных отношений были всегда актуальны, а в последнее время в связи с динамикой развития об-

щественных отношений приобрели еще большую актуальность. Автор отметил, что с каждым годом количество нормативных актов значительно увеличивается, но не всегда повышается качество и эффективность правотворческой деятельности. М. М. Степанов указал на юридические технологии как на инструмент, который улучшит качество и результативность соответствующей деятельности. Весьма значим, по мнению автора, процедурный аспект таких технологий, как: юридическое прогнозирование, правовые эксперименты, планирование правотворческой деятельности, экспертиза проекта нормативно-правовых актов, правотворческий краудсорсинг, оценка регулирующего воздействия, правовой мониторинг. Завершая выступление, М. М. Степанов отметил, что практика применения таких технологий показала наличие слабых мест и значительных проблем в этой сфере. Это говорит о необходимости совершенствования как самих технологий, так и методологии их использования, а также законодательства, регулирующего их деятельность для того, чтобы повысить их эффективность.

Преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета, член Общественной палаты Воронежской области, юрист-медиатор Кризисного центра «Право голоса» **Айзанат Газибеговна Магомедова** выступила с докладом на тему: «Значение примирительных процедур в России как механизма для снижения конфликтности в обществе».

Докладчица поделилась своим практическим опытом применения медиации, в основном в семейных делах и при разрешении школьных конфликтов. Автором был поднят вопрос о сущности конфликтов в обществе, о причинах, которые обуславливают их появление и способствуют увеличению количества конфликтов. Отдельно А. Г. Магомедова обратила внимание на проблему буллинга, которая в Воронежской области приобрела колоссальные размеры, несмотря на активное развитие с 2014 г. служб школьных медиаций. Айзанат Газибеговна поделилась своими наблюдениями: наиболее важная причина такой ситуации состоит в том, что конфликты в процессе своего развития трансформируются и приобретают изощренные формы. А. Г. Магомедова пояснила, что постоянное развитие конфликтов обусловлено их системными свойствами. И первое системное свойство конфликтов, которое она выделила, – это слабая предсказуемость: в конфликте, независимо от фазы его развития, могут скрываться нюансы, коренным образом меняющие ход событий. Второе свойство конфликта – это скрытность. Третье – расши-

ряемость, выраженная в способности втягивать в свою сферу субъектов, между которыми ранее вообще отсутствовали какие-либо противоречия. И последнее свойство – системная устойчивость, которая определяет сложности в предупреждении конфликтов.

Завершая свое выступление, А. Г. Магомедова предположила, что правовых конфликтов в обществе будет становиться всё больше, поскольку правовой конфликт – это тот конфликт, который изначально был социальным. Поэтому, если в обществе происходят какие-то изменения, мы должны быть готовы к тому, что и в правовой сфере они тоже появятся.

Более того, учитывая особенности цифрового общества, которое дает новые виды коммуникации, взаимодействия, появляется еще один повод для какого-то конфликтного взаимодействия. Учитывая такие особенности конфликтов, автор высказала позицию, согласно которой примирительные процедуры (переговоры, медиация, судебное примирение) должны активно использоваться, применяться дифференцированно, потому что конфликты дифференцированы и постоянно трансформируются, меняя свою форму.

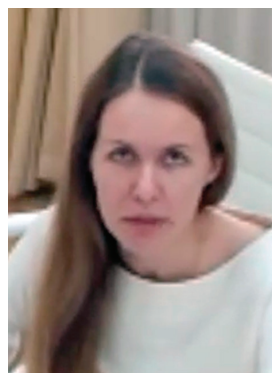
Доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук **Антон Михайлович Михайлов** в своем выступлении затронул тему, которая посвящена противоречию между позитивным правом и правосознанием в осмыслении ряда непозитивистских концепций правопонимания в дореволюционной России и постреволюционной. Автор в докладе на тему «Основания и значение конфликта позитивного и интуитивного (естественного) права в учениях И. А. Ильина, Л. И. Петражицкого, М. А. Рейснера и М. Я. Лазерсона» отметил, что самый важный конфликт и для правовой системы, и для общества – это конфликт, который ведет к социальной революции. А. М. Михайлов остановился на вопросе об основаниях конфликта между действующим правом и общественным групповым правосознанием в концепциях Ивана Александровича Ильина, Льва Иосифовича Петражицкого, Михаила Андреевича Рейснера и Максима Яковлевича Лазерсона.

Завершая выступление, докладчик отметил, что феномен правовых конфликтов, которые ведут к социальной революции, не является музейным экспонатом прошлого. Он должен быть включен в предмет общей теории права, поскольку правовые революции – это часть государственно-правовых закономерностей. Феномен правовых конфликтов должен осмысливаться, не должен становиться предметом только психологиче-

ских неомарксистских концепций. Между тем, современное теоретическое сообщество России явно недооценивает значимость этого феномена.

Доцент кафедры теории государства и права МГЮА им. О. Е. Кутафина, кандидат философских наук, доцент **Максим Александрович Беляев** выступил с докладом на тему: «Предупреждение публично-правовых конфликтов при реализации документов стратегического планирования: парадигма доказательной политики». Выступающий обозначил некоторые причины конфликтности в рассматриваемой сфере стратегического планирования. Одной из первых причин является то, что соответствующие документы не просто в большом количестве существуют, но существуют еще и на различных уровнях. Другой причиной является необъяснимое, многократное тематическое пересечение этих документов. Третья причина кроется в практике реализации самих документов стратегического планирования. Например, совсем не понятно, когда заканчивается ответственность того или иного ведомства в реализации соответствующих документов. Еще в качестве причины конфликтности докладчик назвал несинхронизированность работы, при том, что любая стратегия должна базироваться на каких-то более или менее известных закономерностях. Отсутствие единой цифровой платформы для соответствующих нормотворческих решений, которые сопровождали бы реализацию стратегических документов, а также таких платформ для того, чтобы эти нормотворческие решения можно было публично обсуждать, – тоже, по мнению выступающего, является весьма серьезной причиной конфликтности в обозначенной сфере. В завершении выступления М. А. Беляев предположил, что в случае перехода государства к проектному стилю мышления и работы, вероятно, можно будет снять часть публично-правовых конфликтов именно за счет рационализации данной деятельности. Далее, отвечая на вопросы участников конференции, докладчик обратил внимание присутствующих на положительный в данной сфере опыт Австралии, в которой регуляторная политика развивается с 80-х гг. прошлого века.

Адвокат филиала Воронежской областной коллегии адвокатов «Адвокатская контора Алимкина Н. И.», член Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты Воронежской области **Олеся Николаевна Алимкина** представила участникам конфе-

ренции доклад на тему: «Конфликтовать нельзя быть мягким – где адвокату ставить запятую?». В своем выступлении докладчик обозначила свою позицию, что исход дела, как гражданского, так и уголовного, зачастую зависит от того, насколько адвокатам удастся найти золотую середину между пожеланиями доверителя и видением суда. Автор на протяжении доклада приводила интересные примеры из адвокатской практики, полностью подтверждающие выдвинутый тезис о необходимости ведения достаточно конструктивной, вдумчивой линии защиты своих доверителей.

Профессор кафедры государственного управления Международного института управления и предпринимательства Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент **Сергей Григорьевич Василевич** выступил с докладом на тему: «Юридический конфликт как феномен современного развития». Выступление он начал с того, что такая категория, как конфликт, является предметом пристального внимания представителей различных сфер научной деятельности – политологов, юристов, философов, социологов и многих других. Он отметил, что, к сожалению, не все конфликты разрешаются путем убеждения сторон и их участников. В связи с этим достаточно важным аспектом является то, что социальные конфликты в виде открытого противостояния должны находиться в правовом поле. В ходе доклада С. Г. Василевич поднял вопрос о типологизации конфликтов, значимость которой, по его мнению, состоит в том, что намечается возможность выявления общего и особенного в конфликтах, анализа причин конфликтов и путей их разрешения. В то же время докладчик обратил внимание на то, что конфликт не следует рассматривать как нечто отрицательное. Как утверждают ученые, конфликт – это еще и сигнал к тому, что надо что-то менять, преодолевать застой в развитии системы, т.е. необходимы некоторые инновации. Выступающий также отметил, что наиболее важное значение для обеспечения стабильного, устойчивого развития общества и государства имеет исследование конституционных конфликтов, так как нормы конституционного права способны интегрировать всю национальную правовую систему, генерировать некие позитивные импульсы на весь спектр общественных отношений. В завершении выступления, С. Г. Василевич сформулировал некоторые предложения по совершенствованию практики разрешения и профилактики конфликтов, а также обратил внимание коллег на необходимость серьезной проработки данной темы на доктринальном уровне.

Профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета

им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент **Елена Юрьевна Калинина** затронула в своем выступлении феномен конфликта с антрополого-правовой точки зрения, представив доклад на тему: «Аффективно-ценностные факторы конфликта и возможности медиации в их трансформации». Она обратила внимание коллег на то, что когда говорят о медиации как о способе разрешения конфликтов, то возникает противоречие между рационализированным подходом и попыткой отхода от него. Кроме того, докладчик пояснила, что в процессе разрешения конфликта, в том числе и посредством медиации, самое главное отделять людей от проблемы. В то же время, если мы понимаем, что самое человеческое, что есть в конфликте, это эмоциональный фактор, то это однозначно делает людей частью проблемы и, следовательно, необходимо признавать наличие эмоций и их влияние на процесс разрешения споров. В дискуссии после завершения доклада Е. Ю. Калинина обратила внимание на вопрос о работе с несовершеннолетними в части их информирования о некоторых конфликтологических аспектах. Было высказано предположение, что, если мы будем говорить о конфликте, о сути конфликта, об инструментах разрешения конфликта, то, уже начиная с малого возраста, сможем получить положительный эффект.

Ведущий научный сотрудник Лаборатории доказательной социальной политики, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент **Сергей Николаевич Касаткин** выступил с докладом на тему: «Алгоритмы распознавания и нейтрализации юридических коллизий: к постановке проблемы». В своем докладе он озвучил тезис, согласно которому юридическая наука ни на общем, ни на отраслевом уровне алгоритмы не строит. При этом, по мнению докладчика, алгоритмы весьма значимы. В подтверждение своего тезиса С. Н. Касаткин привел аргумент, что если мы будем строить алгоритмы, например, распознавания и разрешения коллизий, то это в определенном смысле означает уже какую-то методологическую и лингвистическую интеллектуальную переработку, переформулирование положений теории права и отраслевой юриспруденции. Второй момент, на который обратил внимание

Сергей Николаевич: на сегодняшний день юридическими алгоритмами или алгоритмами выполнения тех или иных юридических действий потенциально не занимается ни одна юридическая наука. Достаточно подробно автор изложил материал в части построения возможных алгоритмов распознавания и нейтрализации юридических коллизий, что вызвало живую дискуссию со стороны участников конференции.

Завершая конференцию, профессор С. Н. Махина обратила внимание на то, что такие мероприятия должны стать закономерностью, поскольку это позволяет нам понимать векторы развития научного знания в разных направлениях.

Деятельность Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета дает возможность обмениваться научными концепциями, объединять научное сообщество и способствовать активному научному поиску и эффективным исследованиям.

Для цитирования:

Завьялова И. С. Обзор Четвертой международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира – 2025» (Воронеж, 28 февраля 2025 г.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 110–122.

Recommended citation:

Zavyalova I. S. Review of the 4th International Scientific and Practical Conference “Legal Conflicts of the Modern World – 2025”: (Voronezh, February 28th, 2025) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 110–122.

Сведения об авторе

Завьялова Ирина Сергеевна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: irina944978@mail.ru

Information about author

Zavyalova Irina Sergeyevna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: irina944978@mail.ru

**ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОГО
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА,
ПОСВЯЩЕННОГО 95-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА И. А. ГАЛАГАНА
(Воронеж, 28 марта 2025 г.)**

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 апреля 2025 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Всероссийского научно-практического круглого стола «Государство. Право. Ответственность: научное наследие профессора И. А. Галагана», состоявшегося на юридическом факультете Воронежского государственного университета 28 марта 2025 г. при участии кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кафедры административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета и Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета.

Ключевые слова: теория права, административное право, административное процессуальное право, юридическая наука, профессор И. А. Галаган, юридическая ответственность, административная ответственность.

**REVIEW OF ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC
AND PRACTICAL ROUND TABLE DEDICATED
TO THE 95TH ANNIVERSARY
OF PROFESSOR I. A. GALAGAN
(Voronezh, March 28th, 2025)**

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the review presents abstracts of the reports presented by the participants of the All-Russian Scientific and Practical Round Table "State. Law. Responsibility: Scientific Legacy of Professor I. A. Galagan", held at the Faculty of Law of Voronezh State University on March 28th, 2025 with the

participation of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of Voronezh State University and the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of the Faculty of Law of Voronezh State University.

Key words: theory of law, administrative law, administrative procedural law, legal science, professor I. A. Galagan, legal responsibility, administrative responsibility.

28 марта 2025 г. на юридическом факультете ВГУ прошли научные мероприятия в рамках Дня памяти профессора И. А. Галагана, посвященные 95-летию со дня его рождения. Формат Дня памяти объединил открытую лекцию декана юридического факультета, заведующего кафедрой административного и административного процессуального права, доктора юридических наук, профессора Ю. Н. Старилова и Всероссийский научно-практический круглый стол «Государство. Право. Ответственность: научное наследие профессора И. А. Галагана».

Открывая мероприятие, **профессор Ю. Н. Старилов** подчеркнул, что Иван Александрович Галаган является ученым, известным и уважаемым не только на юридическом факультете ВГУ, но и в масштабах советской и российской юридической науки. Он автор многих теоретико-правовых трудов, посвященных сущности и принципам права, методологии правовых исследований. Но наибольшую известность И. А. Галагану принесли два его фундаментальных труда – «Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование)» (1970) и «Административная ответственность в СССР (процессуальное регулирование)» (1976), каждый из которых по объему и научному значению был равноценен докторской диссертации.

Интересно, что в этот период выпускали значимые труды и другие выдающиеся советские административисты – Е. В. Додин, Е. В. Шорина, Ц. А. Ямпольская, Ю. М. Козлов, В. Д. Сорокин, но все они впоследствии признавали, что исследования И. А. Галагана в области административной ответственности были непревзойденными по своей глубине и качеству. Ученик И. А. Галагана по кандидатской диссертации М. Я. Масленников прямо подчеркивал это, посвятив своему учителю монографию «Российский административный процесс: перспективы легитимации, централизации и систематизации» (2009).

Материальное исследование административной ответственности И. А. Галагана являлось наиболее фундаментальным с теоретических позиций. В процессуальном исследовании он во многом предвосхитил бу-

дущие нормативные конструкции. Предложенные И. А. Галаганом идеи в дальнейшем легли в основу практического конструирования административной ответственности в советском законодательстве, не утратив актуальности и в настоящее время.

Профессор Ю. Н. Стариков обратил внимание, что в современной теории административной ответственности меняется терминология – всё чаще говорят об «административно-деликтном праве», ведутся дискуссии о применимости категории «деликт» к сфере публичного права в целом. В трудах И. А. Галагана содержится иная терминология, но сущность идей остается неизменной: именно высказанные им идеи позволяют развивать современное учение об административной ответственности и поддерживать к нему интерес среди ученых-административистов.

В 2008 г. на юридическом факультете ВГУ был издан коллективный труд в память об Иване Александровиче Галагане. В его содержание вошли как труды самого Ивана Александровича, так и воспоминания его учеников, в большинстве своем – преподавателей юридического факультета ВГУ. Фамилия И. А. Галагана присутствует во всех трудах, посвященных тематике административной ответственности. На его идеях во многом были основаны положения докторской диссертации, которую защитил в 2005 г. в Российской правовой академии Минюста РФ А. С. Дугенец, являвшийся главным редактором федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс». Его успешная защита в очередной раз продемонстрировала прогрессивный характер положений, высказанных И. А. Галаганом еще в 1970 г.

Обращаясь к личным качествам И. А. Галагана, профессор Ю. Н. Стариков отметил его удивительно легкий, располагающий к себе стиль общения. Он мог в доступной форме объяснить студентам самые сложные темы, подсказать перспективное направление научных исследований. И. А. Галаган обладал уникальным поэтическим талантом, искрометным чувством юмора: он легко мог написать четверостишие на заседании ученого совета факультета, которое мгновенно разряжало создавшуюся напряженную атмосферу.

Широкая научная эрудиция Ивана Александровича, его глубокая любовь к научным исследованиям, которые он собирал в обширной домашней библиотеке, позволяли ему приводить уникальные примеры и хлесткие сравнения. Так, критикуя «шквальное» (по выражению И. А. Галагана) региональное нормотворчество в 1990-е гг., он сравнивал его с неудачным нормотворчеством начала XX в., приводя в качестве примера Декрет Саратовского губернского совета народных комиссаров 1917 г. «Об отмене частного владения женщинами». Тексты многочисленных декретов, указов и распоряжений, наряду с журналами и монографиями, имелись

в его личной библиотеке в больших количествах. Он активно поддерживал исторический ракурс правовых исследований, обладая, в числе прочих, и историко-педагогическим образованием. Возможно, именно это обстоятельство поспособствовало тому, что, волею судеб, Иван Александрович Галаган в 1971 г. возглавил кафедру теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ, руководителем которой он был на протяжении почти трех десятков лет.

В 1996 г., когда тяжелая болезнь уже не позволяла Ивану Александровичу часто появляться в университете, многие коллеги приходили за советом и консультациями к нему домой, лично убеждаясь в его исключительном профессионализме и доброжелательности. По словам профессора Ю. Н. Старилова, опыт таких встреч с И. А. Галаганом оказал, в том числе на него лично, большое влияние и позволил наметить целый ряд направлений научных исследований.

Один из известных административистов А. П. Шергин называл труды И. А. Галагана «образцом системного анализа исследуемых вопросов». Это очень верно отражает суть вклада Ивана Александровича как в общую теорию права, так и в теорию административной ответственности. Две его фундаментальные монографии, по сути, сформулировали и предвосхитили модель законодательства об административной ответственности и административных правонарушениях, а также ряд важных общетеоретических положений.

В подтверждение исключительных личных качеств И. А. Галагана профессор Ю. Н. Старилов привел текст протокола заседания кафедры теории и истории государства и права ВГУ 1992 г., когда, при очередном переизбрании профессора И. А. Галагана на должность заведующего кафедрой, в его адрес было сказано огромное число добрых, искренних слов, отражающих необычайное доверие и большое уважение членов кафедры к своему заведующему. Преподаватели кафедры подчеркнули тогда, что именно уникальное сочетание душевных личных свойств и глубокой преданности науке позволили Ивану Александровичу на протяжении нескольких десятилетий способствовать прогрессивному развитию кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ.

Профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, **профессор Т. Д. Зражевская** в своем выступлении ярко очертила личные качества И. А. Галагана, его простоту в общении и, в то же время, интеллигентность и фундаментальную образованность. Студенты тянулись к Ивану Александровичу, его образным, красочным примерам. Он всегда стремился прививать им критическое мышление, подчеркивая его исключительно

важное значение для юристов. Профессор И. А. Галаган постоянно ориентировал студентов на чтение дополнительной литературы, античных авторов и дореволюционных ученых.

Профессор Т. Д. Зражевская подчеркнула, что И. А. Галаган всегда призывал рассматривать право как динамическое явление, в единстве материального и процессуального компонентов, теоретических основ и практических проявлений. Он давал студентам фундаментальные основы теории права, которую в совершенстве знал и любил. С теоретических позиций он подходил и к рассмотрению проблем административного права, системно и глубоко рассматривал вопросы юридической ответственности.

И. А. Галаган критически относился к концепции конституционной ответственности, ставя ее под сомнение, но делая это с позиций общетеоретической сущности юридической ответственности. Вспоминая эти дискуссии, Т. Д. Зражевская отметила исключительный профессионализм Ивана Александровича, его умение комбинировать практическую и теоретическую аргументацию. Проблемы юридической ответственности он рассматривал в единстве статического (нормативное регулирование) и динамического (реализация, правоприменение) аспектов.

И. А. Галаган критиковал концепцию позитивной ответственности и признавал только рестроспективную ответственность. Он вывел общие функции юридической ответственности, указав не только ее карательную, но и правовосстановительную, воспитательную функции. Принципы гуманизма и справедливости имели первостепенное значение в концепции юридической ответственности И. А. Галагана. Он подчеркивал их значимость в исследованиях как общетеоретического, так и отраслевого уровней.

Заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, **профессор А. В. Мартынов** подчеркнул фундаментальные традиции научных школ юридического факультета Воронежского государственного университета и, особенно, школы административного права, в развитие которой большой личный вклад внесли профессор И. А. Галаган и профессор Ю. Н. Стариков.

Профессор А. В. Мартынов заметил, что преподаватель высшей школы – это человек с особым статусом, складом мышления и ценностными ориентирами. Он живет научными интересами, активно их развивает, создавая новые идеи, категории, концепции. И. А. Галаган является ярким примером выдающегося преподавателя высшей школы, педагога по призванию и юриста по стилю мышления. Он заложил основы тео-

рии функций юридической ответственности, впервые разделил функции административной ответственности на две большие группы – организационные (информационная, воспитательная) и специальные (штрафная, правовосстановительная).

Продолжение идей И. А. Галагана можно найти и в современном учении о функциях административной ответственности. Сопоставляя советский и современный периоды развития административного законодательства, профессор А. В. Мартынов обратил внимание, что в советский период не было существенных различий между гражданами. Целью привлечения к административной ответственности, в первую очередь, было сообщение по месту работы и последующее обсуждение на общем собрании трудового коллектива. Таким образом, на первый план выступала воспитательная функция административной ответственности. Виновный претерпевал не только материальные лишения в виде административного штрафа, но и общественное порицание, необходимость прийти на комиссию и затратить личное время, подождать итогов обсуждения. В настоящее время привлечение к штрафной административной ответственности не обязывает к необходимости траты личного времени, а штрафы со скидкой позволяют человеку быстро забывать о самом факте привлечения к административной ответственности. Но в ряде случаев карательная функция выходит на первый план: в современном административном праве, по сути, есть «смертная казнь» в виде огромных многомиллионных или даже многомиллиардных административных штрафов, налагаемых на организации. Это приводит к их ликвидации и делает невозможным правовосстановление.

По словам профессора А. В. Мартынова, в условиях современности можно говорить о функции трансмиссии у административной ответственности, поскольку она является промежуточным звеном по отношению к уголовной ответственности. В ряде случаев развитие административного законодательства противоречит общетеоретическим началам юриспруденции и теории административного права, например, в вопросах преюдиции. Все эти проблемы заставляют вновь обратиться к концепции функций административной ответственности, предложенной И. А. Галаганом, использовать ее для переосмысления вектора правотворчества в административном праве.

Профессор кафедры административного и муниципального права им. профессора В. М. Манохина Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, **профессор С. Е. Чаннов** обратил внимание на то, что, при постоянной динамике развития университетов (смене преподавателей и студентов), в них всегда сохраня-

ются традиции, научные школы, особая духовная связь. Именно научные школы, подобные созданной И. А. Галаганом, закладывают основы развития университета и юридической науки в целом.

Профессор С. Е. Чаннов подчеркнул, что в настоящее время в области административной ответственности важны как традиционные (общетеретические и отраслевые) представления, так и новации. В этом ракурсе интересно обратить внимание на принятый Государственной Думой во втором чтении закон о внесении изменений в КоАП РФ. Он касается цифровизации документооборота и организационных форм принятия решений. Цифровизация производства по КоАП РФ затрагивает огромное количество органов исполнительной власти, поэтому данный процесс требует длительной и тщательной разработки его механизмов. В законе предусматривается возможность использования веб-конференций, но пока нет единой платформы для их проведения, разработка которой еще только планируется. Вводится возможность представления разных документов в электронной форме через портал Госуслуг, но возникают проблемы, связанные с пропуском сроков представления документов по причинам сбоев в работе системы. Механизм их решения также еще предстоит разработать. Таким образом, при внедрении новаций цифровизации в административно-правовое регулирование требуется фундаментальный теоретический подход, сочетающийся со знанием проблем и потребностей практики.

Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, **профессор Т. М. Бялкина** подчеркнула особую природную энергетику и обаяние И. А. Галагана, который одним своим присутствием уже создавал позитивную атмосферу. Он всегда был дружелюбен, приветлив, прост в общении и в объяснении сложных юридических категорий и проблем.

Профессор Т. М. Бялкина отметила, что фундаментальные принципы и понятия, которые закладываются основателями научных школ, не устаревают со временем. Таковы и научные идеи И. А. Галагана, к которым обращаются по сей день при изучении проблем теории государства и права и проблем юридической ответственности в сфере публичного права.

Профессор кафедры административного и административного процессуального права юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, **профессор В. В. Гриценко** обратила внимание на блестящие ораторские способности И. А. Галагана. Он читал лекции «на одном дыхании», включая в них яркие образные метафоры, которым нередко придавал стихотворную форму. Его искрометное чувство юмора органично переплеталось с поэтическим талантом. И. А. Галаган умел заинтересо-

вать преподаваемыми дисциплинами абсолютно всех студентов. Явка на его лекции была практически стопроцентной: отсутствовать могли только по уважительным причинам.

За время развития научной карьеры И. А. Галаган публиковал исследования на разные темы, в том числе на тему совершенствования законодательства об административной ответственности. С позиций его научного подхода в настоящее время наиболее значительную критику вызвала бы нестабильность административно-деликтного законодательства (за время существования КоАП РФ в него были внесены изменения более чем 800 федеральными законами). Такой нестабильности можно было бы противопоставить только фундаментальные, системные и логически последовательные основы классической научной теории, которую можно найти в трудах И. А. Галагана.

Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ, кандидат юридических наук, **доцент В. В. Серегина** отметила исключительные качества И. А. Галагана как наставника и научного руководителя. Его глубокие теоретико-правовые знания и научная интуиция позволили многим ученым впоследствии защитить кандидатские и докторские диссертации.

Лучше всего об И. А. Галагане сказал цивилист В. А. Тархов в монографии «Ответственность по советскому гражданскому праву» (1973), подчеркнувший, что И. А. Галаган и М. Д. Шаргородский положили начало учению о юридической ответственности в советском праве. Только после публикации их монографий в работах по общей теории права стали появляться разделы о юридической ответственности.

Благодаря И. А. Галагану была создана коллективная монография «Процессуальные нормы в советском праве». Важно подчеркнуть, что, несмотря на формально коллективное авторство, фактически более половины объема ее содержания принадлежит И. А. Галагану, который изложил в ней теоретические основания юридического процесса, обосновывая присутствие процессуальных начал в конструкциях норм материального права.

В завершении круглого стола его участники отметили уникальное единство истории и современности в юридической науке, необходимость органичного сочетания традиций и новаций в правовых исследованиях, где каждая научная школа должна поддерживать основы своего формирования и аргументированно подходить к вопросам их применения в условиях современности.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Обзор Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного 95-летию профессора И. А. Галагана (Воронеж, 28 марта 2025 г.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 3(12). С. 123–132.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. Review of All-Russian Scientific and Practical Round Table Dedicated to the 95th Anniversary of Professor I. A. Galagan (Voronezh, March 28th, 2025) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 3(12). Pp. 123–132.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: ilbas@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;

- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо при-
слать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сек-
тора, подразделения организации) о рекомендации присланного мате-
риала к опубликованию в журнале или подписанный научным руково-
дителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию,
и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редак-
тированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной кол-
легией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times
New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или око-
ло 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации
могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст
сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) че-
рез 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфа-
витном порядке. Библиографический список подлежит переводу на ан-
глийский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому по-
зитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отно-
шения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Haber-
mas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – Moscow : Infotropik Media, 2011. – 192 p. [In Rus.]

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – Moscow : International relations, 2004. – 238 p. [In Rus.]

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;

- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
И КОНФЛИКТОЛОГИИ
2025. № 3(12)

Подписано в печать 28.11.2025. Формат 70×100/16.
Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 11,1. Тираж 25 экз. Заказ 447

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Cerne futurum Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum